ИЗБОРСКИЙ КЛУБ. РУССКИЕ СТРАТЕГИИ. №5(51), 2017

Изборский клуб

русские стратегии

№ 5(51), 2017

Революция — Русская Мечта!

Советский проект

Мистерия Октября

1917

Содержание:

2 Александр ПРОХАНОВ.
И минул век...

4 **Революция как православный ленинизм**
(беседа Александра ПРОХАНОВА с Максимом ШЕВЧЕНКО)

16 Гейдар ДЖЕМАЛЬ.
Мистерия Октября

18 **Революция — Русская Мечта!**
(круглый стол, посвящённый 100-летию Великого Октября)

26 Иван ВИШНЕВСКИЙ.
Николай Андреевич против Николая Александровича

32 Геннадий ЖИВОТОВ.
Живопись Революции

36 Александр ЛЮБИНИН.
Советский проект и национальный суверенитет России
(доклад Изборскому клубу)
ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОКТЯБРЯ (стр. 41)
СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА КАК СПАСЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ (стр. 46)
ДРАМА СССР: ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КОНЦЕПЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ (стр. 49)
ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА КАК ЗЕРКАЛО КОНКРЕТНО ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В СССР (стр. 50)

52 Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Первая мировая социалистическая революция

68 Максим КАЛАШНИКОВ.
Красная динамика

78 Шамиль СУЛТАНОВ.
Политика по-ленински как наука и искусство

86 Карен СВАСЬЯН.
Русская Революция в западной оптике

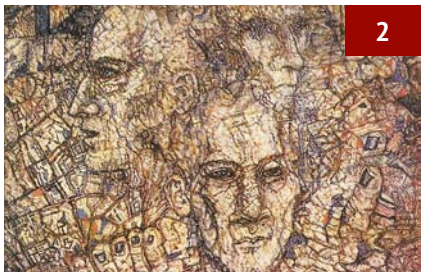
96 Александр ДОМРИН.
Ленин и Америка в 2017 году

104 Алексей АНПИЛОГОВ.
Страницы Революции. Ленин и Ататюрк

110 **Библиотекарь**

111 **Хронология мероприятий клуба**

112 **Да здравствует Революция!**
(стихи о Революции, вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)



Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** **№ 5(51), 2017 год**

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Павел ФИЛОНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

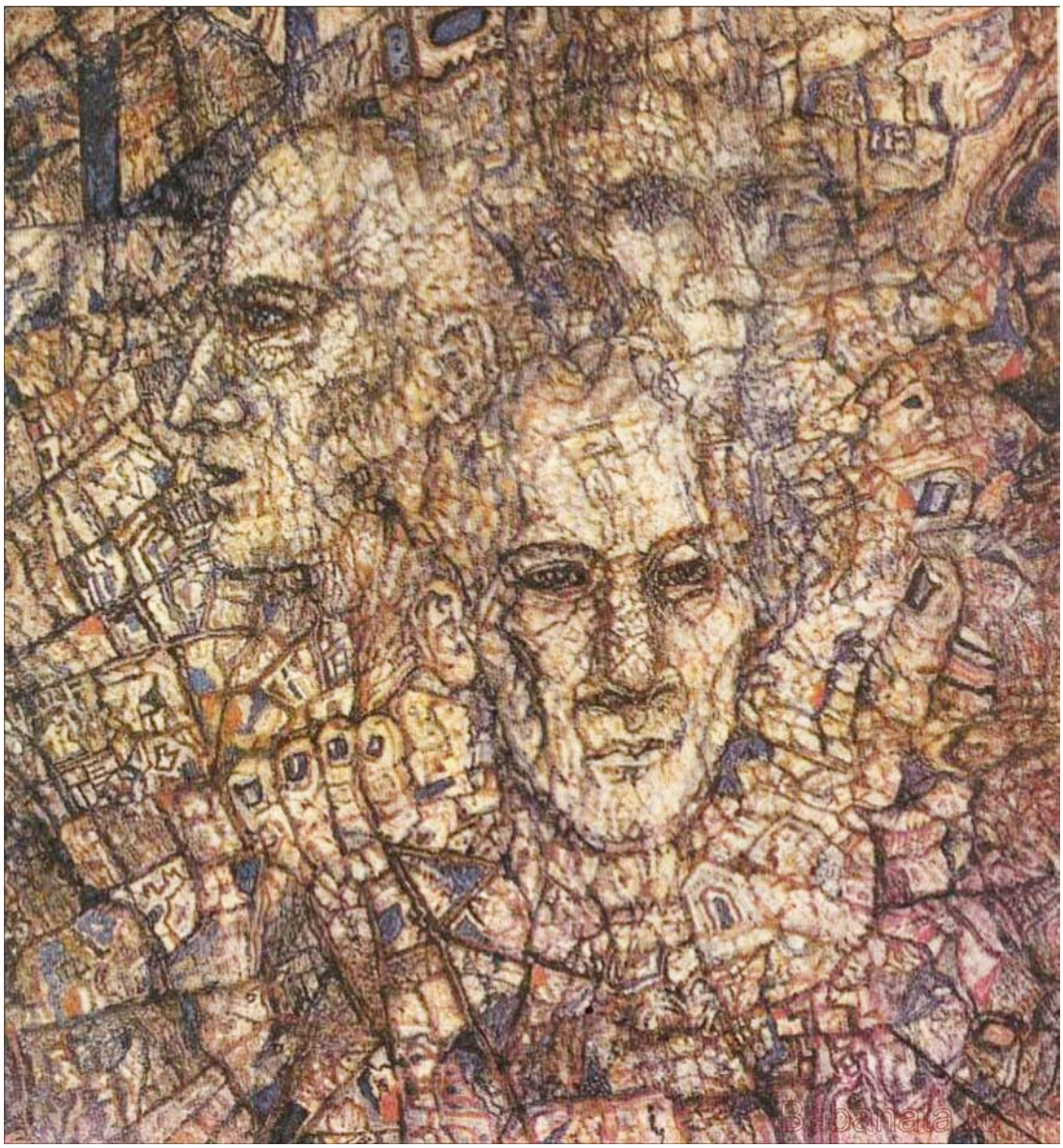
Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 1.08.2017
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»
Тираж 1000 экз. Заказ № 1187

/ Александр ПРОХАНОВ /

И минул век...



Приближается столетие огненной «красной» Революции, которая и сегодня действует, как ожог, на тусклых буржуа, опасливых святош, блудливых либералов, духовных сибаритов. Октябрьскую Революцию поносят все партии. От неё, как от шаровой молнии, шарахаются нынешние «эволюционисты». Её причисляют к величайшим катастрофам истории, лицемерно сетуя о «России, которую мы потеряли». Нахо-

дясь на безопасном от гигантского взрыва расстоянии, глубокомысленно размышляют, какой цветущей и могучей была бы Россия, не случись Октябрьской Революции, не явись Ленин в пломбированном вагоне, не получи он немецких, японских, еврейских и каких-то ещё денег. Но спросим: какой цветущей и могучей была бы Россия, если бы она не проиграла японской и германской войн? Если бы интеллигенция, аристократия, иерархи церкви, армейская элита не отвернулись от императора? Если бы не сгнили все формы управления войсками, губерниями, экономикой, духовной и политической жизнью? Если бы ненависть «низших сословий» к «барам», копившаяся за триста лет крепостничества, не достигла лютых необратимых форм? Если бы масоны Государственной думы, имея поддержку масонов Англии и Франции, не захватили власть в Петрограде и не разломали империю на двадцать ломтей, обрекая эти ломти на судьбу протекторатов Германии, Японии, Турции и Британии?

Бессмысленно размышлять о какой-то «альтернативной» истории. Существует божественная данность. Оптимальное, единственно возможное в условиях конкретного места и времени русло, по которому стремится историческая энергия, катится раскаленная лава исторического процесса. Октябрьской Революции не могло не быть, ибо она занимает своё неизбежное место на синусоиде русской истории, когда Россия, достигнув невиданных вершин развития, распахнувшись до трёх океанов, стала рушиться в пропасть, рассыпалась в прах, пропала в «чёрной дыре» истории, обрекая русскую цивилизацию на полное исчезновение.

Октябрьская Революция — это мистическая тайна русского самоспасения, та же самая тайна, благодаря которой русская цивилизация уже спасалась после крушения Киевско-Новгородской Руси, после гибели Московского царства, после недавнего испепеления СССР. Октябрьская Революция — это промыслительный рывок, которым гибнущая в пучине Россия была выхвачена из бездны и возвращена в историю, пусть в виде «красного проекта», в образе сталинской империи. Вершиной этой империи была Победа 1945 года, небывалая вершина в эволюции человечества, сравнимая с Рождеством Христовым. В результате этой Победы человечество не погрузилось в чёрную магму фашизма, а сохранило свой гуманистический и христианский вектор.

«Красный проект» оказался незавершённым. «Красный звездолёт» не долетел до Русского Рая. Не хватило последней ступени. Кончилось топливо. Экипаж оказался несостоятельным. «Командиры корабля» утратили навыки пилотирования, устали, дрогнули, струсили. Изменили траекторию полёта, и «красный звездолёт СССР» врезался в землю. Но, опередив его, продолжая могучий рывок, мчится «красный звездолёт Китай».

Синусоида русской истории то возносит русскую государственность к высотам, то низвергает её в пропасть. Романовская империя, охваченная саморазрушением, канувшая в феврале 1917 года, подобна империи СССР, которая развалилась в 1991-м. Либеральное Временное правительство, в период которого происходил стремительный распад остатков страны, просуществовало семь месяцев. Либеральный ельцинизм есть аналог Временного правительства с затянувшимся вплоть до 2000 года правлением. Тот же распад территории, та же утрата армии и промышленности, протекторат Запада, гибнущая русская цивилизация… Октябрьская революция с её «красным проектом», единой правящей партией, разогнавшая Временное правительство, — воспроизводится путинской революцией, похоронившей ельцинизм, свернувшей либеральный беспредел, вернувшей в Россию централизм. Проект новой русской империи уже запущен. Сконцентрированы ресурсы, укрощены стихии разрушения, создаётся «ракетоноситель». Нет Первой конной армии, но есть «арматы» и «калибры», нет ВЧК, но есть Следственный комитет и «вежливые люди», нет Врангеля и Деникина, но есть гигантский паразитарный класс коррумпированных чиновников и есть прозападные «агенты влияния» во всех сферах управления российским обществом. Есть Антанта, устанавливающая у границ России системы ПРО и разжигающая агрессивную русофобию в бывших союзных республиках, включая Украину. И всё тот же вечный вопрос: быть или не быть русской цивилизации? Сохранится ли Россия в мировой истории?

Эти проблемы не решаются унылой эволюцией, здравым смыслом, сытой самодовольной политикой. Эти проблемы решаются огненной революцией, мобилизацией, соединением всех национальных усилий, в которых рождаются герои и мученики, святые и полководцы, пророки и духовные лидеры.

Революция как православный ленинизм

Александр ПРОХАНОВ: Максим, нынешний год — юбилейный год революции. В мире идут гигантские революционные процессы, человечество меняет кожу, оно нуждается в идеологии, нуждается в мировых лидерах. И с тем, и с другим не очень-то хорошо в наше время. А Ленин? Он актуален на фоне этих процессов, или он фигура великая, но фигура прошлого?

Максим ШЕВЧЕНКО: Александр Андреевич, Ленин не просто актуален, а гиперактуален. И провиденциально именно поэтому его прах до сих пор лежит посреди России, посреди мира, в том месте, где, как писал Маяковский, находится центр земли, — на Красной площади. Ленин — это человек, который связан не с почвой, а это человек, который связан со временем. Ни один из политиков в человеческой истории так остро не ощущал вызов времени и не умел так ясно формулировать ответ на этот вызов и излагать этот ответ в словах, понятных огромной массе людей. И в действиях, которые этот ответ формализовали в какие-то конкретные политические решения. Ленин — это гений политики. Но Ленин — это человек, который действовал не ради себя, не ради собственного эго. Когда изучаешь его жизнь, то поражаешься, насколько его действия были идеологичны. И идеологию свою он сам формулировал достаточно ясно: угнетённые, «последние» должны стать первыми. Это слова Христа. Угнетённые должны возглавить человечество. А угнетёнными он полагал 99% населения Земли. Он считал, что мир несправедлив, что мир — это страшная ошибка, которую надо исправить. И для того, чтобы эту ошибку исправить, он её формулировал, и формулировал способы исправления на адекватном ему, его эпохе языке — на языке марксизма.

А. П.: Значит, Ленин для нас — просто пример интеллектуального политического поведения? Или же его выводы, квинтэссенция его исканий годятся и сегодня? Ленин — это что: эмблема человечества, которая отнесена временем в прошлое? Или это фигура, которая нужна сегодня, и его выводы, его представления о государстве, о динамике, о капитале, о движущих силах истории могут быть применены сегодня? И применяются ли они сегодня?

М. Ш.: Александр Андреевич, в истории человечества есть такие фигуры: Сократ, или Христос, или Мухаммед, — и какая бы стена времени нас ни отделяла от них, эта стена исчезает, когда мы обращаемся умом к тому, что они говорили и что делали. Это люди, находящиеся вне времени. Когда читаешь Евангелие, диалоги Христа, то они абсолютно применимы к тому, что происходит с нами в отношениях с людьми, к оценке нашей современной ситуации. Точно так же пророк Мухаммед, основатель ислама, или пророк Моисей, или другие. И точно так же в отношении Ленина. Я считаю, Ленин стоит в этом ряду. Потому что его оценки, его поведенческая модель в той или иной политической ситуации всегда актуальны. Он учил, собственно, двум вещам: слушать реальный шум времени и выбирать из этого шума рациональный смысл. И усилием воли и умом превращать шум времени в действующую и актуальную для человека субстанцию, которая имела бы смысл. Ленин считал, что только образованный человек, человек, владеющий методологией понимания происходящего, способен что-либо делать. То есть фактически Ленин пытался через своё понимание несправедливости преодолеть отчуждение человека от мира, потому что главная несправедливость, которую мы ощущаем, — это

то, что наша жизнь закончится. Ленин так не формулировал, конечно, как философ, что вот, наша жизнь закончится, поэтому давайте будем что-то делать. Но при всём этом он искренне верил, что творческая энергия человека, аккумулирование социальных, интеллектуальных ресурсов способны преодолеть пространство, время и победить смерть, сделать жизнь человека осмысленной. Что, когда человек отдаст силы историческому творчеству, будет работать, понимая, что завтрашний день будет лучше нынешнего, что следующее поколение будет жить лучше, чем сейчас (этакое бессребренничество, высшая форма морали), — тогда жизнь человека приобретёт высочайшее содержание. Это русская идея. Ленин был абсолютно русским человеком. Он сформулировал, аккумулировал в себе русские смыслы. И, на мой взгляд, Россия немыслима без Ленина, непонимаема без Ленина. Ленин открыл смыслы России для всего остального человечества. Опять-таки процитирую избитую фразу Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Но так и получилось. Достоевского можно перевести на английский, французский и изучать его на французском. Толстого, Чехова, даже Пушкина, но Ленина… Для понимания Ленина миллионы людей реально учили русский язык. Они приезжали в нашу страну и овладевали: с арабским, латиноамериканским, индийским, китайским акцентом, — русским языком, чтобы соотнести себя с Лениным в реальном пространстве. Это удивительная магия. Именно с Лениным Россия стала той Россией, которая обрела смысл в масштабах всего остального человечества, всей остальной истории. Именно русская революция, которая случилась не благодаря Ленину, но которая победила благодаря Ленину (потому что революция началась в феврале, а не в октябре 1917 года), сделала Россию имеющей смысл, выделяющейся из лоскутного одеяла возникавших и исчезавших в человеческой истории государств и народов. Лишь некоторые народы остались в истории как имеющие особое значение: евреи, римляне, греки, арабы. И русские в их числе. Невелик список народов, которые имеют значение для всего человечества. Русские имеют значение для всего человечества благодаря Ленину. Это моя точка зрения.

А. П.: Ленинизм в том виде, в каком он преподавался в высших партийных школах даже в последние годы Советской власти, состоял из чего? Он состоял из концепции перерастания русского капитализма в русский социализм — раз. Он говорил о том, что движущими силами революции являются неимущие, пролетарии как города, так и деревни. Ленинизм заключался в том, что он понимал революционные тенденции, смог ими овладеть и вызвать поток революционных преобразований, которые кончились образованием советского государства. Он — творец СССР. Он начинал реконструкцию, начинал модернизацию, начинал создание и нового человечества, и новой среды обитания для этого человечества. А сегодня ленинизм — кто им пользуется, какая партия, какое движение? КПРФ? Национал-большевики Лимонова? Мусульманские движения? Тред-юнионы Европы? Где он сейчас обитает, ленинизм? Или он уже превратился в звёздный массив?

М. Ш.: Из всех людей, кого я знаю, Александр Андреевич (а я знаю много людей), философская сторона ленинизма интересовала только двух человек: вас и Гейдара Джемаля. У Гейдара была лекция «Неоленинизм в XXI веке», которая была опубликована в «Лимонке» в девяностые годы, он её прочёл в «Бункере». Лекция тогда имела потрясающее звучание и значение. И для меня самого это было абсолютно новое слово, потому что мы-то в удушающем советском заповеднике привыкли, что Ленин — это какая-то чугунная статуя, стоящая в парке или перед вокзалом на площади. Ленин как бы умерщвлялся Советским Союзом усиленно, потому что Ленин угрожал в том числе и Советскому Союзу каким мы его знали, потому что Ленин — это живое революционное развитие.

А. П.: «Великий инквизитор» — об этом?

М. Ш.: Да, конечно. Это Христос и Великий инквизитор, абсолютно точно вы находите метафору. Поэтому мы в моей юности смеялись над Лениным, Ленин был этакой комической фигурой. Анекдоты и так далее. И когда я обратился, благодаря Гейдару и вам, к переосмыслению Ленина и перечитал заново некоторые его работы, меня поразила ясность, сила и актуальность ленинской мысли. Я уверен, что сегодня КПРФ и все эти партии, этот режим были бы объектами беспощадной ленинской критики, он бы камня на камне от них не оставил. Он высказывался

очень жёстко. Он мог назвать «иудушка», допустим, но это не значит, что он относился к человеку так. «Иудушка Троцкий», допустим, он мог сказать. Он использовал резкие метафоры, но при этом в реальной политике он мог с Троцким заключить союз. И Троцкий стал одним из вождей русской революции в 1917 году благодаря ленинской позиции. Ленин был человеком очень сильного слова, сильной оценки, и если на него обижались (такая магия истории), то эти люди как будто уходили из истории. Ленинская критика никогда не переходила на расстрелы или репрессии. Даже знаменитый «философский пароход». Это были классовые политические враги, это были люди, которые идеологически оформляли Белое движение. Они не в подвалах ЧК погибли. Их посадили на корабль и отправили во Францию. Почему? Потому что Ленин ценил интеллектуальную полемику с ними, интеллектуальный диалог, такова была его воля. Неудивительно, что либералы это ставят ему в вину. Вот, мол, лучшие умы из России отправились за границу. Во-первых, Россия — она всегда и везде. Дмитрий Мережковский, даже сидя в Виши, оставался русским мыслителем и писал на русском языке. И его, и Зинаиды Гиппиус мысли, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, всё равно оставались как бы в России. Разве Мережковский, сидящий, допустим, в Царском Селе, менее значим, чем Мережковский, который пишет в Виши? А Бунин написал во Франции «Тёмные аллеи» и «Жизнь Арсеньева».

Но возвращаясь к Ленину… Я даже сейчас ушёл в разговор о литературе, потому что Ленин, каждое его прикосновение создавало целые круги и возможности исторические. Он как будто магически прикасался к чему-то — и усилие его воли приводило в движение жизни и судьбы тысяч людей. Для меня и ваши мысли о Ленине, и мысли Гейдара Джемаля о Ленине сформулированы были в очень важной максиме, которую мой учитель Гейдар Джемаль как-то вывел. Он сказал: есть три-четыре клуба, относящиеся к реальности: консерваторы видят мир как символ, который надо нарисовать и обожествить. Либералы видят мир как свинарник, который надо благоустроить, провести в него электричество, чтобы вовремя подавали отруби, существа для секса. А радикалы видят мир как ошибку, которую надо исправить. И Ленин, конечно, был символом радикального сознания. Мир — это ошибка, несправедливость, мы находимся в нём, как в тюрьме. Поэтому, когда я прочитал Ленина именно этими глазами, он стал для меня символом величайшего трагического в истории народа рывка к возможности исправить эту трагическую ошибку именно потому, что народ победил в двух войнах: в Гражданской и в Великой Отечественной, — когда мировые силы капитализма, вся Европа пришли поработить этот народ. Народ победил в войне, но не смог преодолеть внутреннюю энтропию, которая свойственна человеческому обществу и человеческому существу. Самое трагичное в ленинской, в русской революции — то, что она победила и потом аннигилировала: именно потому, что её порыв был слишком идеалистический, слишком не либеральный, слишком не животный. На смену великим идеалам русской революции пришёл свинарник, в который нашу страну превратили в 80–90-е годы те, кто топтал и вытирал ноги о память Ленина. Попросту — в свою кормовую базу.

А. П.: В мире очень много левого. Не марксистски левого, может быть, не либерально-левого, но левого очень много. Однако нового левого проекта так и не создали. Казалось бы, интеллектуальный потенциал Европы мог сформулировать левый проект XXI века. Казалось бы, Россия, где левый ленинский проект был реализован, могла бы внутри сохранённых партий, сохранённой КПФР сформулировать левый проект. У КПРФ было для этого время, её не подвергали гонениям, её не расстреливали, и она жила зажиточно, тучно, но она не сформулировала левый проект. Ленин актуален для создания нового левого проекта или нет? Если проект не создан или не создан без Ленина, значит, он не пригодился бы для сегодняшнего левого движения…

М. Ш.: Ленин — радикал…

А. П.: Исходя из того, что я от вас, Максим, сейчас услышал, возможно, Ленин был бы актуален для создания нового, универсального, не обязательно левого проекта. Проекта, связанного с метафизикой мира, с концепцией бессмертия, с концепцией божественной справедливости. Ленин никогда не говорил о бессмертии. Но есть ощущение, что его предтечей был Фёдоров, что его предтечей были русские космисты, что он знал: соединение духовных, мисти-

ческих, жертвенных исканий, соединение с рациональным огромным знанием законов мироздания, — обеспечат человеку бессмертие, обеспечат рай на земле. Может быть, всё-таки Ленин — это звезда будущего, а не настоящего?

М. Ш.: Естественно, он всё это читал, и всё это знал — он очень быстро и много читал. Конечно, Ленин не принадлежит только одному марксизму, экономическим реалиям своей эпохи, тут вы совершенно правы, Александр Андреевич. Ленин дал универсальную формулу революции. Революция совершается с целью установления справедливости, и её главным смыслом является захват власти в интересах угнетённого большинства. В этой формуле надо понимать, кто в адекватную эпоху является угнетённым большинством. И ведь не всякая угнетённая группа является той группой, в интересах которой надо делать революцию. Допустим, гомосексуалисты являются угнетённой группой, но делать революцию в их интересах — это не значит установить справедливость, а значит извратить человеческую природу. Поэтому леволиберальные силы, которые искажают революционное сознание, действуя в интересах секс-меньшинств или ещё кого-то, — они отнюдь не революционные силы, а контрреволюционные. Или, допустим, угнетённым меньшинством может быть какая-то национально-этническая группа. А эта группа, победив, сама угнетать не будет, сама не обратится в таких же жирных поросят, которые её сегодня угнетают? Те, кто боролся с фашизмом: антифашисты, допустим, евреи, — угнетались нацистской Германией. Были евреи-коммунисты, они создали Израиль, который казался символом справедливости. А сейчас мы видим такое же этническое угнетение, примерно с теми же самыми формулами, которые встречались в нацистской Германии: о праве крови, о древней расе, о том, что Бог или высшие силы даровали право этому народу на эту землю. С этими формулами нацисты шли завоёвывать нас. И так же в Израиле завоёвывают и истребляют палестинское коренное население. И это можно продолжать бесконечно. То есть в этой формуле важно понимать, что является сегодня аспектом угнетения. В ленинскую эпоху это было отчуждение прибавочной стоимости, то есть той части жизненной энергии, которую человек создавал своим трудом и которую у него отбирал капиталист, чтобы самому жить хорошо, а тот, у кого он отбирал: пролетарии, наёмные рабочие, — пусть бы выживали как угодно. С этой целью пролетариям ограничивали интеллектуальное развитие — достаточно трёх классов образования. Зачем им высшая школа, средняя? Достаточно уметь читать бульварные газеты, писать, развлекаться и пить. Это прекрасно описал Горький в великом романе «Мать». В следующую эпоху, в наше время, угнетение большинства, на мой взгляд, идёт по линии потребления. Это мир, в котором правят либералы, правят деньги. В принципе, на большей части земного шара — за исключением Африки, Индии, каких-то районов Азии — люди живут достаточно хорошо по сравнению с ленинской эпохой, с XIX веком. Никто не пашет деревянной сохой, достаточно высокая урожайность, есть «Макдоналдсы», соезаменители мяса. И, в принципе, голод побеждён. Хотя я был в Африке и видел ужасы: голодных, измождённых детей, которые вместе с животными пьют из луж. Это современные гримасы неоимпериализма — совсем несчастные полутуземные племена. Но это всеобщее потребление, всеобщее рассеивание людей, замыкание каждого человека или группы людей в своих частных, мелких интересах, психозах, сексуальных интересах, потребительских, культурных интересах, на мой взгляд, является тем видом рабства, о котором писал Ленин. Худший вид рабства, писал он, когда раб не считает себя рабом, доволен своим рабством и не думает о восстании против этого рабства. Поэтому, говоря о метафизике, о метафизическом ленинизме, вы совершенно точно формулируете главный конфликт нашей эпохи — это борьба сверхчеловечества, то есть борьба духа против материи. Потому что сегодня материя, материальное, социальное общество потребления является главным ресурсом угнетения человечества. Правящая элита возомнила себя новыми богами на земле. Речь уже идёт не про царя, не про окружение русского царя или немецкого кайзера. Речь идёт про общемировую интернациональную элиту, которая держит в своих руках мировые деньги, которая больше не основывается на человеческом труде. Сколько хотят — столько и напечатают. Не отвечая ни перед кем. Федеральный долг США — уже под 20 триллионов долларов. И они его никогда не выплатят. Но эти триллионы оплачивают другие: голодные дети Африки, китайские рабочие, разрушенные школы и больницы в России… А медиа? Сквозь то-

тальную массовую ложь либеральных медиа пробиться невозможно. Газета «Завтра» — это уникальный луч света в обществе коллективного медийного согласия.

Такое ощущение, что какое-то единое ЦК повестку раздаёт во все мировые газеты. Деньги, медиа, развлечения — вот три кита, на которых стоит современная система угнетения. Правящая элита, конечно, не читает этих газет и не смотрит эти медиа. Правящая элита имеет свои эксклюзивные форматы доступа к деньгам и ресурсам развития. Правящая элита не живёт в этих массовых отелях, в санаториях и не летает этими самолётами. Они дистанцировались, Клуб правящих господ. Поэтому вопрос не в том, что плохо жить. Плохо было жить, допустим, русскому фабричному рабочему в конце XIX — начале XX веков. Но сегодня, да, никто же не умирает в России от голода. Можно пойти в какую-нибудь «Пятёрочку», «Магнит» и купить жуткую еду, от которой люди, как свиньи, разбухают, которую, на мой взгляд, есть просто нельзя и нельзя ею кормить детей. И вот, мол, ты что жалуешься? Мы же не голодаем. Но именно метафизически вы превращаетесь в свиней, в большой свинарник. И ленинский тезис о том, что угнетённое большинство должно перестать быть угнетённым, а история человечества должна развиваться в интересах большинства, ресурсы человечества должны тратиться на развитие, в том числе духовное, большинства, — это и есть главная точка ленинизма XXI века. Именно в метафизическую сферу сегодня переносится борьба. Марксизм как борьба за то, чтобы накормить, больше не имеет смысла. Накормить легко. Миллиард китайцев можно накормить. Борьба за то, чтобы человек реализовывал свои внутренние инстинкты, не имеет смысла. Люди могут менять пол, объединяться в любые извращенческие сообщества. Но борьба идёт за то, чтобы не быть просто животными, глиной, бессмысленно бурлящей на поверхности земли, — именно это и есть квинтэссенция ленинизма. Ленин дал методологию политического восстания против угнетения, победы в этом восстании и удержания плодов победы. Именно поэтому его так ненавидят — до визга ненавидят! — либералы. Консерваторы более, кстати, внимательны. Они, повторяя мантры про то, что Ленин разрушил церкви, расстрелял царскую семью, присматриваются к нему, более адекватно иногда к нему относятся. Но либералы ненавидят Ленина какой-то животной, истерической, визгливой, с брызганьем слюной ненавистью. Именно потому, что они понимают: ленинизм — вот главная методологическая угроза их господству. Это единственная в истории победа рабов над обнаглевшими господами, закончившаяся успехом.

А. П.: Думаю, что движение Демиурга в человеческой истории связано с появлением различных проявлений ликов этого Демиурга. И одним из этих ликов был Ленин. По существу, Ленин — явление изначальное. Ленин был в папоротниковый, в каменноугольный период живой материи, и он, двигаясь в этой развивающейся, мучительно страдающей биосфере, принимал различные формы. В этом смысле, я думаю, Ленин является скоростью света или скоростью истории, которая в начале XX века подарила нам этого великого русского человека. А как, по-твоему, соотносятся ленинизм и сталинизм? Вот вы, Максим, — антиэтатист, для вас слово «государство» — мучительное, невыносимое. Ленин в своей работе «Государство и революция», по существу, перечеркнул государство как страшный рудимент, предлагая другие формы организации человеческого сообщества. Но, когда он выиграл революцию и должен был её защищать, то сразу начал создавать институты государства. Потом эти институты подхватил Сталин и с этими институтами: жесточайшими, предельными, — разгромил фашистскую Европу. Как для вас сочетаются ленинизм и сталинизм — это вещи контрапунктные, или это эволюция одного и того же?

М. Ш.: Я считаю, что это контрапункты. Я, Александр Андреевич, вас люблю и не хочу вам врать. Я к Сталину отношусь достаточно негативно.

А. П.: Я знаю.

М. Ш.: Я считаю Сталина могильщиком идеалов и принципов русской революции. Я не считаю, что сталинское государство было развитием ленинской идеи. Ленин опирался на Советы, в которые приходит народ, и, через создание институтов образования (напомню, что одним из первых декретов Советской власти ещё в 1917 году был декрет об обязательном среднем образовании) народ реально учится управлять государством. Ленинская модель была такая. Вот есть Советы разного

уровня как форма проявления политической и социальной воли народа. Есть бюрократия, которая подчиняется этим Советам. Не бюрократ в партийном френче вызывает к себе членов Совета в кабинет и указывает, ставит им на вид, как они должны делать, а те, боясь репрессивного аппарата, которым этот бюрократ владеет, ходят на цыпочках и исполняют его волю, зачастую против интересов народа, которые они формулируют. Всё наоборот: именно Советы, руководствуясь мировоззрением, носителем которого является партия, где есть свободные дискуссии, в том числе о путях развития, вызывают к себе бюрократов в Совет. Если бюрократ зазнался (и это ленинская концепция), зажрался, то ему говорят члены Совета: иди-ка ты отсюда, ты нам не нужен, мы на твоё место поставим другого. А если бюрократ начинает упираться, тогда уже вызывается ГПУ, но только это орган, подчиняющийся Совету, а не партийному бюрократу. С этим бюрократом разбираются: а не является ли он, в силу того, что зашёл так далеко в своём чванстве, врагом Советской власти, а не просто партии, отдельно стоящей от Советской власти? Моя главная претензия к Сталину — только в том, что он создал из партии бюрократический институт, который подмял и уничтожил Советы как органы политической организации и воли народа. Я совершенно конкретно формулирую претензию к Сталину. Во всём остальном я не считаю Сталина ни параноиком, ни шизофреником, ни корыстным человеком, как либералы ему это приписывают. Я считаю, что человек он был искренний, верный, действительно хотел Советского Союза, хотел социализма, как он их видел. Он хотел Победы. Но методологически и политически он — не ленинец. Именно поэтому его концепция свелась фактически к реставрации Российской империи. Вернулись золотые погоны, купола, вернулось белогвардейское духовенство, митрополит Федченков, духовник Белой армии, тоже в 1945 году вернулся, Православное совещание — много чего вернулось. Всё это, на мой взгляд, привело к гибели и сталинизма, и самого Сталина. Потому что Сталин был в сильной перверсии, к которой он пришёл к 1945 году вследствие разных причин. Есть версии: договорённость с Рузвельтом, попытки установить конвергенцию с американцами. Потому что у него с Рузвельтом были очень хорошие отношение, очень творческие. Если Черчилль Сталина ненавидел, то Рузвельт Сталина очень уважал и считал, что можно поделить мир между Советским Союзом и Америкой, например. И Фултонская речь была не вследствие дурной политики Советского Союза, а именно вследствие того, что сталинский Советский Союз активно шёл на сближение с западным миром. Именно поэтому, чтобы прекратить это сближение, Черчилль и произнёс речь о холодной войне. А Трумэн как бы дополнил это дело, не обладая большим рузвельтовским умом. Поэтому я считаю, что Сталин не революционер. Сталин — выдающийся государственный строитель, безусловно, генералиссимус, победитель в войне. Для меня всё, что связано с войной, где Сталин был главнокомандующим, безусловно, является важным и священным в моей истории. Но Сталин для меня мало чем отличается в историческом смысле от Кутузова или от Дмитрия Донского. А Ленин — это не правитель страны, не государственный деятель. Ленин — это настоящий революционер и преобразователь истории. Ленин вытащил на поверхность истории из-под спуда миллионы людей, которые прозябали. Как мой дед, который родился сыном белорусского пастуха, а закончил жизнь профессором берлинского университета Гумбольдта. Поэтому моя позиция — не антиэтатистская. Я не противник государства. Но в интересах кого существует государство? Какая концепция государства? Сами по себе заводы, днепрогэсы и ракеты меня не прельщают, потому что всё, что построили в сталинское время великие, прекрасные учёные, которыми я восхищаюсь, как и вы, Александр Андреевич, — всё это досталось березовским, гусинским, ходорковским, смоленским и прочим. Задача победившего революционного класса не только в том, чтобы одержать победу над контрреволюцией. И, как оказалось, не только в том, чтобы удержать власть, — но ещё и в том, чтобы не позволить своей политической воле деградировать, не позволить отобрать у себя результаты собственного труда и собственных жизней. Фактически все погибшие в великом советском проекте, в Великой Отечественной войне присутствуют в богатстве. Их тени как будто заключены в чёрные магические кристаллы олигархов, миллиардеров, которые владеют нашей страной. Как будто вопиют души панфиловцев, души красных и души белых, которые тоже были русскими людьми. Это описал Шолохов в «Тихом Доне». Многие

белые были как бы прощены после окончания напряжения Гражданской войны. И это была ленинская политика. Он первый начал политику конвергенции, сближения, как бы сшивания расколотой России. Но не на путях золотых погон и не на путях восстановления монархии, как Сталин, а всё-таки так: или вы признаёте революцию и Советскую власть, или не признаёте. Если вы не признаёте — значит, с вами война. Если вы признаёте советскую власть и даёте слово не воевать, а служить ей как власти народа, как это сделали многие царские генералы: Брусилов, Каменев и так далее, то вы — наши товарищи. Это была ленинская позиция. Сталин расстрелял русскую революцию, и это ему простить я не могу, Александр Андреевич.

А. П.: А вы считаете, что сегодня…
М. Ш.: Я вас перебью: этот комический и страшный персонаж, Хрущёв, один из самых жутких персонажей советской истории — пародия на революцию, на коммунизм, на идеалы….

А. П.: На ленинизм.
М. Ш.: На ленинизм, на сталинизм, на всё, что угодно, — это результат сталинского эксперимента по выведению бюрократической партийной элиты.

А. П.: А вы считаете, Максим, что сегодняшняя России беременна революцией? Или же любая страна, любое государство в любой период своей истории беременны революцией, и революция — это перманентное состояние, связанное с развитием?
М. Ш.: Я считаю только, что это не удел страны. Я считаю, что революцией беременно человечество. Спартак, Ленин, Робеспьер, Томас Джефферсон — можно назвать разные имена революционеров. Они из разных стран и эпох, но говорят примерно об одном. Джефферсон говорил, что тиран Георг не может править свободными людьми. Камиль Демулен сказал: я не понимаю, почему человек, называющийся королём, до сих пор жив. Или Кромвель, допустим. Да, это люди, которые понимали политический смысл революции. Он не в том, чтобы понравиться. Мир беременен революцией. Мир чудовищно несправедлив. Огромное количество людей воспринимают бессмысленность собственного бытия, они — как белки в колесе, как рабочие, которых описывал Диккенс, или как русский крестьянин: работал, работал, работал… Всю свою жизнь работал человек для того, чтобы увидеть, как голодают его дети, как недоедает его жена, как его тощая лошадка, какой-нибудь Холстомер, пасётся за околицей. В чём был смысл жизни этих людей? И поэтому русские люди уходили в раскол, например. Это была одна из форм русского протеста, русской революции. Миллионы людей были в расколе, явном или тайном. Прекрасный современный русский историк Александр Пыжиков показал корни сталинского большевизма в своей великолепной работе, как бы генезис русской революции, её соотношение с раскольничьим духом беспоповским, особенно мифическим. Маленков, или Молотов, или Жданов, происходящие из беспоповской среды, — они, может быть, уже и не помнили книги религиозные, хотя я думаю, что помнили, но дух неприятия несли в себе. Их проблема — только в том, что они согласились стать великими инквизиторами новой эпохи, отказавшись от того, что двигало сознанием русского человека. А для меня Раскольников — это и есть квинтэссенция русского человека, бросившего вызов Великому инквизитору. Антихрист, который пришёл дать людям хлеба и зрелищ, не может править русскими людьми. Поэтому я считаю, что человечество беременно революцией. Отсюда возникают все эти мистические девиации типа исламского терроризма или каких-нибудь сект буддистских типа «Аум Синрикё». Отсюда повальное многомиллиардное увлечение религией новой или возвращение мистицизма. Люди мечутся. Но и в XIX веке так было, все понимали, что мир несправедлив, и поэтому метались вокруг идеи справедливости. Кто-то цитировал Каутского, Энгельса и Бебеля, как начётчики, как меньшевики. Кто-то говорил, как Михайловский или народники, о душе народа, о том, что народ — это некая духовная сущность. Но чёткую методологию сформулировал только Ленин и те, кто стоял за ним.

А. П.: Ведь Ленин — провозвестник и реализатор революции как восстания, революции, как…
М. Ш.: …как творческого восстания ради не просто этакого махновско-монархического: эх, всё давай сожжём, «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Нет, мы создадим.

А. П.: Он был провозвестником восстания в его классических формах, связанных с насильственным отбиранием власти у негодяев, у вампиров.
М. Ш.: Если те добровольно не отдают власть.

А. П.: Так не бывало никогда. Они не отдавали власть добровольно. Но ведь говорят, что Христос тоже был революционер.
М. Ш.: Конечно.

А. П.: Но он отобрал власть у античных правителей, олигархов не через восстание насильственное, он отобрал власть другим способом. То есть революция Христа, которая продолжается, которая не захлебнулась, — это восстание, реализованное каким-то особым, не ленинским способом.
М. Ш.: Во-первых, мы точно не знаем, Александр Андреевич. Потому что я, например, полагаю, что защитники Масада, последней крепости, которые сопротивлялись легионерам Веспасиана, то есть римским язычникам, это были христиане. Это не иудеи, как нам сегодня пытаются представить, это были люди, безусловно, монотеистического религиозного корня…

А. П.: Они защищали общину свою. Защищали свою общину!
М. Ш.: Но это были христиане.

А. П.: Но они не шли на рифы.
М. Ш.: Это были назареи. Мы знаем, что при осаде Иерусалима иудейские раввины, типа Иосифа Флавия, побежали к оккупантам как коллаборационисты. Иосиф Флавий потому и описал иудейскую войну, что перебежал к врагу, к язычникам. Они придумали философское оправдание для себя. А храм, второй Храм, защищали назареи, примыкающие к христианам, последователи Христа. Именно они бились с римскими легионерами на стенах Иерусалима, защищая его. Поэтому я не думаю, что попытка сделать из Христа и из христиан этаких хиппи, которые ходили и проповедовали колокольчики-бубенчики, — это правда. Потом даже один эпизод, точнее, пара эпизодов из Евангелия говорят нам о том, что это вовсе не была этакая община толстовцев. Когда пришли арестовывать Христа, то Пётр выхватил меч и отрубил ухо Малху.

А. П.: Христос на это что сказал?
М. Ш.: «Вложи меч в ножны»? А вот вопрос: почему? Это же вопрос интерпретации. Попы всегда это интерпретировали так: вот какой миролюбивый Христос! А я могу это по-другому интерпретировать. Во-первых, я вижу из этого эпизода, что Пётр был вооружён, это первое.

А. П.: И опасен.
М. Ш.: Ходить тогда с мечом, Александр Андреевич, по Иерусалиму — это как сегодня с «калашом» ходить. И попробуйте отрубить ухо человеку, без тренировок у вас это не получится.

А. П.: Я пробовал без тренировок, у меня получалось.
М. Ш.: Пётр был рыбак. Кто его учил работать мечом? Он всю жизнь вспарывал рыбам брюхо. А может быть, они тренировались. Может быть, в Евангелии мы можем найти и достаточно ясные указания на это. А Христос сказал «вложи меч», чтобы не была уничтожена вся община, вся эта подпольная группа. Он сказал: я пойду на этот суд, а вас, чтобы не замели, ребята, чтобы не взяли, «вложи меч» — и как бы рассейтесь в толпе.

А. П.: Нет, это ваши блистательные домыслы.
М. Ш.: А почему нет?

А. П.: Может быть, так оно и есть. Существуют две формы революционного преобразования. Ведь Толстой всё время говорил «вложи меч» — и не потому, что тайно Толстой стрелял из пистолета в ворон или лисиц…
М. Ш.: Толстой был зеркалом русской революции, потому что русская революция 1905 года металась между этическим идеалом и хаосом сожжения помещичьих усадеб и разорения. Знаете, какой был главный лозунг русской революции 1905 года? «Земля Божия»!

А. П.: Этот вопрос актуален и сегодня. Возможно ли преобразование, трансформация человечества без гекатомб?
М. Ш.: Конечно, возможно. И Ленина не стоит представлять каким-то маньяком или параноиком, который только и мечтал кого-нибудь расстрелять. Читаешь его работы, и там совершенно ясно сказано, особенно в работах 1917 года: он не хочет насилия. Но он говорит: к насилию призывает не пролетариат

и не партия — к насилию взывает буржуазия. Потому что, во-первых, в ответ на большевизацию Советов Временное правительство начинает наступление на фронте, которое кончается гибелью сотни тысяч солдат. Это что, не насилие? Они были убиты политтехнологиями Керенского и Корнилова ради чего? В бой ведь бросались, как известно, самые большевизированные полки, самые большевизированные дивизии. Это же исторический факт. Когда немцы брали Ригу, когда Корнилов сдал немцам Ригу, именно чтобы создать основу для своего мятежа, то единственные два полка, которые Ригу защищали, — это были самые большевистские полки. А все, кто клялся Временному правительству, бежали из Риги. Но сколько они погубили людей! Только к лету 1917 года с начала марта потери составили миллион шестьсот тысяч человек — убитых, раненых, искалеченных, попавших в немецкий плен. Так кто начал этот террор, кто начал массовое истребление вооружённого и организованного в армию народа? Конечно же, правящий класс, буржуазия. Большевики со своей «Авророй», со штурмом Зимнего — да их даже не видно на этом фоне. Даже читаешь Мельгунова — 50 тысяч человек… Гражданская война? Мы знали и пострашнее гражданские войны. Вон Руанда. Там миллион уложили за пару месяцев. И в американской гражданской войне, XIX век, когда не было ни пулемётов, ни газа, ни гаубиц тяжёлых, — миллион человек было убито, из них половина мирных жителей. Линкольн приказал генералу Шерману двигаться на Атланту, убивая всех южан: женщин, детей, стариков, — чтобы остановить войну. Этакая первая атомная бомба, которая была применена вашингтонским режимом против собственного народа. Красный террор, по крайней мере, носил в основном достаточно ясную политическую направленность, за исключением эксцессов психопатических, которые бывают во всяком такого рода хаосе. Но весь красный террор, по потерям, — это один день, может быть, три дня «Верденской мясорубки». Человеческую жизнь обесценили не большевики, а те господа, которые три года травили газом, расстреливали из пулемётов, из тяжёлых орудий студентов Гейдельберга, студентов Сорбонны, рабочих Эльзаса, что прекрасно описали Эрнст Юнгер или Луи Арагон в своих великих произведениях. Бессмысленная, жуткая бойня, Поэтому обвинение большевиков в терроре и в гекатомбах — это мерзкая ложь либералов. Я напомню, что, пока люди убивали и резали друг друга штыками пилообразными, которые Ремарк описывал, кто-то зарабатывал огромные деньги на военных поставках, на падении или росте банковских котировок. Они всегда одинаковы. Сейчас — то же самое. Русские с чеченцами убивали в Чечне друг друга жестоко, а в Москве или в Питере березовские, гусинские, ходорковские, чубайсы, всё ельцинское окружение зарабатывали огромные деньги. То же самое всё было. Так заслуживало ельцинское окружение революции? Заслуживало.

А. П.: А не видите вы в сегодняшней России какой-нибудь кружок, организацию, какое-нибудь дуновение, которые могли бы стать дуновением ленинского образца или кружком ленинизма?

М. Ш.: Единственный — и это не комплимент и не попытка понравиться или подольститься, — единственный центр, где ведётся свободное обсуждение широких смыслов, — это, конечно, газета «Завтра». Есть разные кружки, очень интересный кружок Бориса Кагарлицкого «Рабкор.ру» — сайт, где идёт марксистский анализ современной глобальной мировой, российской политики. К сожалению, Гейдар Джемаль умер, но его ученики организовывали методологии анализа. Есть подобные центры и в консервативной среде. Современная метафизика ленинизма, метафизическая точка объединяет левых и правых в едином строю. Юлиус Эвола может сегодня считаться марксистом, а Маркс восприниматься в качестве русского патриота. Но монархизм, я считаю, — это сегодня удел либералов.

А. П.: Я даже готов ввести термин «православный ленинизм».

М. Ш.: Только «православный» — не в поповском смысле, Александр Андреевич.

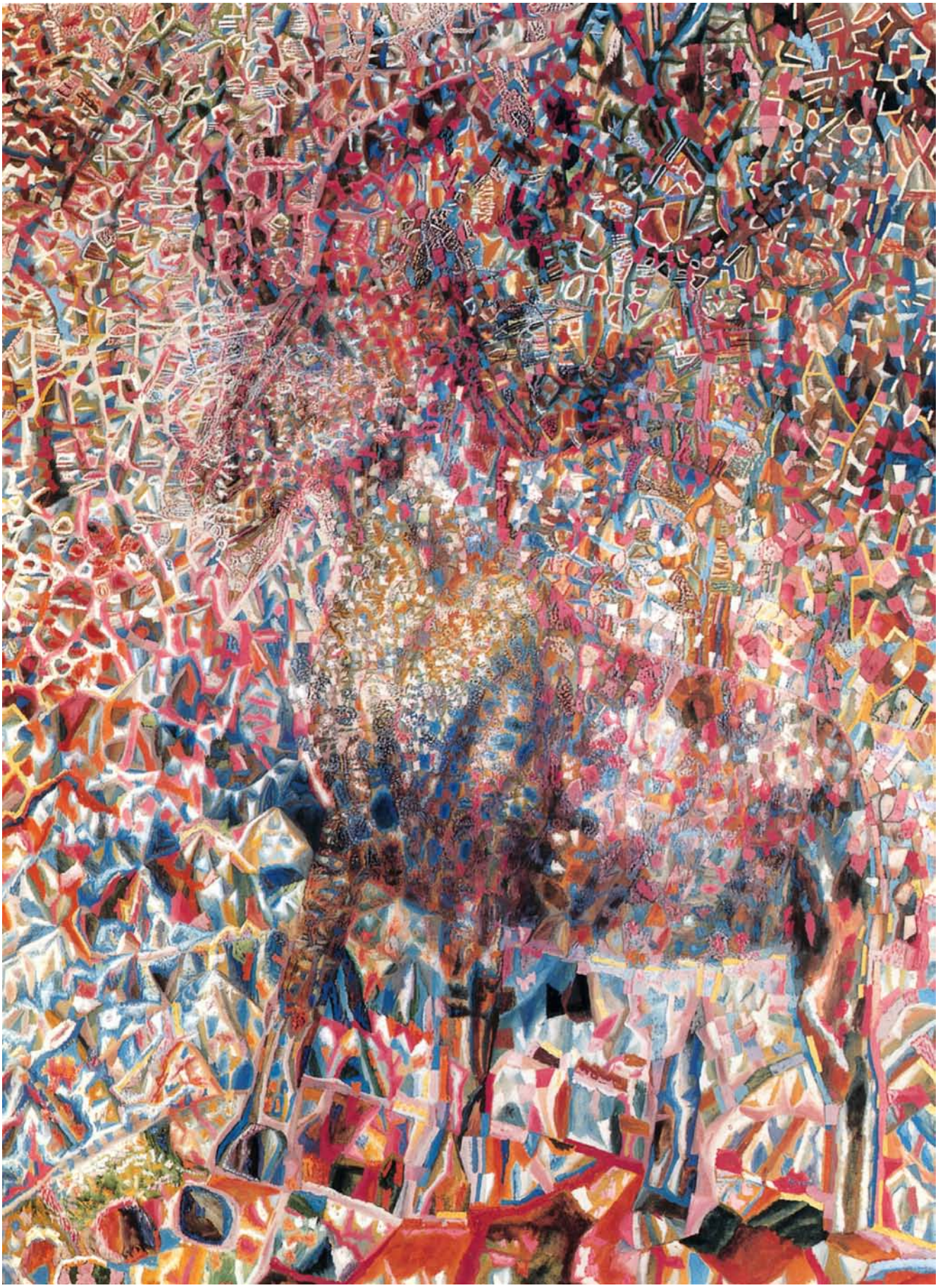
А. П.: В христианском.

М. Ш.: Да, в христианском, в православном, в русском религиозном смысле — в таком, если угодно, раскольничьем…

А. П.: Божественная справедливость. Мы говорим не только о социальной, но и о Божественной справедливости. Значит, это православный ленинизм.

М. Ш.: Конечно. Разумеется.

А. П.: Максим, спасибо. Блестяще.



/ Гейдар ДЖЕМАЛЬ /

Мистерия Октября

Есть в «Тысяче и одной ночи» известная притча. В ней рассказывается о рыбаке, который выловил из океана кувшин, запечатанный печатью Соломона. Когда рыбак открыл печать, из кувшина вылез огромный и страшный джинн (ифрит). Он сказал, что сидел в нём три тысячи лет. Первую тысячу лет джинн обещал тому, кто освободит его, всё золото мира, вторую тысячу лет — исполнение всех его желаний, а третью тысячу лет — убить того, кто распечатает кувшин. Интерпретируя эту историю, необходимо отметить, что джинн (ифрит), представляющий в исламской традиции разрушительную силу, энергию низшего порядка, заключён в глину, которая является субстанцией, из которой создан первый человек.

«Глиняное человечество» выступает в роли некоего хранителя энергии, необходимой для воспроизведения «коллективного человеческого существа» во времени. Социум похож на пирамиду, вершина которой запирает энергию, бушующую внизу, на уровне её основания. Время от времени эта вершина, «крышка» пирамиды, слетает, и джинн освобождается. «Влажная глина», в которой складирована колоссальная энергия, внезапно переходит от медленного, мягкого, плавного выделения к бурному процессу энергетического выброса.

С этим процессом связана и глубинная мистическая, «энергетическая» парадигма революции. В рамках этой парадигмы центральный атрибут человеческого существа, его субъектный стержень, вступает в парадоксальное противостояние с фундаментальным устройством мира, определяющим логику Вселенной, рационально-небесное устройство бытия. В глубочайшем противоречии с этой логикой находится то, что мистики называют «тайным шёпотом Святого Духа». В Коране, в суре «Ночь могущества», говорится: «Ночь могущества лучше тысячи месяцев, нисходят в неё ангелы и Дух для выполнения всяких повелений».

Современные люди явно не понимают того, что ещё в XIX веке было достаточно очевидно: революция имеет прямую связь с религией, революция — действо Святого Духа, религиозная мистерия. В России такая потеря осознанной религиозной интуиции революционного действия начала происходить, быть может, раньше, чем в других местах, поскольку она была сопряжена с интенсивным проникновением западных революционных, материалистических доктрин. Уже для декабристов религиозные истоки социального бунта, восстания были неочевидны, поскольку они стояли на просветительских позициях, характерных для масонской, постреволюционной Франции.

Однако в середине девятнадцатого столетия в России появляется уникальный религиозно-революционный гений — Фёдор Михайлович Достоевский, который резко изменил духовные векторы русской судьбы. Этот человек своей личностью, своим сознанием, своим творчеством соединял в себе два аспекта одного великого феномена: религию и революцию. Глубоко ошибаются те, кто считает, что Достоевский после каторги «исправился», оставил мысли о революции и т.д. В действительности Достоевский встал на позиции скрытого религиозного социализма, который он связывал с доктриной о необходимости мессианской роли русского народа. Внимательное изучение того послания, которое содержится в его книгах, указывает на то, что Достоевский предвосхитил все основные архетипы, задействованные в русской революции. Сегодня особенно важно подчеркнуть, что базовая парадигма русской революции в гораздо большей степени определялась страстным пафосом Достоевского, чем теориями экономического материализма,

которые не проникали дальше чисто внешнего усвоения и никогда не переходили на уровень коллективного бессознательного.

В предреволюционной России, стоявшей на пороге 1917 года, сошлись несколько особых условий, которые предопределили соответствие Красного Октября сакральному архетипу революции. Во-первых, в России существовал уникальный феномен сект, адепты которых верили в актуальное противостояние сущему вокруг них злу — на мистической, религиозной основе. Во-вторых, в России присутствовал уникальный феномен «бедного еврейства», аналогичный эсхатологической секте зелотов, противостоявших римлянам две тысячи лет назад. В-третьих, существовала группа интеллигентов из числа бывших семинаристов, типичными представителями которой были Чернышевский, Добролюбов, а также Сталин. Эти люди принадлежали к беднейшему слою духовного сословия, близкого к народу. Именно в их среде произошёл взрыв странной веры, выражавшейся в отрицании церкви, катехизиса, внешней конформистской воцерковлённости. Соединение этих трёх религиозных аспектов и привело к революционному взрыву в России.

К сожалению, религиозная сущность революции вскоре пришла в противоречие с её внешней догматической формой. Разрыв между религиозной сутью и марксистским догматическим содержанием, антирелигиозным видением себя стал первой основной катастрофической причиной поражения революции. С этим же был связан и перенос стратегических приоритетов с Коминтерна на СССР, что привело к созданию специфической бюрократии-номенклатуры, которая стала расценивать свои классовые интересы выше интересов мировой революции. Если бы в России существовала подлинная теология революции, «новой бюрократии» не удалось бы переместить приоритеты с глобального на локальный проект.

Кроме того, руководствуясь марксистскими догмами, революционное руководство России неверно выбрало вектор революционной экспансии. Распространение мировой революции в направлении «на Варшаву, на Берлин» было очевидной ошибкой. Россия физически не могла организовать прорыв в Центральную Европу, преодолеть инертный балласт государств Малой Антанты, которая возникла на её западных границах.

Создавая свои теории в XIX веке, Маркс и Энгельс рассматривали Европу как центр мира и полагали, что революция должна победить в самых «развитых» и «передовых» странах. Но к 1917 году Первая мировая война положила конец европоцентризму, Европа превратилась из центра мира в некую отсечную, тупиковую позицию, о чём Маркс и Энгельс в середине XIX века не могли знать.

Однако революция могла победить уже на самом первом этапе, если бы ставка была сделана полностью и всерьёз на освобождение колониальных масс юга Евразии — прежде всего, на освобождение народов Британской Индии, свержение иранского шаха и поддержку антибуржуазных элементов в исламистском движении Турции. Таким образом, можно было одним ударом сломать всю систему глобального контроля, осуществляющегося со стороны Запада по отношению ко всему остальному миру.

Переход к системе неоколониализма, который завершился к 1961 году, тогда ещё не был возможен; и при некоторых условиях он мог не состояться вообще, если бы ресурс колониальных империй, потраченный на этот переход, был выбит из рук Запада. До появления атомной бомбы оставалось тогда ещё 20 лет, и Запад не смог бы навязать военным путём иную политику России. Если бы гигантские ресурсы Южной и Северной Евразии оказались под контролем Коминтерна, мировая революция могла бы победить.

Этот проект был абсолютно реален, и не зря Ленин в последние годы своей жизни сказал: «Каким путём пойдут Россия, Китай и Индия, таким путём пойдёт весь мир». Однако время уже было упущено. И виной тому — ложные, европоцентристские представления о революции, основанные на атеистическом марксизме…

Революция и сейчас не ушла из России. Вопреки тому, что мы являемся свидетелями усталости, апатии народа, ментального шока в результате страшной информационной войны, сегодня революция перешла с субъективного уровня на уровень объективный. Кризис системы колониального контроля в России делает новую русскую революцию неизбежной. И не случайно, что эстафета революции (причём декларируемой, явно и открыто, именно как религиозная революция) была подхвачена в Иране — южном соседе России. Сегодня она апеллирует к России как фактору, который предопределит мировой размах революционного процесса в XXI столетии.

Революция — Русская Мечта!

Круглый стол, посвящённый 100-летию Великого Октября

Александр НАГОРНЫЙ,
заместитель председателя Изборского клуба:

— Уважаемые коллеги!

Так получилось, что мы начинаем рассматривать тему Октябрьской революции 1917 года, великой и социалистической, уже сейчас, в начале??? лета, — и рассматривать, прежде всего, в двух ракурсах. Во-первых, её влияния на нашу страну и на мир в целом. А во-вторых — причин, по которым был уничтожен Советский Союз и созданная им мировая система социализма, «красный проект», который на протяжении многих десятилетий противостоял западному неолиберальному проекту. Несомненно, социализм — как идея и как политическая реальность — продолжает существовать и бороться. Но это пока оборонительные сражения, поскольку сохранившиеся в ряде стран мира правящие коммунистические партии функционируют в рамках глобального либерального рынка и пока не являются ясной политической альтернативой доминирующей системе империализма. Конечно, компартии Китая в русле неизбежного обострения своих противоречий с США рано или поздно придётся занять позицию лидера социалистических сил, но это дело будущего. Пока же и КПК, и другие компартии работают в матрице западного мира, внешне не претендуя на иную всемирно-историческую перспективу. Но нам необходимо ради будущего взвесить и суммировать наследие Великого Октября и советского образца, советского проекта. Но пока самое, пожалуй, главное — это реставрация капитализма на территории Российской Федерации и на всём «постсоветском пространстве», причём порой в самых диких и отвратительных его формах — неофашистских, неонацистских. Я имею в виду не только Украину или республики Прибалтики, где эти реакционные политические процессы идут на фоне социально-экономической деградации, и не только бывшие союзные республики Закавказья и Средней Азии, где те же, по сути, националистические процессы смягчаются формами традиционного общества, — я имею в виду и период 90-х годов прошлого века, когда либерально-рыночный фашизм господствовал в России и продолжает лелеять перспективы реванша.

Октябрьская революция 1917 года — мы уже касались этой темы на одном из наших круглых столов, посвящённых феномену её идеолога и вождя Владимира Ильича Ленина, — была уникальным явлением, поскольку позиционировалась как прорыв в будущее — в социалистическое и коммунистическое будущее, предсказанное Марксом и Энгельсом, — отсталой аграрной страны, более чем на три четверти населённой крестьянами, не имевшими ни земли, ни средств производства, необходимых для ведения минимального товарного хозяйства. Такой социалистической революции, вопреки тезисам «классического марксизма», ни тогда, ни потом не произошло в куда более развитых и прогрессивных странах мира. А в России она не просто произошла — она победила и помогла стране под названием Советский Союз: многонациональной, многоукладной, многоконфессиональной, — в кратчайшие сроки проделать путь от деревянной сохи до атомной бомбы и космических ракет, одержать Победу 1945 года, во многих сферах науки и техники выйти на передовые рубежи развития человечества. Великий Октябрь, кроме всего прочего, можно считать кульминацией и апофеозом деятельности русского народа, который вряд ли будет им превзойдён в обозримом будущем. В советском опыте мы находим пролог и воплощение того ценностного ядра русской цивилизации, который можно назвать Русской Мечтой. Однако уже в середине 50-х годов начался, а в 80–90-х годах XX столетия был окончательно завершён и оформлен практически не имеющий в истории человечества аналогов по своим масштабам и глубине социально-культурный регресс и распад советского общества, который выглядит чуть ли не закономерной коррекцией прорыва, совершённого в ходе реализации ленинско-сталинского «красного проекта». Так ли это? Каковы причины, закономерности, следствия и перспективы «короткого» XX века, который уместился в период 1917–1991 годов, для России? Эту проблематику я предлагаю обсудить в рамках нашей дальнейшей дискуссии.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
доктор политических наук, профессор МГУ:

— Для начала приведу данные социологических опросов, проведённых в марте-апреле 2017 года Левада-центром. Положительно оценили Октябрьскую революцию 48% респондентов, отрицательно — 31%. При этом выяснилось, что почти половина считает революцию тогда лучшим вариантом для России, а за оружие на стороне красных сейчас взялось бы в 5–6 раз больше, чем на стороне белых.

Если же сравнивать исторические траектории соответствующих обществ, заданные тремя великими революциями «модерна»: Английской XVII века, Французской XVIII века и Великой Октябрьской, то в первом случае данная траектория имеет вид линии, во втором — синусоиды с общим восходящим трендом, а у нас — гиперболы с явным разворотом вниз. При желании это можно даже выразить соответствующими математическими

формулами. Но для нас важно, как эта траектория будет вести себя дальше. И здесь, на мой взгляд, есть три возможных варианта. Либо она продолжает падение, как самолёт в пике, и разбивается — причём не только Россия—СССР, а вся цивилизация, как это мы видим сейчас на примере Украины. Либо начинаются синусоидальные колебания вокруг некоей «средней линии», с выходом на «плато» гораздо ниже «пика», то есть мы попадаем в огромный исторический тупик на десятилетия, на века, как это описано у Стругацких и видно, скажем, в республиках Средней Азии. Либо произойдёт «отскок» с подъёмом на новую высоту.

И понятно, что сейчас мы стремительно приближаемся к некоей «точке бифуркации», после которой вся система перейдёт в один из названных выше режимов, а два других станут достоянием «альтернативной истории». На этот счёт никаких иллюзий быть не должно, и нужно понимать, что основные объективные задачи Великого Октября: обеспечение социального прогресса при соблюдении социальной справедливости, несмотря на войну и прочие препятствия, были решены уже к середине 70-х годов, когда в Советском Союзе было построено общество модерна: индустриальное, в основном урбанистическое, практически с полным циклом научных исследований и производственных технологий.

Я очень сдержанно отношусь к понятию «справедливость», потому что для египетского феллаха «справедливость» одна, для американского рабочего она другая, для Сороса — третья. И в советском обществе после указанного рубежа общественный консенсус по содержанию данного понятия начал таять. С прогрессом, то есть с развитием, тоже стало не всё ладно, а принцип свободы в этих условиях вообще стал играть разрушительную роль — и буквально через десять-пятнадцать лет советское общество стало восприниматься им самим в целом как несправедливое, несвободное и отсталое. Речь зашла уже не о том, чтобы «перегнать Америку» или хотя бы «догнать» её, а о том, чтобы к этой самой Америке «прицепиться» — «хоть тушкой, хоть чучелом», — и всё тогда решится само собой, «невидимой рукой рынка». Что из этого получилось, все мы сейчас хорошо видим и знаем. Было разрушено общество социальной демократии, в котором мы жили, что запустило процесс уничтожения практически всех «точек роста» постиндустриального общества, общества «сверхмодерна», которые надо было развивать. Это как атомоход, у которого перестал давать нормативную мощность реактор, распилить на части по отсекам и на каждый отдельно поставить паруса — далеко не уплывёшь. Всё это сварить заново или даже достроить свой отсек, заделав самые зияющие дыры, — адская работа.

Возвращаясь собственно к Октябрьской революции, повторю, что это была, во-первых, русская технократическая революция, обеспечившая переход от цивилизации постоянства к цивилизации прогресса на основе превращения науки в непосредственно производительную силу; а во-вторых, это была социальная революция, переход власти в руки производящих классов на демократической основе, где вертикаль власти выстраивалась снизу вверх. И эта революция повлияла не только на Россию, но и на весь мир, поскольку перевела стрелки исторического развития капитализма на запасной путь, о котором говорится в третьем томе «Капитала» Карла Маркса. И сегодня капитализм существует лишь постольку, поскольку он перестаёт быть капитализмом, поскольку он перенимает достижения социализма.

Валерий КОРОВИН,
политолог, член Общественной палаты РФ:

— Октябрьская революция 1917 года, если использовать геополитические категории, безусловно, отвечала интересам евразийского Хартленда, то есть выражала собой чаяния и некую квинтэссенцию развития цивилизации суши. В то время как оппоненты Октябрьской революции, включая Белое движение, выступившее в ходе Гражданской войны против «красного» проекта, стояли на позициях геополитического атлантизма, получая поддержку Антанты, американцев и других атлантистских сил. И в этом смысле, конечно, «красный» проект, проект Октябрьской революции, имел под собой геополитически континентальную основу, что в значительной степени определило весь советский проект, который дальше реализовался как имперский и континентальный.

И здесь я обратил бы внимание на то, что Сталин не был марксистом, а был национал-большевиком. Конечно, он не отказывался номинально от марксистской догматики, от марксистского учения в его ленинском изложении, поскольку Ленин в значительной мере адаптировал марксизм под российскую действительность. В частности, заменил пролетарский класс пролетарской партией, добавил к рабочим крестьян и сделал ставку на некий бланкистский заговор, а не на социалистическую революцию, которая невозможна была без пролетарского класса. Сталин пошёл дальше Ленина и выдвинул, как известно, тезис о построении социализма в отдельно взятой стране, который уже категорически противоречил марксизму. Сталин выработал и осуществил абсолютно не марксистскую формулу синтеза левой, социалистической экономики с правой этатистской политикой. То есть политикой

государственнической, державной, ставящей в основу ценность государства, а не класса. Таким образом, Сталин реализовал чаяния евразийцев, «сменовеховцев» и национал-большевиков, находившихся в тот момент в эмиграции и принявших русскую революцию именно в сталинской версии, а не в троцкистской. То есть Сталин строил национал-большевистское государство, не отказываясь формально от марксизма и ленинизма. Поэтому провозглашённый Хрущёвым на XX съезде КПСС «возврат к ленинским принципам» стал началом конца советского «красного» проекта, у которого была совсем другая, не марксистская «анатомия».

Александр ЛЮБИНИН,
доктор экономических наук:
— Хотел бы обратить внимание участников дискуссии на три момента, которые, как мне представляется, принципиальны. Во-первых, революция в октябре 1917 года была направлена на окончательное разрешение давно перезревшего аграрного вопроса, который в условиях Первой мировой войны тесно сомкнулся с вопросом о мире. Это — тот ключевой вопрос, который не разрешила Февральская революция, вследствие чего социальное умиротворение в России не могло наступить ни при каких условиях. Неудовлетворёнными, как и прежде, оставались жизненные требования крестьянства — самого многочисленного класса, который нёс основную тяжесть участия России в мировой войне. Но даже победа в этой войне ничего крестьянам не обещала и никаких послаблений не гарантировала, подвигая к насильственному переделу земельной собственности. Земельный вопрос, измучивший и обозливший крестьянство, решительно и без промедления был снят с политической повестки дня именно революционными актами большевистской власти, отвечавшими сокровенным чаяниям подавляющего большинства населения нашей страны. Они затем привлекли в ряды Красной армии миллионы крестьян, что в конечном итоге обеспечило победу большевиков в Гражданской войне.

Во-вторых, для Ленина и большевиков всемирный, а не национальный лишь характер социалистического переустройства общества был аксиомой, но не догмой, а руководством к действию. Поэтому тезисы о том, что Октябрьская революция была осуществлена якобы вопреки «классическому» марксизму, выглядят, по большому счёту, столь же странно, как и удивления по поводу того влияния, которое эта революция оказала

на весь мир, а не только на Россию. Это была первая революция, которая вдохновлялась не только религиозными и нравственными, но в первую очередь научными соображениями, которые во многом оправдались.

В-третьих, неоспоримый исторический факт заключается в том, что сто лет назад наша страна оказалась единой в стремлении к социализму. Уже символом Февраля был отнюдь не триколор, а красный флаг и красный бант. На выборах в Учредительное собрание более 90% голосов получили социалистические партии, пусть и расходящиеся между собой в том, как они видят социализм и каким путём предполагают к нему идти. В силу определённых характеристик русской цивилизации, в социально-экономической обстановке, обусловленной падением монархии и маловразумительной тяжелейшей войной, общественное мнение России развернулось в сторону социализма, оказавшись в этом отношении впереди самых развитых в социально-экономическом отношении стран мира. Для социалистической революции это давало уникальный шанс, использовать который большевики считали своим общественно-политическим долгом.

Но реализация задачи построения социализма в отдельной стране в условиях капиталистического окружения содержала внутреннее и опасное для дела социализма противоречие, в полной мере созревшее к середине 70-х годов и ставшее впоследствии главной причиной его гибели. То, что необходимо было делать в условиях существующего в России хозяйственного уклада и в сжатых границах отпущенного исторического времени для обеспечения суверенитета страны, требовало методов, которые не могли быть по своей сути вполне социалистическими. Необходима была сверхмобилизация населения — пусть даже как временная, продиктованная особыми внешними обстоятельствами мера в стране, которая хочет быть социалистической. Но не постоянной практикой объявленного уже построенным, пусть и в основном, социализма. По определению социализм не должен лишать людей ни свободы выбора, ни возможности самовыражения, если те не носят асоциального характера и не задевают общественную нравственность. Командовать в этой сфере — значит опускать планку самореализации индивида ниже того уровня, которого она, пусть и формально, достигает при капитализме. В конце 80-х гг. уже зримо проявившимися негативными результатами указанного выше противоречия в полной мере воспользовались противники всего советского в тесном союзе с противниками России.

В итоге советский социализм сошёл с исторической сцены, но он сохранил русскую цивилизацию, закрыв её, как щитом, на сложнейшем этапе борьбы за национальное существование, реализацией социалистического (антикапиталистического) проекта, деформировав при этом сам проект ради обеспечения суверенности страны.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
доктор физико-математических наук, вице-президент Нанотехнологического общества России:

— Полностью согласен с тем, что Октябрьская революция и весь советский «красный» проект формировались и осуществлялись с опорой на достижения и выводы науки, передовой науки того времени. И это привело к тому, что под её влиянием революции произошли в огромном количестве стран, а мировая система социализма, включая страны социалистической ориентации, объединяла два миллиарда человек. Можно сколько угодно говорить о том, что это была фикция, что в число «строителей социализма» у нас включали даже племена людоедов, но ведь не к людоедству мы их звали и вели. Наоборот, даже самые архаичные, отсталые общества благодаря Октябрьской революции и Советскому Союзу по всему миру получали структуры индустриального общества: промышленность, массовую культуру, массовое образование, всеобщее здравоохранение и так далее, вплоть до оружия массового уничтожения. Слово «массовый» здесь очень важно, оно ключевое на самом деле.

И второй момент: на что было ориентировано наше общество по итогам революции. Оно было ориентировано на максимальное знание и на вселенскую миссию человечества. И ещё очень важная вещь. Лейтмотивом здесь, наверное, были слова Циолковского о том, что наша планета Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели. Ленин, Сталин, Луначарский, Богданов, Красин — это были люди, опиравшиеся на знания, ориентированные на исследование реальности во всех её проявлениях. Известно, например, что ленинский план ГОЭЛРО опирался на исследования российских геологов, гидрографов, экономистов, инженеров. Сталин огромное количество времени провёл в беседах с академиком Владимиром Вернадским. Поэтому страна оказалась готова к большим проектам: к ядерному проекту, к космическому проекту, а до того — к коллективизации и индустриализации. Во время войны наши учёные, управленцы, инженеры, рабочие смогли превзойти — в тяжелейших условиях! — своих коллег из объединённой под свастикой Третьего рейха Европы, дав военную технику нужного количества и качества,

дав образованных солдат и офицеров, которые могли эту технику эффективно использовать, дав им продовольствие, обмундирование, боеприпасы, медицинскую помощь, транспорт… Ничего подобного никакая «Россия, которую мы потеряли» дать не могла, не будем здесь за деревьями терять из виду лес. И надо признать, что без использования опыта революции мы обойтись не сможем. Мы чуть не потеряли свою оборонную промышленность, мы фактически теряем образование и здравоохранение. По уровню медицинского обслуживания несколько лет назад Россия была на 124-м месте, а по средней ожидаемой продолжительности жизни мужчин — на 130-м. Наши школьники имеют, по мировым стандартам, уровень знаний уже ниже среднего. И у нас отобрали науку. Никто из властной вертикали — кроме Сергея Глазьева, у которого нет инструментов влиять на реальные процессы, идущие в государстве и обществе, — не говорит нам о том, что существующие технологии производства достигли предела, что больше нет возможности существенно поднять уровень жизни людей: не только у нас в стране, а весь мир топчется на уровне начала 70-х годов. Поэтому сейчас вновь оказываются востребованы высокие гуманитарные технологии, и нас, конечно же, я думаю, — и Россию и мир — ждёт новая революция, революция антиолигархическая и в огромной степени возврат к идеям Октября.

Константин СЁМИН,
журналист, телеведущий ВГТРК:

— Первой, первейшей задачей большевиков было, конечно, изменение сознания людей после того, как прежнее время закончилось, а новое ещё не началось. И это было сделано — самое удивительное, что это было сделано! В октябре 1917 года началась не русская революция, а революция действительно мировая, которая продолжается и сегодня, причём в ней русский народ сыграл одну из ведущих ролей. И именно этой печатью он в мировой истории особым образом теперь отмечен. И когда мы сегодня отказываемся от революционного наследия, сшибаем таблички, рушим памятники — это такое историческое членовредительство и попытка самоубийства. Не только в России — везде, где был русский, советский мир: в той же Германии, в той же Польше, на той же Украине и так далее. Высшей точкой развития советской цивилизации — понятно, что точкой отсчёта для этого развития была революция, — стал момент, когда на русском языке говорило почти 350 миллионов человек по всему миру. Никогда до этого и никогда, я боюсь, после этого, по крайней мере при нашей жизни, этого уровня достигнуть будет нельзя. Это если смотреть на происходящее даже через узкие окуляры эгоистического национального сознания.

«Крот истории», о котором писал Карл Маркс, роет хорошо, и никто не знает, где он появится в следующий раз: может быть, снова в России, а может быть, и не в России. Некоторое время назад, незадолго до того, как вот этот околофашистский переворот случился в Турции, где глобалисты сцепились с тамошними реакционерами, я посещал Стамбул, разговаривал с турецкими марксистами, с турецкими левыми. Там мощнейшее коммунистическое движение, страна расколота пополам. И вот примерно то же самое, что я говорю вам сейчас, я слышал от них.

Революция неизбежна. Вопрос только в том, какой будет её цена. Постоянные заклинания, мантры эти про исключительно эволюционный путь развития, про необходимость отказаться от революций — это всё чепуха, которая не просто отрицается всем ходом развития природы и человечества, но и не имеет под собой никаких, даже нравственных, оснований. Нам со всех сторон кричат, что революция — это всегда кровь, это всегда жертвы. А про жертвы эволюции — почему-то молчат. Ну представьте себе, что не было революции в 1917 году — пусть даже только Октябрьской. И вот что было бы на руинах Российской империи после окончания Первой мировой войны, какая резня бы шла — не революционного, а «эволюционного» характера, — кто-нибудь себе представляет?

А сколько стоит нам эволюция без революции сегодня? Сколько не родившихся людей? Сколько погибших в локальных конфликтах? А сколько будет стоить такая «эволюция», если завтра какое-нибудь тактическое ядерное оружие будет размещено в 500–600 км от Москвы? Сколько будет стоить милитаризации Украины? Сколько будет стоить милитаризация Прибалтики без всякой революции? Недавно мне на глаза попалось высказывание, уже не скажу, чьё именно: «Каждый раз, когда мы проливаем слезинку по поводу жертв революции, мы должны иметь мужество и совесть для того, чтобы хотя бы одной слезой оплакивать и тех, кто оказался жертвой эволюции, потому что революции не возникают из воздуха». Такая вот причинно-следственная связь.

Если подводить очень краткий итог моему выступлению, то Великая Октябрьская Социалистическая Революция — она действительно Великая. Это величайшее достижение нашей цивилизации. Без Октябрьской революции невозможно представить себе красный флаг над Берлином. Без Октябрьской революции невозможно представить себе Юрия Алексеевича Гагарина. И без Октябрьской революции невозможно представить себе Изборский клуб, за круглым столом которого си-

дят более или менее образованные люди, изъясняющиеся более или менее связно литературным русским языком.

Владимир ВИННИКОВ,
культуролог:

— Есть языки, универсальные для всего человечества, а потому невербальные: например, языки математики или музыки. Но у каждого языка как системы значений, основанной на Слове, своя судьба. Русский язык здесь — не исключение.

Язык и революция… Революция и язык…

Чтобы в полной мере понять взаимосвязь и взаимодействие двух этих феноменов — тем более применительно к русской литературе и к Октябрьской революции 1917 года в России, — нам придётся обратиться далеко в прошлое и в каком-то смысле даже вообще выйти за пределы времени. Потому что в начале и литературы, и революции в любом случае обнаруживается, прежде всего, язык, а значит — система слов и Слово как таковое. «В начале бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Бог бѣ Слово», — как сказано в Евангелии от Иоанна.

Та литература и та революция, о которых идёт речь, состоялись в рамках другого языка, чем русский язык, существующий сегодня, — во всяком случае, его письменного варианта. Но Пушкин и Ленин говорили и писали по-русски практически идентично. И русская революция Октября 1917 года есть порождение кровь от крови и плоть от плоти русской

культуры и русского языка. Россия 1917-го и Россия 1950 годов отличались друг от друга намного сильнее, чем, скажем, современная Россия и Россия 33 года назад, в 1984 году. И славить за это или винить в этом можно только русский народ, русскую культуру и русский язык.

Если задаться вопросом о том, а как, собственно, возник тот русский язык, на котором готовилась и совершалась Октябрьская революция 1917 года, — ответ на него окажется неожиданным и однозначным: этот язык возник как результат, во-первых, перехода с церковно-славянского на «гражданский» алфавит, проведённого Петром I в 1708–1710 годах, а во-вторых — «пушкинской» литературной революции, начатой в 1820 году изданием его поэмы «Руслан и Людмила».

Эпоху этой революции, фактически завершившейся со смертью Лермонтова в 1841 году (формально — со смертью последнего великого писателя «пушкинского круга» Гоголя в 1852 году), обычно называют Золотым веком русской литературы. Но сама она произошла вследствие прорыва российского общества к огромному объёму европейской литературы. То, что в Европе было разделено веками и культурными границами, «обрушилось» на образованное российское дворянство «всё и сразу»: «открылась бездна, звёзд полна, звёздам числа нет, бездне — дна». Эту ситуацию можно назвать «эффектом звёздного неба»: ведь мы видим фигуры созвездий — проекцию различных источников света, порой разделённых между собой миллионами световых лет, как единую и цельную картину…

Но нужно было, наверное, ещё вторжение Наполеона в 1812 году и его изгнание из пределов России «дубиной народной войны», чтобы в перенасыщенном растворе франкоязычного дотоле российского дворянства началась кристаллизация новой национальной культуры и нового русского языка. Процесс оказался невероятно быстрым и фундаментальным — достаточно сравнить стихи Тредиаковского, Ломоносова или даже Державина со стихами Грибоедова, Пушкина и Лермонтова…

Одно из величайших произведений русской литературы, роман Льва Толстого «Война и мир», не случайно начинается болтовнёй в великосветском петербургском салоне — на французском языке. Эта «дворянская» русская литература на протяжении века трансформировалась в литературу общенародную. Но окончательно это качество общенародной она приобрела только после реформы русской письменности 1918 года, отменившей яти с ерами, закрывшей тем самым, как и «петровская», одни русла развития языка, но настежь раскрывшей другие. Уже на этот новый письменный русский язык была фактически переведена вся прежняя русская литература и значительная часть литературы мировой, на нём создавалась советская литература, одновременно многоязычная и русскоязычная, на нём шёл единый образовательный процесс, «от Москвы до самых до окраин», на нём создавались постановления ЦК КПСС и техническая документация на атомные реакторы и космические корабли.

Одной из характерных и важнейших особенностей нового, советского варианта русского языка было массовое словообразование путём аббревиации — все эти «колхозы», «командармы», «комсомолы», вплоть до СССР, ВКП (б) и ЧК. Михаил Булгаков издевался над этой практикой, превращая в повести «Собачье сердце» (1925) слово «Главрыба» в абракадабру «абырвалг», Джордж Оруэлл пародировал его своим «новоязом» и «уткоречью» в романе «1984» (1948), в то же время американский писатель-фантаст Роберт Хайнлайн в рассказе «Залив» (1949) описывает «спидток» — вымышленный язык, в котором одно слово было способно вместить в себя множество смыслов, как предложение или даже несколько предложений.

Аналогичный приём использовался в джазовой музыке 20–30-х годов, построенной на синкопах.

После Великой Отечественной войны началась «подреформа» письменного русского языка, завершённая к 1956 году, и она, на мой взгляд, вовсе не случайно совпала с началом совершенно иного этапа жизни нашей страны и нашего общества — его, если можно так выразиться, «свития» в какое-то зерно новых смыслов, которым предстоит раскрыться в будущем. Возможно, не слишком отдалённом. И с этой точки зрения знаменитое лирико-философское стихотворение Пушкина «Осень» внезапно предстаёт перед нами как пророческое видение советского периода отечественной истории: от строк «Октябрь уж наступил…» до «Куда ж нам плыть?»

Александр НАГОРНЫЙ:

— Как следует из ваших, коллеги, выступлений, Октябрьская революция действительно начала процесс перехода от одного типа цивилизации к другому, затронула все сферы жизни не только российского общества, но и мира в целом, придала человечеству новый импульс, стала «моментом истины» для реализации многих идей, планов и технологий, которые до этого казались сказкой, мифом, мечтой, утопией, неосуществимыми в реальности. Подводя итоги, могу сказать, что у нас состоялся далеко не исчерпывающий повестку дня, но весьма интересный, во многом нестандартный разговор, который, несомненно, будет продолжен, — и не только в рамках Изборского клуба.

/ Иван ВИШНЕВСКИЙ /

Николай Андреевич против Николая Александровича

Музыкальное искусство, о котором я буду говорить, не имеет ничего общего с тем, о чём сегодня говорят на улице, произнося слово «музыка». Я буду говорить о творцах большой классической музыки. Именно о творцах, даже не об исполнителях. У нас сегодня культ исполнителя. Помимо контрреволюции политической, экономической, социальной и прочей состоялась контрреволюция в сфере академической музыки, где исполнитель уничтожил творца. Кто создаёт музыку? Кто является её источником? Это очевидно. Публичная роль исполнителя, даже первой скрипки в лучшем оркестре и даже дирижёра, должна быть вторичной. Но виртуоз приносит бизнесу прибыль, автор — нет. Сейчас об авторах большой музыки вообще не вспоминают и не знают. На слуху — пианисты, певцы, капельмейстеры. А всё, что касается композиторов, — это глубочайший подвал, кочегарка и такой андеграунд, которого никогда не было у самых распоследних диссидентов советского времени.

Перевернём всё с головы на ноги: творцом музыки является великий композитор. Безусловно, в истории музыки вершиной остаётся Бах, ещё раньше — Монтеверди, позже — Бетховен, Берлиоз, Шопен, Глинка, Вагнер, Григ, Дворжак… Во второй половине XX века мировым Эверестом высится Свиридов. И не менее грандиозны свершения тех, кто работал в период Великой Октябрьской Социалистической Революции. Нам интересны здесь композиторы, потому что они продуцируют идеи, они продуцируют смыслы, и они влияют на общество. А в период, предшествующий Октябрю, влияние композиторов на общество было колоссальным. В наше время представить это совершенно невозможно, когда сейчас и самые образованные, культурные люди порой не знают имён Модеста Петровича Мусоргского, Николая Андреевича Римского-Корсакова, Александра Порфирьевича Бородина, Александра Константиновича Глазунова. Но в то время их имена звучали (конечно, в образованном сословии, процентов для 7–10 населения) похлеще, чем имена великих князей и полководцев, и никак не меньше, чем имена великих литераторов того времени. Мы много знаем о влиянии на идеологическую подготовку революции, скажем, Льва Толстого. Мы все читали статью Владимира Ильича Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» и конспектировали её ещё в школе. Но мы не знаем о влиянии великих творцов музыкального искусства.

Итак, чуть-чуть о ситуациях и персонах, которые предшествовали Великой Октябрьской Социалистической Революции и сделали для её победы, на мой взгляд, гораздо больше, чем все, вместе взятые, члены марксистских кружков. Почему? Потому что одна премьера опер «Псковитянка» или «Кощей Бессмертный» Римского-Корсакова делала для изменения общественного сознания, для просвещения значительно больше, чем даже выход тиражей газет «Искра» или «Правда».

Ключевая фигура предреволюционной эпохи — Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1908). Сейчас его имя почти забыто. Для человека же той эпохи это был лидер абсолютно нового, передового сознания. Несмотря на свою дворянскую родословную, Римский-Корсаков был человеком, как тогда говорили, «демократических» убеждений (это слово и близко не носило тогда такого позорного характера, как сегодня). Что означало: человек понимает народные чаяния, разделяет их и служит народу. Николай Андреевич Римский-Корсаков жил, я бы сказал, сегодняшней жизнью пролетария умственного труда. У него не было никаких имений, никаких крепостных. Даже квартиру, которая сейчас представляет собой Музей Римского-Корсакова

в Ленинграде (Санкт-Петербурге), он снимал. Жил на зарплату, от получки до получки. Если царь Александр III давал Петру Ильичу Чайковскому ежегодно шесть тысяч золотых рублей, а также композитора финансировало и семейство капиталистов фон Мекк, то демократ и духовный устроитель революции Николай Андреевич Римский-Корсаков всю жизнь ходил на службу за средствами к жизни. Сначала — в военное ведомство, потом — в Придворную певческую капеллу и в конце концов — в Петербургскую консерваторию, как нормальный наёмный работник, пролетарий. Сознание его было таким, какое у многих людей родилось уже после Октябрьской революции — может быть, в 30-е годы. Он был человеком абсолютно научного сознания. Никакого мистицизма. Никакой «художественной», гуманитарной поверхностности. Кстати, один из его ближайших друзей и соратников, Александр Порфирьевич Бородин, помимо того, что сочинил оперу «Князь Игорь» и ряд других произведений, был одним из основоположников биохимии и тоже всю жизнь работал научным пролетарием. То есть это был круг людей научного, во многом скептического сознания. Там не было невежественного поля для представлений о «богоданном» царе и народе — смиренном сытом богомольце в нарядном армячке, бьющем только благодарственные поклоны.

Были ли Корсаков со товарищи националистами? В смысле нынешней Украины и тупых скинхедов — конечно, нет. Они были национально ориентированные, а это совсем другое. Дело в том, что на тот момент родное музыкальное искусство в Российской империи, как и сейчас, находилось в угнетённом состоянии, русские музыканты были на десятом положении по сравнению с итальянскими, немецкими и прочими певцами, дирижёрами, теоретиками. Например, главным дирижёром главного императорского театра был чех Направник, который страстно ненавидел Римского-Корсакова, и, соответственно, судьба произведений Николая Андреевича в императорских театрах была печальной, вплоть до полного разрыва с ними, когда Римский-Корсаков ушёл ставить свои произведения в частную оперу Мамонтова. Царь Николай II от музыки Корсакова скучал и томился, предпочитал иностранное — в дневниках самодержца и придворных есть оскорбительные суждения об операх русского гения. Соответственно, по отношению к власти в круге Римского-Корсакова нормой была страстная стасовская презрительность. Критик, историк и знаток литературных древностей Владимир Васильевич Стасов, идейный отец и «Могучей кучки», и художников-передвижников, был ближайшим другом и сподвижником Николая Андреевича Римского-Корсакова. Ближе к революции на смену «Могучей кучке» пришла уже новая, чисто корсаковская школа. К этой школе принадлежали Глазунов, Лядов, частично Рахманинов, а также позднейшие ученики Римского-Корсакова: Аренский, Асафьев, Ипполитов-Иванов, Гнесин, Гречанинов, Золотарёв, Мясковский, Прокофьев, Стравинский, Черепнин… Многие из них особенно ярко расцвели уже в СССР. Фактически Римский-Корсаков стал отцом советской музыки, хотя не дожил до Великой Октябрьской Социалистической Революции девять лет. Ректором консерватории Северной столицы до 1930 года был его ближайший друг и ученик Александр Константинович Глазунов. То есть дело Корсакова продолжалось, не было никакого перерыва.

Римский-Корсаков и его окружение, совершенно презирая царизм, не желали оставаться какими-то придворными «соловьями» в золотых клетках (которых они, впрочем, и не имели), хотели выйти и вышли, насколько они могли в своё время, на широкую публику. Скажем, премьеры опер Римского-Корсакова, таких как «Кощей Бессмертный», превращались в народные студенческие демонстрации. Известен факт, что полиция была вынуждена опустить на сцену в прямом смысле слова железный занавес и силой разогнать людей, которые пришли приветствовать Римского-Корсакова в день премьеры его произведения. Это всегда были колоссальные манифестации, которые собирали десятки тысяч людей. Среди основных целей, которых хотел достигнуть Римский-Корсаков, уже впрямую в 1905 году приняв участие в революционных событиях, было создание просвещённого народа для восприятия тех откровений, которые создавались им, его друзьями и учениками. И это получилось. Великое чудо, наверное: каким образом небольшая группа людей, которые в собственном Отечестве находились для власти на положении изгоев, смогла так перелопатить ситуацию? Но вот она — сила идеи.

Важнейшим из идейных составляющих Римского-Корсакова и его друзей было глубочайшее почитание простого русского народа. До сих пор фольклористы и композиторы в Московской, Ленинградской консерваториях и Гнесинской академии учатся по сборникам народной песни Римского-Корсакова, Балакирева и Лядова. Именно с Римским-Корсаковым подлинное народное искусство вошло в жизнь образованного сословия. Ранее просвещённый класс мог слышать

только вестернезированные обработки русской песни. Даже Глинка почти не сочинял по-русски, предпочитая итальянский стиль. Чайковский использовал язык немецкого романтика Шумана. Римский-Корсаков вместе с Бородиным и Мусоргским дали нашему Отечеству русский музыкальный язык. Их роль здесь сравнима с ролью Ломоносова и Пушкина в вербальном языке.

И, вооружённый всем этим могучим идейным содержанием, Римский-Корсаков был чрезвычайно важной фигурой в событиях 1905 года. Может быть, важнейшей на тот период, наряду со Львом Толстым. Во многом победа революции, в том числе и Великой Октябрьской Социалистической, стала возможной благодаря событиям, которые развернулись вокруг фигуры Римского-Корсакова в 1905 году. Так как Николай Андреевич откровенно поддержал революционно-настроенных студентов, его уволили из Петербургской консерватории. История, конечно, дикая даже для царской России, но ещё поразительнее история, которая последовала вслед за этим. После увольнения Римского-Корсакова из консерватории в знак протеста вышли более 300 студентов. Сейчас это представить совершенно невозможно: вот он, уровень гражданского сознания! Вслед за Римским-Корсаковым из консерватории ушли — в тот же день — Глазунов и Лядов (напомню, это великие русские композиторы); значительная часть профессорско-преподавательского состава — в ближайшие дни. И власть капитулировала. Решение принималось на уровне Николая II. Так Николай Андреевич утёр нос Николаю Александровичу. С извинениями и поклонами через несколько месяцев Римский-Корсаков был опять призван на службу в консерваторию. Таким образом, по царизму был нанесён мощнейший удар.

Можно было бы подумать, что после такого своего триумфа, такой революционной победы Николай Римский-Корсаков успокоится и станет к царизму и царям относиться лучше. Но не тут-то было. Как известно, незадолго до первой русской революции он сочинил оперу «Кощей Бессмертный», где Кощей Бессмертный — понятно кто; Буря-богатырь, освободитель — та самая Русская революция; а Царевна Ненаглядная Краса, томящаяся в неволе, — символический образ русского народа. Всё это очень прозрачно читалось тогдашними людьми. Но уже в 1907 году, перед смертью, Николай Андреевич сочинил оперу «Золотой петушок». Если вы думаете, что либретто повторяет сказочку Александра Сергеевича Пушкина, — вы глубоко ошибаетесь. Потому что, конечно, фабульно оно основано на сказке Пушкина, но текст примерно на порядок больше. Его по указаниям Николая Андреевича сочинял Владимир Иванович Бельский, замечательный либреттист ряда последних опер Корсакова.

Читаю текст — самые последние слова, которые пропел Николай Андреевич Римский-Корсаков. К кому он обращался и о чём пророчествовал, по-моему, очевидно.

(Подавленный тоскою, народ, наконец, разражается всеобщим надгробным рыданием.)

Умер царь.
Убит, сердечный.
Царь счастливый!
Царь беспечный!
Вечно незабвенный царь,
государям государь!
Он премудрый; руки сложа,
он народом правил лёжа.
Правда, как был царь в сердцах,
словно громы в небесах,
ударял в кого попало;
всем объявлена опала.
Но лишь туча пробежит,
томный воздух освежит, —
царь, денница золотая,
светит всем, не разбирая.
(С тихим отчаянием.)
Что даст новая заря?
Как же будем без царя?

1907 год, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Владимир Иванович Бельский.

То есть всё было уже предсказано! А раз состоялась идея того, о чём написал Корсаков (человек, безусловно, гениального пророческого дара), то нечего было и ожидать, что после революции друзья и ученики Римского-Корсакова разбегутся в эмиграцию. Ничего подобного и не случилось. В нашем Союзе композиторов есть, например, активный человек — Виктор Екимовский, который льёт либеральную слезу по поводу того, что за границу «уехали лучшие». В реальности уехал Рахманинов (это действительно была большая потеря). Стравинский из-за прозападных воззрений уехал ещё в 1913 году, и «беглецом от революции» считаться не может. Эмигрировали Метнер, Черепнин и Гречанинов. Трое последних по сумме наследия и влияния не являются композиторами уровня Глазунова, Мясковского (полузабытого гения), Кастальского, Штейнберга (зятя Корсакова), Прокофьева, Шостаковича,

Шапорина, Шебалина, Асафьева, Александрова и многих других — все эти люди остались на родине. Остались вдова, многочисленные сыновья и дочери Николая Андреевича. Конечно, им поначалу было голодно и тревожно. Да, в первые послереволюционные годы музыкальные учреждения не отапливались. Но директор Ленинградской (сначала Петроградской) консерватории Александр Константинович Глазунов на службу ходил как часы, до 1930 года. Потом консерваторию возглавил зять Николая Андреевича Римского-Корсакова — Максимилиан Осеевич Штейнберг. Именно корсаковская линия стала основой советской композиторской педагогики. Лично я в некотором роде являюсь музыкальным потомком Римского-Корсакова: Римский-Корсаков породил Штейнберга, Штейнберг породил Шостаковича, Шостакович породил Свиридова, Свиридов породил меня…

Сверхидея гиганта Корсакова в организационном плане реализовалась совершенно. Не стало итальянщины (предтечи омерзительной современной попсы), над которой ещё в «кучкистские» времена издевались Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин и Балакирев. Воздвигнуто было могучее здание национальной культуры. И кстати, что очень важно, — национальных культур, потому что именно после Великой Октябрьской Социалистической Революции окраины Российской империи заимели собственные профессиональные культуры, которые достигли значительных высот. При этом Римский-Корсаков с тем же вниманием относился к восточной мелодике, он сочинил величайшую симфонию, которую мы знаем как сюиту «Шахерезада», восточную сказку «Антар». В связи с его творчеством и творчеством его последователей появилось такое понятие, как «петербургский Восток». Именно Римский-Корсаков сочинил оперы, которые были основаны на малороссийской, украинской мелодике: «Майская ночь» и «Перед Рождеством». То есть он предвосхитил своим творчеством практически всю советскую музыкальную культуру.

Именно по этой линии были воспитаны такие гиганты, как армянин Хачатурян, эстонец Тормис, грузин Тактакишвили — люди гениального разряда. Это всё — порождение Советского Союза. То есть духовно окраины были колоссально приподняты. Но и в центре России создалась идеальная ситуация для композитора, человека-творца, которая просуществовала до 1990 года, когда контрреволюция в Союзе композиторов СССР случилась чуть раньше, чем во всей стране.

В 1990 году наследники Римского-Корсакова во главе с Георгием Васильевичем Свиридовым были изгнаны со своих руководящих постов голосованием музыкального охлоса. Андрей Эшпай, Александра Пахмутова, Борис Чайковский и Георгий Свиридов, возглавлявшие творческие комиссии Союза композиторов СССР, подверглись не только изгнанию, но и шельмованию в перестроечной прессе и фактически запрету на профессию. Так завершилась история взлёта и падения корсаковских идеалов. Но то, что породила эта система, останется навсегда в истории человечества как единственный пример существования целого сообщества профессиональных музыкантов, творцов, которые жили не просто безбедно, но были поставлены в такие условия, когда не только могли, но и обязаны были — в ответ на народную любовь — выдавать бессмертные шедевры. Я не знаю, насколько могла бы быть возможной Победа в Великой Отечественной войне без музыки прямого ученика Римского-Корсакова, Глазунова и Лядова — Анатолия Васильевича Александрова, автора гимна Советского Союза и песни «Священная война». Без Шостаковича с 7-й симфонией. Без Прокофьева с «Войной и миром». То есть вклад их учителя Н.А. Римского-Корсакова — давно покойного человека — не только в нашу Революцию, но и в нашу Великую Победу оказался колоссален.

В чём крупнейшая — в целом и для музыкантов, и для художников, и для архитекторов, и для всех деятелей искусств — заслуга Великой Октябрьской Социалистической Революции? В том, что она дала творцам такую аудиторию, которой никогда не было и в обозримом будущем не будет порождено человечеством. Сегодня представляется фантастикой то, что было реальностью в советское время, когда Георгий Васильевич Свиридов в 1980 году после программы «Время» выступал на Первой программе отечественного телевидения и представлял Концерт для хора «Пушкинский венок», то сто или двести миллионов человек слушали и смотрели всесоюзную премьеру шедевра. Когда я работал на Всесоюзном радио, программы о классической музыке слушали (есть замеры) 60 миллионов неравнодушных, заинтересованных людей. Они были воспитаны Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Квинтэссенция: мечтой Римского-Корсакова была мечта об идеальном русском народе, как народе-слушателе и творце, идеально постигающем высокие истины, открываемые классическим искусством. Эта мечта была реализована, безусловно, и все очернители с этим поделать не могут ничего.

/ Геннадий ЖИВОТОВ[1] /

Живопись Революции

[1] Заслуженный художник России.

Отечественные художники начиная с Федотова описывали реальную картину того ужасающего положения народа, которое было в России. Не было никакого «потерянного рая» на картинах Перова, Репина, всей стасовской когорты «передвижников»!

Параллельно шла линия литературы. И вся великая русская литература была зеркалом, по определению Ленина, русской революции.

Блок говорил: «Побойтесь Бога, господа помещики и капиталисты, мелкие и большие буржуа! Как вы себя вели с этим народом? Забыли, как насиловали и пороли девок в своих барских усадьбах? Как показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мошной, а дураку — образованностью?»

Революция была подготовлена, она была взлелеяна, она была нарисована, она была пророчески предвидена художниками. Вспомните Петрова-Водкина с его «Купанием красного коня»!

Революция буквально взорвала сознание. Изобразительное искусство вырвалось на улицы, к народу: крестьянам, которые были и солдатами, и рабочими. Ведь рабочие — это недавние крестьяне, которые вчера пришли в город.

Улицы наполнились революционным искусством. Конечно, все эти авангардисты были недоучками, они не прошли шестилетний курс образования в Академии художеств. Какие-то мастерские, объединения, частные студии выдали на-гора множество всяких явлений в искусстве. Всё это было взращено революцией. Революция вспахала народное сознание. И молодое советское государство, не создав ещё толком административных органов, объявило план монументальной пропаганды. Могучие народные силы влились в это.

Дмитрий Филиппович Цаплин — яркий пример плодов революции. Крестьянин Саратовской губернии страстно захотел стать скульптором, и его поддержала Советская власть. Цаплина отправили учиться в Европу, и зарубежные газеты вскоре с удивлением написали о «гениальном русском мужике с Волги», который нашёл скульптурное «выражение для социалистической жизни». Цаплин буквально завоевал Париж, а затем и другие европейские столицы.

Многие говорят сейчас, что до 1913 года Россия расцветала. Ах, Серебряный век, Сомов, Бенуа, Добужинский… Но всё это — манерно-изысканные художники, художники душных комнат, где наркотики перемешивались с упаднические смертоносными тенденциями в искусстве.

Искусство царской России было аристократическим, и народу оно было не нужно. Народ не понимал тех картин. Даже музеи, Третьяковка и Эрмитаж, были для очень узкого круга людей. Третьяковка была более демократична, но ненастолько.

Революция сломала все сословные и цеховые перегородки. Мейерхольд со своими постановками вылез на улицы, художники косяками пошли в театры — революционный вихрь объединял всех людей искусства. Великая поэзия была великой, потому что она была напоена революцией. И Есенин, и Маяковский неотторжимы от революции, хотя у революции было много и приживалок, как у Есенина — Мариенгоф или у Маяковского — чета Бриков.

Есенин был настолько живописен, он был художником, о нём нельзя говорить только как о поэте. Почему Есенин сам не стал рисовать? Ведь его всё время окружали художники! Мой учитель в Строгановском училище Василий Петрович Комарденков иллюстрировал обложки есенинских сборников стихов. Комарденков знал и Маяковского, который был не только поэтом, но и художником: вспомним его «Окна РОСТА»!

Искусство вырвалось из гостиных Серебряного века! Дейнека, Фаворский, Филонов, Греков, Пластов — всё это художники, выросшие из революции.

Идеология революции, воспетая искусством и взращённая в русских художниках, уже советских художниках, стала притягательной звездой будущего счастья, которое может установиться на всём земном шаре, на всей планете.

Мы тогда выигрывали, прежде всего, образами, но мобилизация государства требовала дисциплины. Чтобы как-то упорядочить процессы, были созданы союзы художников, композиторов, писателей. Партия, которая была скелетом, хребтом нового государства, направила революционную стихию в гранитные берега Большого сталинского стиля.

Да и народу авангард не совсем лёг на душу. Ему больше импонировала кустодиевская манера — она больше ложилась на крестьянское сознание человека улицы, рабочего, солдата. Крестьяне искали не мёртвые художественные схемы, а истину: вспомните ходоков у Ленина!

Авангардисты Альтманы, Штеренберги и прочие были убраны, как убран был и «Чёрный квадрат» Малевича. Почему? Чтобы отве-

тить на этот вопрос, я не стал бы рассматривать «Чёрный квадрат» как произведение изобразительного искусства, хоть он и написан маслом. Давайте лучше посмотрим на искусство с социально-классовой точки зрения. Тогда станет очевидным, что буржуазия, взяв власть в ходе английской, а затем французской буржуазных революций, всё опошлила, всё размыла, как серная кислота растворила всё высокое. Биржа и рынок влезли в искусство, и началась эта цепочка: импрессионизм, постимпрессионизм, сезаннизм, фовизм, кубизм… В конце концов всё это рухнуло в «Чёрный квадрат».

Биржа перемолола Ван Гога, Сезанна, Моне, создала из них мифы, повесила на них лейблы и ценники, на которых сейчас значатся сотни миллионов долларов. В данном контексте «Чёрный квадрат» — вершина всего этого маразма и одновременно — бунт против него.

«Чёрный квадрат» независимо от желания или нежелания самого Малевича стал символом троцкизма. Его «Чёрный квадрат» — это дверца той чёрной угольной топки, в которую готовы были бросить Россию троцкисты. И не случайно в 1930-х годах вместе с Троцким был убран и «Чёрный квадрат».

В эпоху перестройки его вытащили из запасников и активно использовали в проектах, подрывающих духовные основы советского строя. И сегодня «Чёрный квадрат» используют всё для той же цели — бросить Россию в топку мирового процесса. Запад по-прежнему хочет использовать Россию как топливо, и в прямом, и в переносном смысле: и как поставщика углеводородов, и как горючее для мировой войны.

Современные провокаторы от искусства: гельманы, кулики и прочие, — включают «Чёрный квадрат» в свою игру по развалу смыслов. Предметами «искусства» у таких «художников» становятся консервная банка, унитаз и фекалии. Это один из способов навязать людям извращённую систему ценностей. Таких способов в западных лабораториях создали немало, и они держат мир в жутком наваждении, в мороке, по сути приближая его к безумию «Чёрного квадрата».

И сегодня это безумие продолжается. В московском метро развёрнута ужасная, мерзкая акция. По стенам вдоль эскалаторов станции «Парк культуры», на рекламных щитах, разбросаны куски произведений авангардистов. При этом в авангард 1920-х годов «кураторы» от искусства пытаются вживить Коржева, Лактионова, его солнечное, святое «Письмо с фронта»! Всё расчленить, всё опошлить, наляпать, смешать фрагменты — разбить целостность, убить душу!

К нашему несчастью, всё это началось не вчера. Авангард 1960–1970-х, как осетрина второй свежести, появился, когда партия ослабила внимание к искусству, надзор за ним. Начала заводиться диссидентская плесень. Все эти кабаковы и булатовы отлично устроились: они часть времени в зимние месяцы тратили на создание хорошо оплачиваемого государством продукта, делая иллюстрации к книгам, а для своего иронического авангарда уже отыскали другого заказчика в лице дипломатических представительств зарубежных стран. Причём они шли уже проторенной дорогой: в своё время ходил по посольствам и Михаил Булгаков.

В этом контексте я всегда говорю: почему такого явления не было, например, во Владимире? Да потому, что там не было дипкорпуса, посольств и консульств. Поэтому там спокойно работал Союз художников России, который делал прекрасные выставки уникальной владимирской школы живописи.

В оттепель появился и Глазунов, и деревенщики в литературе. И были люди, были писатели, которые ощущали эти процессы, понимали. Вспомните знаменитый роман Шевцова «Тля»!

Постепенно шло разложение Союза художников, несмотря на то, что государство очень щедро оплачивало их работу. Пластов вспоминал, что как-то он стоял на природе и писал этюд. К нему подошёл крестьянин и спросил: «Сколько ты за это получаешь?» Пластов не мог ему этого сказать, потому что он понимал, что разница оплаты труда была бешеной. Я сам после поездки в Афганистан, где оформлял Дом дружбы в Кабуле, получил такую сумму, на которую можно было купить три автомобиля! Но там был хоть какой-то риск, многие художники просто отказались ехать в воюющую страну. Но и за мирные натюрморты, сделанные в тихой московской мастерской, художники получали огромные деньги от государства!

Большие деньги порождали клановость, творческие союзы опустились до союзиков. Они оторвались от большой жизни, хотя по-прежнему посылали художников по всем городам и весям огромного Советского Союза. Я благодаря своему старшему товарищу, художнику-фронтовику Анатолию Петровичу Болашенко побывал в четырёх изумительных поездках. А для моего друга художника Геннадия Ефимочкина такие поездки стали образом

жизни. Создав сотни акварелей на Братской ГЭС, в Мурманске, на Чукотке и Курилах, он последние двадцать лет переносит их на холсты, воссоздавая Красную Атлантиду.

Но большинство художников перед 1991 годом были настроены иронично-скептически, смотрели на Запад и думали, что там их ждут золотые горы. По мастерским тогда поползли скупщики, они многое приобретали и увозили на Запад. И у меня многое купили, ведь, по сути, и я — жертва диссидентства. Я тогда в основном занимался печальными картинками на тему образа жизни советских людей: стоит девушка у окна химического комбината, смотрит в даль…

Я понимал, что что-то надо улучшать, надо больше динамики, не должно быть кумовства. В нашей группе в Строгановке процентов семьдесят были блатные. А люди талантливые, но без связей, должны были по семь раз поступать в Строгановку! Причём ребята эти были хорошо подготовлены, имели за плечами отличные художественные училища, которые благодаря революции были созданы по всей стране.

Революция распространила культуру по всем городам, по всем провинциям. В каждом городе были или Дом пионеров, или училище, во многих городах появились отделения Академии художеств. И вот молодые люди с хорошей школой приезжали в столицу, а здесь уже была другая настроенность: школа — это ерунда, нужно найти что-то такое…

В революцию всё было ясно: государство чётко формулировало свою идеологию. Оно дало платформу, дало надежду, дало мечту художникам, оно гарантировало свою чистоту и праведность. Это подобно тому, как Перикл дал духовные силы своим Фидиям.

И весь ужас нынешнего положения в том, что нет идеологии. Всё болтается каким-то непонятным, как нынешняя погода. Нет идей, нет модернизации, нет единства. Все чувствуют разницу состояний, а мы продолжаем идти по тем же тропам, которые приведут нас в ад. Наступаем на грабли неравенства! Если кто-то безумно богат, то для него всё должно быть другое, чем для человека, который сам картошку окучивает. И совершенно разные зрительные образы. Я вот окучиваю, я вижу землю и свою тяпку, а он вообще о ней не думает. Он сидит на своей яхте с мобильником, единственным его орудием труда. Поэтому и нет идеологии. Откуда же тогда появится мобилизующее энергетическое искусство?

Но идеология должна быть обязательно!

Революция дала эту цель, эту звезду пленительного счастья, она дала всем художникам надежду, что счастье и рай возможны. Рай — в единении, который я лично испытываю, идя на демонстрации. Я это состояние очень люблю. Мне приятно, что все люди, которые со мной в этой шеренге или в той шеренге, такие же, как я, мои братья и сестры. Мы идём совершенно свободно — единый народ, единое тело.

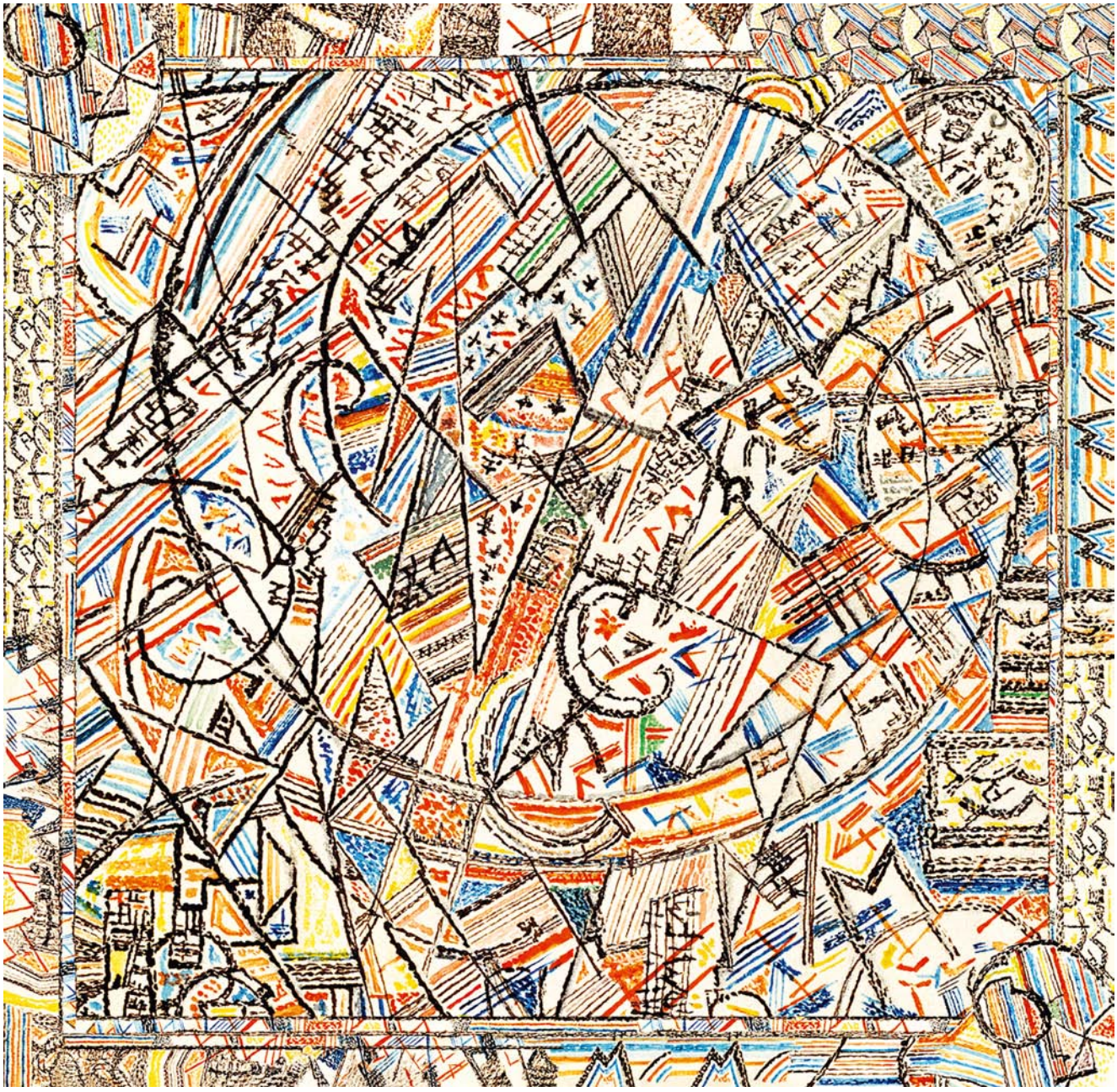
Когда художник отрывается от этого тела, с ним начинает твориться неладное. Я недавно попал на выставку Серебряковой. И вижу: какие-то жалкие пейзажи, какие-то дохлые портретики. Я подумал: «Боже мой, что это? Неужели это моя Серебрякова?» Обратился к смотрительнице: «Да Вы попали на конец экспозиции!» Это были работы парижского, эмигрантского периода. И даже портреты близких Серебряковой людей, Шаляпина и прочих, были какими-то жалкими. Я был со спутником, пришлось оправдываться и объяснять, что это — эмиграция.

И вот, наконец, начало экспозиции. Какое наслаждение, какое высочайшее искусство, какая мощь сильной руки! Я вижу шуршание этой пастели, этих купальщиц, этих жниц! Конечно, это всё идеализация, но это, безусловно, великое европейское, мировое искусство. И любимый муж здесь! Когда человек на Родине, когда человеку светит звезда Родины, он достигает высочайшего уровня своего творчества.

Так было и со скульптором Цаплиным, потому что всё его величие в Европе было напоено мечтой о возвращении в Россию. За границей он не продал ни одной своей работы, хотя их вожделели многие покупатели. Он всё вернул на Родину, хотя вы представляете, что значит перевезти гигантские скульптуры? Какие сложности, материальные, дипломатические и прочие его ждали? Но была идеология, был смысл, и государство его опекало.

Нет идеологии — и ничего нет. И сейчас на земле есть Афины, и называются они так же, как и много веков назад. И Парфенон стоит на старом месте, но в современной Греции нет того величия, нет того качества, не создаются шедевры.

Наша революция вспахала всё поле искусства, а не только художников того направления, которые готовили революцию. Корин и Пластов — из династий иконописцев. Они славили Советскую власть и стали её основой в искусстве, чистом и праведном.



/ Александр ЛЮБИНИН /

Советский проект и национальный суверенитет России

Доклад Изборскому клубу

Советской власти на пространствах Российской империи уже нет, а Россия, пусть и утратившая ряд территорий, ослабевшая, но геополитически всё ещё значимая, существует. Имея перед собой сегодня не социалистическую, а уже вполне капиталистическую Россию, появление которой знаменует переход к очередной (после многовековой монархии последующего очень короткого буржуазного периода и десятилетий советской власти) форме государственного устройства, принципиально важна и необходима объективная оценка роли Октября 1917 года не только в практическом осуществлении социалистической идеи, но и, что не менее важно, в судьбе современной России, в том числе — в истории Русского мира, в защите его уникальной цивилизации, которая соединила огромные пространства Евразии и множество народов, испокон веков живущих на этой земле. Что же Советской властью было сделано для России сегодняшней, насколько сделанное было своевременным и необходимым, а методы — результативными? Можно ли было на истекшем историческом отрезке, начавшемся с ликвидации монархии, решить судьбоносные задачи сохранения страны иным, но столь же надёжно обеспечивающим её суверенитет способом?

Такая постановка вопроса означает, во-первых, понимание истории России как единой в геополитическом смысле и, во-вторых, требует признания приоритетности её бытия как такового — существования во времени как независимого суверенного государства на сложившейся исторической территории. Это, можно сказать, идеология гражданского патриотизма, актуализирующая своё значение в острые и, тем более, в переломные периоды национальной истории, один из которых как раз и переживает Россия сегодня.

В сложившейся ныне исторической реальности крупноплановым, принципиально значимым вопросом, связанным со 100-летием Октябрьской социалистической революции, является уже не только вопрос о судьбе социалистического проекта и жертвах, понесённых при его реализации, как привычно подразумевается, но также о роли этой революции в сохранении государственной независимости России. Данная двуединая тема и является предметом настоящей статьи.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОКТЯБРЯ

Про Октябрьскую революцию, как и про десятилетия Советской власти, можно судить с совершенно разных и даже противоположных социально-экономических позиций на том простом основании, что реальная жизнь социума всегда многозначна, а потому её отражение в общественном, не говоря уже о личном, сознании — неизбежно субъектно окрашено. Где-где, а здесь уж точно, без «чуйств», как объяснял персонаж А. Райкина, ничего не пишется и не говорится, сколько бы себя и других ни уверяли в обратном.

Наши потомки, которые через много лет будут изучать историю Октябрьской революции и советского социализма, обретут, надо думать, устойчивую объективность взгляда, психологически труднодостижимую сегодня как среди сторонников социализма, так и среди его оппонентов. Пока же большие усилия затрачиваются на то, чтобы внести в массовое сознание утверждение, согласно которому не было никаких исторически раздирающих российский социум обстоятельств, требовавших столь радикального революционного переворота, а был авантюрный, не отвечавший ситуации в стране и чаяниям народа государственный переворот, совершённый российскими экстремистами от марксизма. Захват власти большевиками, согласно данной концепции, стал проклятьем для исторической России, подорвав её материальные и духовные силы. «Россия потеряла XX век», пропагандистски броско объявил свой уничижительный итоговый вердикт периоду Советской власти, начатому Октябрьской революцией, официально почитаемый ныне А. Солженицын.

Но могла ли страна, которая бы столетие потерянно стояла в стороне от развернувшегося в мире небывалого научно-технического прогресса, одержать великую победу в навязанной ей фашистской Германией войне, быстро затем восстановить разрушенное народное хозяйство и первой отправить человека в космос, проделав путь от сохи до атомной бомбы? Или это было государственное образование, которое не только не потеряло для собственного возвышения судьбоносный век, а, напротив, прожило его необыкновенно динамично и плодотворно, несмотря на суровые времена, лишения и утраты? И разве для России сегодня опасность потерять не прошедший век, чего как раз не случилось благодаря мерам, своевременно принятым большевиками, а текущий век и себя в нём вследствие реальной опасности утраты необходимого уровня защиты суверенитета, который успешно обеспечивала Советская власть и социалистическая иде-

ология, а до того самодержавие, — не более реальная перспектива, чем раньше?

В бедах России ныне модно винить Октябрьскую революцию, оставляя в её тени события февраля 1917 г. и всё, что неизбежно и неумолимо подводило к ним. Будучи радикально противоположными по составу участников, по своим движущим силам и социально-политическим последствиям, эти два процесса связаны неразрывно: октябрьский процесс вырастал из результатов февральского, организованного кадетами и октябристами (либералами того периода времени) в союзе с эсерами и меньшевиками. Только взятые вместе, в своём взаимодействии, они объясняют траекторию движения страны к социализму. При этом ключевым событием здесь является не только свержение самодержавия. Не менее важно учесть тот факт, что сто лет назад страна оказалась единой в стремлении к социализму! Символом Февраля был отнюдь не триколор, а красный флаг и красный бант. На выборах в Учредительное собрание более 90% голосов получили социалистические партии! Они принципиально расходились между собой в том, каким им видится социализм и по какому пути следует к нему идти. Тем не менее итоги выборов красноречиво говорили о том, что в силу своего исторически сложившегося менталитета, социально-экономических условий жизни, обстановки, возникшей в связи с падением монархии и ведущейся маловразумительной тяжелейшей войны, общественное мнение России развернулось в сторону социализма, оказавшись в этом отношении впереди европейских стран. Отставая от этих стран в темпах политического развития на огромный исторический отрезок[1], Россия в XX веке стала лидером в стремлении общества к обретению социальной справедливости. Как и Франция до неё, она, в свою очередь, опровергла убеждение В. Карамзина о том, что «История принадлежит царям», ясно показав, что, в конце концов, «История принадлежит народам», в чём был глубоко убеждён уже декабрист Н. Муравьев.

Социалистически ориентированные к 1917 году массовые настроения населения России, столетиями мирившегося с диктатом монархии, для западного человека находятся в категории «умом Россию не понять». Но в этом суть её загадочного организма, «заражённого» неискоренимой тягой к справедливости, которая раньше или позже, но неизбежно выплёскивается на поверхность общественной жизни и заставляет с собой считаться. Вопрос лишь в том, есть ли политическая сила, сознательно готовая стать последовательным выразителем и ответственным представителем этих настроений.

Именно в «февральском безумии 1917 года», которым казались со стороны события того времени, следует видеть исходный пункт всего происшедшего с Россией в XX веке. Взяв государственную власть после свержения монархии, респектабельные, самоуверенные и амбициозные лидеры оппозиции проявили полную беспомощность в организации практического управления страной. Распад устоявшейся монархической государственности в обстановке участия России в Первой мировой войне именно тогда, когда потребовалась созидательная государственная работа, вызвал у них растерянность перед начавшимся в стране разложением всех социальных институтов, действием непонятных им сил, таившихся в самой нации. Они были талантливы и удачливы в борьбе с домом Романовых, но оказались не готовы ни идейно, ни организационно, ни кадрово к управлению такой сложной страной, как Россия, поражённой в тот период всеобщим недовольством и торжествующей анархией. Помимо прочего сказалась слабость и недоразвитость российского капитализма, в том числе — краткость периода его существования, которая естественным образом порождала отсутствие опыта государственного управления и, как следствие, неумение буржуазных сил, пришедших к власти, организовать необходимую созидательную работу. В тот момент ситуацию могла спасти только сила, способная обратиться к широким массам, сплотить их, повести за собой и тем самым остановить распад. Все три Временных правительства, несмотря на свои чрезвычайные полномочия, не только не стабилизировали социально-политическую ситуацию, но лишь усугубляли её, развязывая руки местническим и националистическим силам, начавшим выходить со своими территориями из состава единого государства.

Радикализировать ситуацию до своего высшего состояния, втянув в неё все слои населения, может только обязательное наличие

[1] На момент Великой французской, уже буржуазной революции (1879–1894 гг.) на российском троне находилась Екатерина II, отменившая Юрьев день. Её правление — высшая точка феодального строя в России.

судьбоносного для страны вопроса, решение которого давно назрело, но затягивается. Можно говорить, и вполне обоснованно, о совокупном действии различных обстоятельств: о слабости Николая Второго как венценосца и правителя, роли политической конкуренции, внутренних заговорах и заговорах иностранных держав, а также о многом другом, действительно имевшем место и оказавшем своё ощутимое влияние на политическую жизнь. Но все эти и другие подобного рода обстоятельства, воздействуя лишь на верхушечные, внутриэлитные процессы, не могли бы ни создать устойчивого революционного настроения масс, ни объяснить характер их ожиданий и требований к власти.

В социальной истории России таким ключевым вопросом был вопрос о земле, сомкнувшийся к 1917 году с вопросом о мире. Ставшее неизбежным изменение правовых основ землепользования, в любом его варианте, означало ломку сложившейся социально-классовой структуры российского общества и было — как для царского правительства, так и для возникших в начале XX века органов представительной власти, — по-настоящему сложной проблемой.

Самой яркой дореволюционной фигурой, вполне понимавшей политическое и экономическое значение земельного вопроса для России, был, конечно, Столыпин. Его план аграрных преобразований во многих отношениях был разумен и доказывал пагубность унификации землеустройства. Но реализация этого плана, которая шла с размахом и политической решительностью, присущими этому человеку, наделённому государственной властью, сосредоточилась, по сути, решающим образом на силовом варианте разрушения крестьянской общины. Отсюда — принципиальные противоречия в оценке «столыпинских реформ». Те, кто обращается к анализу его плана, отдают должное написанному Столыпиным, отождествляя благие намерения, содержащиеся в предложенном обществу политическом проекте, с действительно реализованным на деле. Они с сожалением констатируют, что смерть этого

незаурядного человека и патриота прервала реализацию столь полезного для России плана, для осуществления которого Столыпин просил всего лишь двадцать лет спокойного времени. Те же, кто оценивает практику Столыпина в решении аграрного вопроса, видят этого человека совсем с другой стороны. В этом нет заблуждения или предвзятого личностного отношения какой-то одной из сторон. Здесь две непридуманные стороны политической биографии одного и того же человека. Его современник и во многом предшественник Витте писал: «Если будет когда-либо издан сборник речей Столыпина в первой, второй и третьей Думе, то всякий читатель подумает: «Какой либеральный государственный деятель!» — и одновременно никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, Столыпин, всё сопровождая самыми либеральными речами и жестами»[2]. Деятельность Столыпина не столько сглаживала, сколько обостряла социально-экономические проблемы политически наэлектризованного российского общества, а требуемые им «двадцать спокойных лет» никто на «блюдечке с голубой каёмочкой» принести не мог: эти, совсем не короткие, годы требовалось обеспечить не в последнюю очередь и усилиями самого Петра Аркадьевича Столыпина, добровольно взвалившего на себя тяжёлую ношу радикального решения аграрного вопроса в стране с преобладающим крестьянским населением. На деле же получалось так: «Покуда будет история, — писал величайший русский писатель Л.Н. Толстой в письме, адресованном лично П.А. Столыпину, — имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи… Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми этими ужасами произвола»[3].

Отсюда неизбежным было грядущее нарастание революционных настроений, которого очень опасалось самодержавие. «Сотни казней, сотни легально и безнаказанно убитых людей в течение нескольких месяцев, в XX веке, в цивилизованной стране, в образованном обществе!.. — писал в 1906 г. в статье «Смертная казнь» выдающийся российский ученый В.И. Вернадский. — Когда в некоторых кругах русского общества перед наступлением революции носился страх её кровавых дел, этот страх обращался в сторону революционеров. Революция пришла, и оказалось, что правительственная власть стоит далеко впереди их, что на её совести несравненно больше крови и больше убийств… И занесённая кровавая рука власти не останавливается, Правительственный террор становится всё более кровавым»[4]. В итоге Столыпин стал неугоден как левым, так и правым, монархическим силам страны. Незадолго до смерти Столыпин говорил: «Меня убьют, и убьют члены охраны». Царица ненавидела Столыпина. Царь на похоронах председателя своего правительства и министра внутренних дел отсутствовал.

К 1917 году самый многочисленный класс России — крестьянство, которое, помимо нерешённого земельного вопроса, несло к тому же основную тяжесть участия страны в войне, не понимая и не обнаруживая её связи со своими давно требующими учёта интересами, было пропитано революционными настроениями. Сама по себе победа России в войне ничего крестьянам не обещала и никаких послаблений не гарантировала, подвигая к насильственному переделу земельной собственности, который начинал происходить уже и на деле. Непонимание этого было фактором, обрекающим на поражение как самодержавие, так и его буржуазных и околосоциалистических критиков.

Снять остроту этой проблемы можно было только серьёзными и понятными крестьянству шагами власти, которые бы оно восприняло как в той или иной мере достаточные и удовлетворяющие его. Но даже в политически острейший момент, когда ценой земельного вопроса оказалась легитимность власти, Временное правительство не спешило заняться его решением. План рассмотрения аграрной реформы отсутствовал и, стало быть, в лучшем случае, отодвигался на будущее, в то время как градус крестьянского недовольства уже зашкаливал, и самозахват земли, её «чёрный передел», уже реально шёл по всей стране. Вот по этой линии глубочайшего политического разлома в российском обществе Октябрь является прямым следствием Февраля, итогом нерешённости назревших вопросов, прежде всего — аграрного, а также — производных от него: разрыва между городом и деревней,

[2] Витте С. Ю. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1991. – С. 15.

[3] *URL:http://vivovococo.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORI/LNT.HTM.*

[4] *URL:http//rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/vernadskiy/1/j64.html.*

несоответствия потребностей индустриального развития с наличными сырьевыми, технологическими и трудовыми ресурсами.

В данном отношении принципиально значимо то, что совершенно надоевший всем слоям российского общества, измучивший и обозливший крестьянство, породивший массовые, пользующиеся широкой поддержкой интеллигенции радикальные антиправительственные политические течения земельный вопрос решительно и без промедления был снят с политической повестки жизни страны именно революционными актами новой власти, за которые прежняя власть отказывалась голосовать. Эти действия, отвечавшие сокровенным чаяниям подавляющей части народа, привлекли в ряды Красной армии миллионы крестьян, что в конечном итоге и обеспечило победу большевиков в Гражданской войне. Отвечало ли это задачам развития российской государственности? В полной мере. Именно большевики смогли собрать в горниле кровавой Гражданской войны растерзанную историческую Россию и предложить ей «советский проект», истинный смысл, величие и предназначение которого многим непонятны до сих пор. А ведь видный русский философ Александр Зиновьев был абсолютно прав, характеризуя «советский проект», воплощённый в СССР, как «вершину российской цивилизации». В этом и состоит исторический факт, с которым не поспоришь. Впрочем, желающие, конечно, всегда найдутся. Октябрьская революция и СССР породили немало недоброжелателей. Возникшее государство нового типа взяло на себя миссию спасения исторической России. Значительная часть царских генералов, включая знаменитого Брусилова и двух бывших министров обороны империи, перешла на сторону большевиков, признавая, что только они способны восстановить Россию в её исторических границах и в присущей ей мировой политической роли. Постсоветская власть, напротив, для своего утверждения инициировала распад российской державы, с легкостью расставшись даже с исконными славянскими территориями (Украиной и Белоруссией).

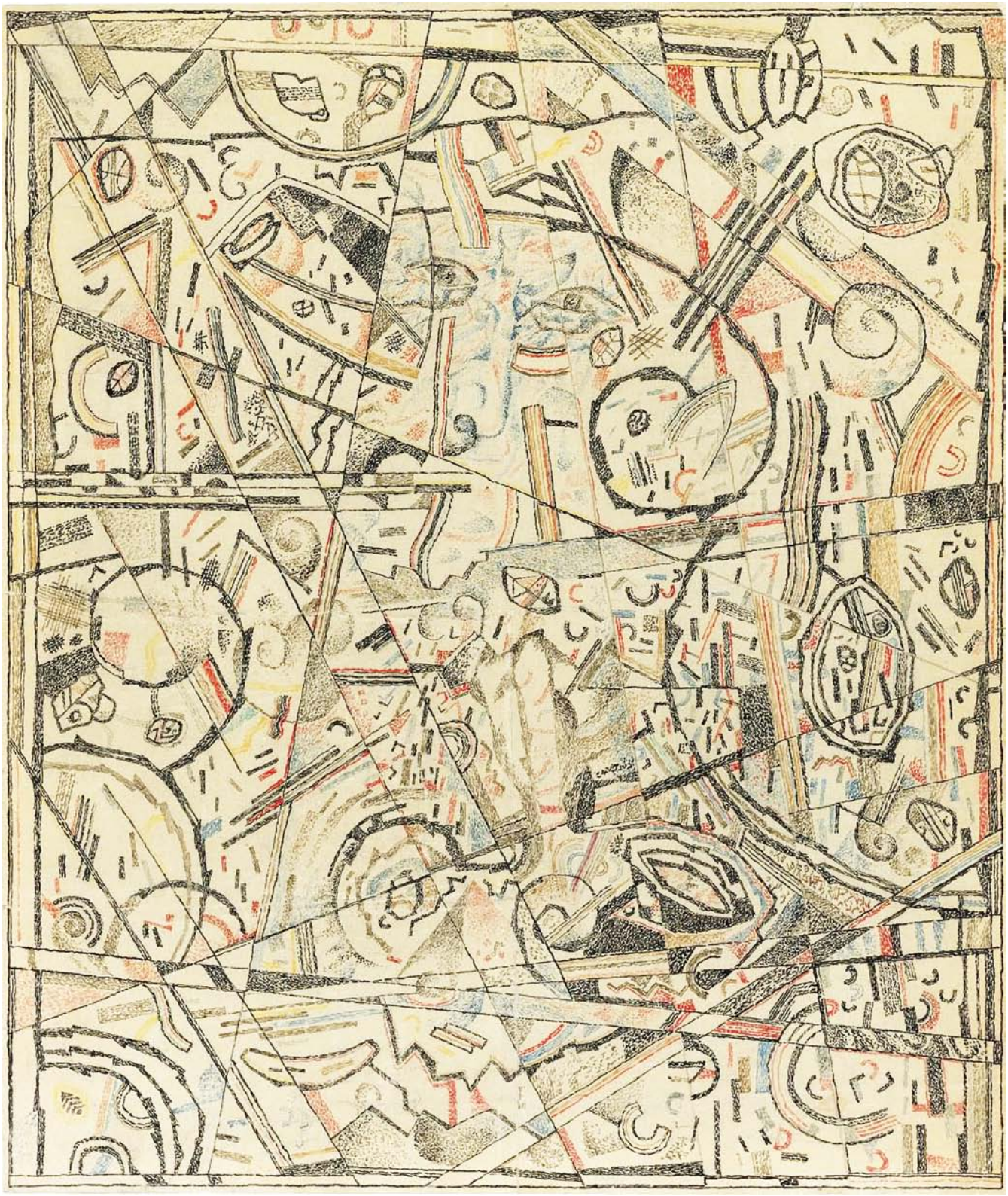
СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА КАК СПАСЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Практический социализм складывался под влиянием многочисленных внутренних и внешних социально-экономических и политических обстоятельств, неизбежно испытывая при этом воздействие личностных качеств руководителей. На момент Октябрьской революции у большевиков было ясное и, как утверждал В.И. Ленин, восходящее к К. Марксу понимание социалистической революции как всемирно-исторического явления: Россия, в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств, первой начинает мировой по своему охвату процесс уничтожения эксплуатации человека человеком и с обоснованной надеждой ждёт, когда социалистические революции произойдут в странах Центральной Европы, экономическая мощь и помощь которых поможет России быстро справиться с отсталостью и разрухой.

При таком понимании стратегии революционного действия приоритетом становилось сохранение в стране пролетарской власти, удержание её, прежде всего, как мировой, а не национальной самоценности. Долгое противостояние в одиночку остальному миру не стояло в повестке дня.

Концепция построения социализма в одной, отдельно взятой стране, создания национального государства в новой социально-экономической форме исходной целью большевиков не была. Но, в силу изменившихся обстоятельств, связанных с поражением революций в Германии и Венгрии, она таковой стала. Вследствие радикального изменения внешнеполитических условий построение социализма — теперь уже в одной стране — выступало, тем не менее, как прямое продолжение дела, начатого Октябрьской революцией. А коренные последствия, вытекающие из этого обстоятельства, практически «переформатировали» жизнь государства, партии и народа, легли в теоретический фундамент того социализма, который создавался на практике.

С утверждения концептуально нового понимания задач страны — строительства социализма *в одной отдельно взятой стране* (вместо курса на мировую революцию) — возникло противоречивое, сопровождавшееся серьёзной идейной борьбой, а также кадровыми чистками и репрессиями, затронувшими десятки тысяч людей, но, тем не менее, действительное тождество судеб социализма в России и существования России как таковой. Причём в данном тождестве в качестве ведущей стороны на всём протяжении существования СССР фактически выступал национальный суверенитет, а вопросы построения социализма опять же по факту (но не в идейно-политическом измерении)



получали второстепенное и производное значение. Суверенитет страны был безусловной целью, тогда как социализм, при всей его исторической значимости, выступал оболочкой решения этой задачи, определяя её формы в их конкретности.

Из логики концепции строительства социализма в одной отдельно взятой стране железно следовало: чтобы идти к социализму, должно сохраняться государство как решающее условие проведения в ней социалистических преобразований, в ходе которых для всего

мира должны быть доказаны преимущества нового общественного строя. Вопрос победы социализма во всемирном масштабе, таким образом, не снимался с повестки дня, а сохранялся как общий политический ориентир, заданный Октябрьской революцией. Но, в силу по-новому сформулированной старой задачи, маршрут, как бы сейчас сказали, «дорожной карты» стал неопределённо долгим и определённо рискованным, поскольку предполагал в качестве своего основного условия победу в экономическом соревновании с капиталистическим миром. Никаких сомнений в достижении этой победы не было. Как и объективных предпосылок для неё.

Логика строительства социализма в отдельной стране в противоборстве с остальным миром автоматически делает национальный суверенитет доминирующим фактором. Иной тип мышления, носителями которого выступал ряд видных деятелей партии и государства, становился гибелен как для сохранения страны, так и для перспектив строительства в ней социализма. В итоге состоявшейся переориентации образовался по форме особый, советский (в ряду предшествующих форм) этап обеспечения суверенитета и социально-экономического развития страны, который сохранялся по крайней мере до начала «перестройки», когда тождество социализма и государственного суверенитета перестало быть доминантой, что в полной мере проявилось в названии проектируемого «вместо СССР» СНГ, Содружества независимых государств. При этом сначала ослабленная в перестроечное, а затем и уничтоженная в постперестроечное время прежде неразрывная связь социализма с государственной независимостью фактиче-

ски поставила на грань существования национальный суверенитет России. По крайней мере для значительной части пришедшей к власти элиты этот вопрос перестал носить принципиальный и безусловный характер и во многом остаётся таковым вплоть до настоящего времени, несмотря на официально акцентированную патриотическую риторику и проводимую внешнюю политику.

Дело в том, что Россия и другие «постсоветские» государства с каждым годом всё больше отстают от научно-технических тенденций и средних темпов мирового развития. Но наша страна ведёт себя так, как будто её это полностью устраивает и никакой опасности в подобном положении нет. «Русские, — охарактеризовал эту проблему известный писатель и публицист Лев Аннинский, — шарахнулись от социализма как раз тогда, когда западный мир, к которому они шарахнулись, консолидируется именно на социалистических принципах».

ДРАМА СССР: ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КОНЦЕПЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

Реализация задачи построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения содержала фундаментальное и опасное противоречие, в полной мере созревшее к середине 70-х годов, а через два десятилетия ставшее причиной его гибели. То, что необходимо было делать в условиях существующего в России хозяйственного уклада и в сжатых до сверхплотности границах отпущенного исторического времени для обеспечения суверенитета страны, включая методы, которыми это могло быть достигнуто, по своей сути не могло носить социалистический характер. Для этого требовались разные формы мобилизации населения, его особой, в чём-то — полувоенной организации, а также пусть и искренне вдохновлённой светлым будущим, но сознательной, массовой жертвенности. Такая система предполагала как обязательное условие наличие вертикально соподчинённых штабов для реализации решений верховной власти и несения ответственности перед ней. Подобными органами, естественно, стали партийные комитеты различных уровней, занизив роль и значение выборных законодательных и исполнительных органов, а стало быть, — и всей системы власти Советов как институтов общественной самоорганизации.

Мобилизационное построение общественной жизни с неизбежностью тяготеет к армейской организации, где механизмы обратной связи неизбежно сведены к минимуму, чтобы наилучшим образом обеспечить единство действий в достижении поставленной цели. Соответственно этому формировались требования к руководителям штабов, в том числе — и к высшему руководителю. В совокупности всё это открывало дорогу на вершины власти для личностей, склонных к авторитаризму, — особенно если такие персонажи обладали интеллектуальной силой, организаторским талантом, харизмой, идейной убеждённостью и политической прозорливостью.

И перед революцией, и после неё необходимость рывка в индустриальном развитии для существования России осознавалась всем обществом. Можно, что называется, на дух не принимать идеологию большевизма, но он не только ставил своей целью преодоление отсталости и слабости, не только видел, как этой цели достичь, но и достиг её не считаясь ни с чём другим. Это не интернациональный вопрос победы мировой пролетарской революции, в основании которого лежит солидарность наёмных работников независимо от государственной принадлежности, а сугубо внутренний вопрос национального выживания. Главный идейный постулат, таким образом, был обращен на внутренние нужды России — на создание мощного современного государства.

К началу 30-х годов, согласно предположительным оценкам руководства, страна располагала для подготовки к новой большой войне не более чем десятью годами. Время показало, что эта оценка полностью оправдалась, и это обстоятельство вообще не зависело от ситуации внутри России, какой бы она в политическом отношении ни была. Две с половиной предвоенные пятилетки спасли Россию, сделав её экономику индустриальной и почти независимой от внешних факторов.

Спрессованный во времени процесс «коллективизации-индустриализации» в СССР неминуемо стал периодом тяжёлых испытаний для населения страны. Столь быстро нигде ничего подобного не совершалось. Но ни одну страну объективные обстоятельства и не побуждали к этому. В России могло быть и не советское правительство. Тем не менее любая ответственная власть, принимая вызов времени и отвечая на него, должна была бы делать то же самое: проводить экстренную индустриализацию, а значит — прибегать к мерам насилия

против текущих интересов населения, со всеми вытекающими из такого способа действий последствиями. Различия, конечно, были бы. Но в первую очередь они касались бы уровня народной поддержки. У большевиков эта поддержка, основанная на вдохновляющей идее построения справедливого мира «для себя и для всех», была. И именно она позволила людям того времени, героизируя его, пережить, вынести на своих плечах все тяготы индустриализации.

В результате индустриализации СССР к 1941 году сумел достигнуть того уровня, на котором сейчас находится КНР, — около 16% (в 1913 г. — 5,2%) мировой экономики. Именно это, помимо известных политических обстоятельств, связанных с серьёзными предвоенными противоречиями между западными странами, явилось решающим фактором прорыва фактической изоляции страны и укрепления ее суверенитета.

Впечатляющие успехи, достигнутые в развитии советской экономики, укрепляли несокрушимую веру в правильности избранной хозяйственной практики ещё и потому, что капиталистический мир на рубеже 20–30-х годов XX века оказался охвачен самым глубоким в своей истории экономическим кризисом. С констатации этого обстоятельства начиналось большинство крупных партийных документов того времени. Показательно в этом отношении то, что первая часть доклада И. В. Сталина на XVII съезде ВКП (б) в 1934 г., где обосновывалась победа социализма, называлась «Продолжение кризиса мирового капитализма и внешнее положение Советского Союза», а вторая — «Продолжение подъёма народного хозяйства и внутреннее положение СССР».

ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА КАК ЗЕРКАЛО КОНКРЕТНО ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В СССР

В рецензии в связи с публикацией 1-го тома «Капитала» Энгельс указал, что Маркс рассматривает в «Капитале» будущее общество «лишь в самых общих чертах»[5]. Маркс действительно не дал ничего, что могло бы называться моделью или проектом социально-экономических отношений социализма, ничего, что можно считать хотя бы попыткой такой модели, кроме самой общей, но принципиальной идеи: социализм — это система, отрицающая частную собственность и рынок как экономическое условие её воспроизводства, эксплуатацию человека человеком; социализм — это сознательное и, следовательно, плановое хозяйствование, что возможно лишь в условиях общественной собственности на средства производства. В этом смысле социализм, как он предстаёт в характеристиках Маркса, по своей хозяйственной организации и реализуемой социальной цели — антипод капитализма, его отрицание. Но отрицание не негативное, а позитивное, т. е. сохраняющее все цивилизационные достоинства капитализма, одновременно разрешая его социально-экономические противоречия, в чём, собственно, и заключается его историческая миссия.

В силу этого теория социализма у Маркса — это взаимосвязанная совокупность научно *поставленных вопросов* о социализме. Но не теория их решения на практике в реальном историческом процессе. «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества?» — повторял Энгельс заданный ему вопрос, и отвечал: «Вы и намёка на них не найдёте у нас»[6]. Когда Маркса просили назвать конкретные пути перехода к будущему обществу, он, учитывая тщетность попыток предвосхитить всю совокупность возможных обстоятельств, отвечал: «Мне кажется, что «вопрос»... поставлен неправильно: что следует делать *непосредственно*, конечно же, зависит от данных исторических условий, в которых придётся действовать. Но в данном случае вопрос поставлен совершенно *отвлечённо*, представляет собой фантастическую картину и единственным ответом на него должна быть критика самого вопроса. Мы не можем решать уравнение, не содержащее в своих данных элементов для решения»[7].

В связи с тем, что пошаговая инструкция социалистических преобразований отсутствовала и отсутствует, поскольку, оставаясь на научной почве, она просто не могла быть написана ни Марксом, ни кем-либо ещё, перед взявшими власть большевиками во весь рост встал одновременно и ответственнейший, и тяжелейший вопрос: что и как делать? Тут

[5] Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 221.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22. С.563.

[7] Там же. Т. 35. С. 132.

и затаилась настоящая «ловушка» для революционеров: что-то делать надо, а нет ни рекомендаций, ни опыта, риск неверных действий огромен.

Понимая, что учебника по осуществлению непосредственных социалистических преобразований нет, Ленин ясно видел необходимость «выкарабкиваться самим»[8]. Но как, в какую сторону выкарабкиваться, не теряя опоры под ногами? Ответ Ленина был в русле марксистской естественно-исторической традиции: «В процессе социалистического строительства, — указывал он, — как и во всём историческом творчестве, пролетариат берёт своё оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создаёт» из ничего»[9]. Принципиальная установка, которой Ленин в связи с этим руководствовался, заключалась в том, что «всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться, и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность»[10]. Самые первые, неотложные меры перехода к социализму или подхода к нему, указанные Лениным, — такие, как общегосударственный контроль за производством и потреблением, регулирование потребления, национализация банков, синдикатов, образование единого государственного банка, объединение в союзы, наконец, государственный капитализм во всем многообразии его форм, — это всё инструменты, которые «подсказаны» капитализмом и в определённой мере им созданы, так что необходимым является их развитие и наполнение новым содержанием, требуемым для социалистических преобразований.

В пределах небольшого послереволюционного времени, отведённого Ленину судьбой, им был обоснован ряд ключевых для жизни страны переходов: к продналогу, от него — к продразвёрстке и затем — к нэпу. Кто знает, какие ещё формы организации хозяйственной жизни страны, которая хотела быть социалистической не только по названию, Ленин, именно в силу своего понимания теоретических позиций Маркса, мог бы в последующем открыть для себя и предложить стране? «Искать переходные меры, — писал он в этой связи, — задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать, мы духом не упадем, мы своё возьмём»[11].

Когда после неудач курса, названного «красногвардейской атакой на капитал», значение переходных форм в общественной жизни проявилось в полной мере, Ленин поставил вопрос о необходимости «признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»[12]. Эта перемена не касалась пересмотра значения для социализма общественной собственности и планомерной системы организации производства, она не затрагивала конечную цель преобразований. Пересмотр заключался в признании острой актуальности не обсуждаемого прежде в марксистской среде вопроса о формах подхода к социализму, когда социалистическая революция уже совершилась и практически обозначилась необходимость пройти неопределённо долгий и, как стало ясно, сложный путь через ступенчатый процесс переходных форм, прежде чем «из России нэповской будет Россия социалистическая»[13]. В такой констатации не было ничего, что было бы характерно исключительно для России: переходные формы — общая закономерность смены любого общественного строя.

Но к концу 20-х гг. по вполне объективным основаниям стала возникать необходимость формирования мобилизационного характера системы власти, организации экономики и общественно-политической жизни. Эти исключительные, уже специфически российские условия становления практического социализма совершенно не соответствовали общей логике марксистского социалистического учения, придавая процессу формирования получившего исторический шанс социализма огромное своеобразие, в том числе — и негативное. Участие в тот период в этом процессе хотя бы Германии сообщило бы ему большую универсальность и практическую основательность, снизило бы запредельный накал политических страстей вокруг того, что, как и когда необходимо сделать. Переход же к социализму по классическому

8 Там же. Т. 44. С. 228.

9 Там же. Т. 33. С. 310.

10 Там же. Т. 44. С. 227-228.

11 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С.72.

12 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376

13 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.

предвидению в качестве всемирного явления вообще исключал бы, случись такое, необходимость мобилизационного плана действий, резких и жёстко проводимых структурных сдвигов в экономике и внутренней политике, которые стали необходимыми при построении социализма в одной отдельно взятой стране. В иных обстоятельствах оказалась бы и теоретическая мысль, вынужденная защищать и абсолютизировать тот социализм, который фактически создавался, находя оправдания в том, что историческое развитие пошло не совсем так, как предполагал Маркс.

26 ноября 1936 г. И.В. Сталин, выступая со статьей в «Правде», подчеркнул, что в СССР «осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм». Так появилась в окончательном виде (определение вызревало несколько предыдущих лет) и сразу была канонизирована формула, сочетающая в себе констатацию завершения переходного периода и общее определение достигнутого социально-экономического этапа — «в основном первая фаза социализма»[14]. Это означало, что вопрос об использовании каких-то иных переходных форм в интересах социалистического строительства закрывается навсегда, надобность в них отпала. Тому, что было *вынужденной российской спецификой становления социализма*, придавался характер универсальной нормы, которая именно в таком качестве вошла в теорию социализма. При этом как доказательство завершения строительства социализма Сталин привёл «превращение социалистической системы в единственную систему народного хозяйства, вытеснение капиталистических элементов из всех сфер народного хозяйства»[15]. Вопрос, таким образом, совершенно определённо был сведён к тому, что Маркс называл *негативным* отрицанием капитализма, ещё не обеспечивающим полноту победы социализма, о которой, следовательно, объявлено было преждевременно.

Вся официальная система взаимосвязанных представлений практического социализма о собственности, обобществлении экономической роли государства методологически полностью рождена пониманием социализма лишь как отрицания капитализма как строя, существующего в виде его антипода. Негативное отрицание капитализма происходит быстрее, чем могут быть созданы условия для его положительного упразднения, что и произошло в СССР в 30-е гг. Для этого необходима лишь политическая власть, отмена частной собственности и способность создать систему государственного управления национализированной экономикой (госплан, госснаб, министерства, главки и т.п.). Чем капитализм, конечно, отрицается, но реального социалистического общества от этого ещё не возникает.

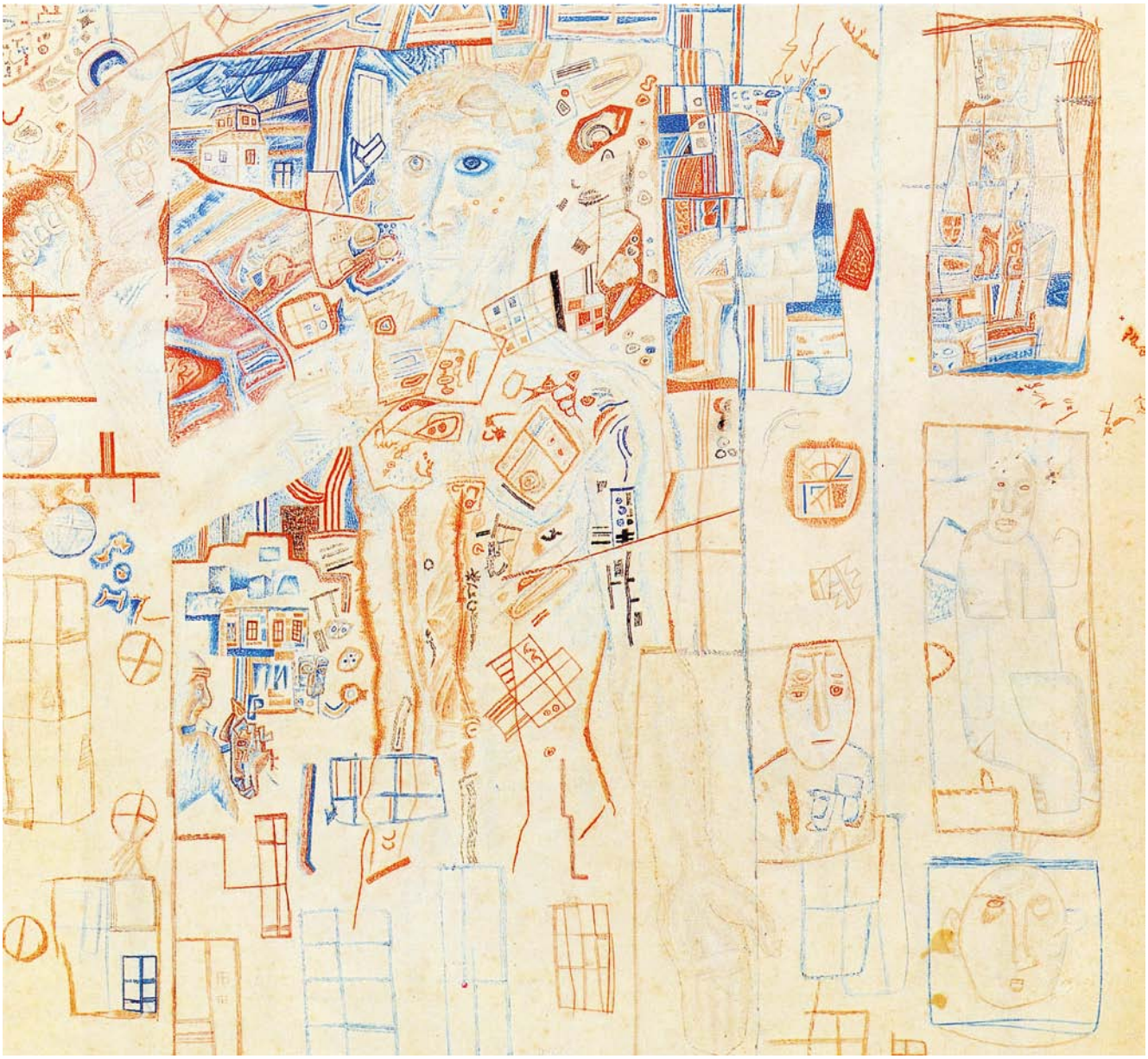
Сложившееся в СССР к середине 50-х годов устройство государства и общества, несмотря на все успехи социально-экономического развития страны и Победу 1945 года, не было и не могло быть устойчивой практикой социализма, поскольку представляло собой временно вынужденную практику общества, которое одновременно становилось и индустриальным, и социалистическим. Социализм по определению не должен лишать людей ни свободы выбора, ни возможности самовыражения, если таковые не носят асоциального характера и не задевают общественную нравственность. Командовать в этой сфере — значит, опускать планку самореализации индивида ниже того уровня, которого она, пусть и формально, достигает при капитализме. Всё это необходимо было сохранить и перевести в формы, обеспечивающие положительное упразднение капитализма. Но сложившийся тип советского директивного управления диктовал обратное.

В результате переходное, по сути, состояние не сформированного ещё социализма было объявлено уже перерастающим в высшую фазу нового способа производства — коммунизм. Стоит ли, учитывая положения классического марксизма, удивляться тому, что поставленная задача не была решена? Она в условиях расходящихся «ножниц» между теорией и практикой просто не имела решения.

До тех пор, пока советская экономика носила мобилизационный характер, включая период послевоенного восстановления, страна двигалась вперёд. При этом разделяемые большинством цели мобилизации придавали смысл текущей жизни людей, рождали исторический оптимизм и служили основанием единения

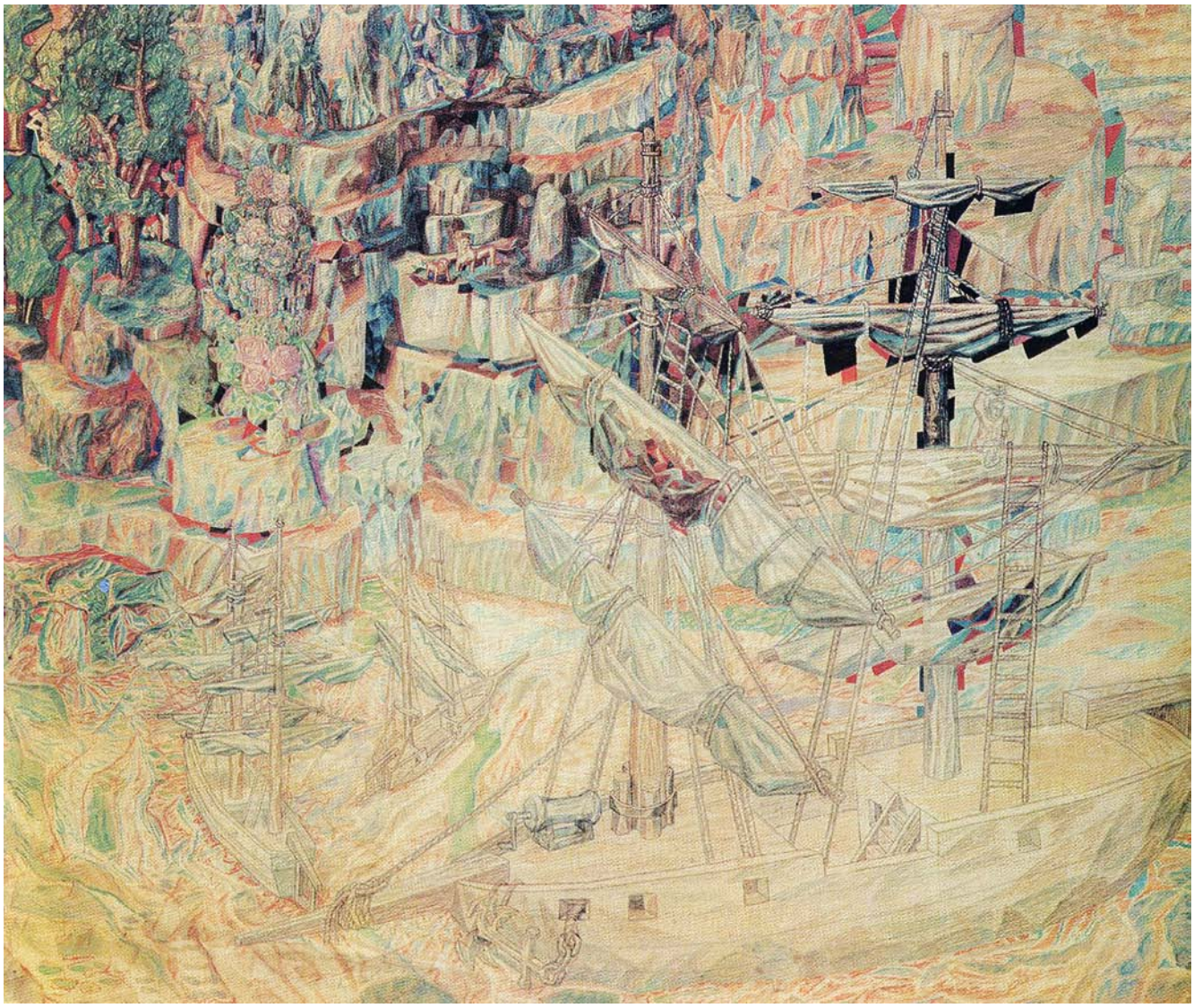
[14] Развитие событий в сторону появления данной формулы стало заметным явлением еще на XVII съезде ВКП (б) в 1934 г. На нём были выдвинуты аргументы, обосновывающие победу социализма в СССР, повторённые и развёрнутые затем на XVIII съезде, в документы которого вошла обнародованная И.В. Сталиным формула.

[15] Сталин И.В. Собр. соч. Т. 13. С. 333.



власти и народа, особенно сильного в период и после окончания Великой Отечественной войны. Однако затем возникла объективно иная ситуация, в том числе связанная с военной и послевоенной модификацией мировой капиталистической системы, применившей и развившей аналогичные советским методы сначала государственной, а затем и транснациональной социально-экономической мобилизации.

Идеологические, теоретические и практические «наработки», родившиеся в период мобилизационной экономики из необходимости обеспечить государственную независимость, превратились в свою противоположность — в тормоз дальнейшего социально-экономического прогресса страны. Все подвижки в области экономической теории, в том числе положения об исходном и основном производственном отношениях социализма, многообразии форм собственности, товарных отношениях и роли прибыли в качестве одного из показателей эффективности социалистического предприятия не могли быть в полной мере наполнены практическим смыслом, поскольку рассматривались применительно к уже имеющимся и считающимся *готовыми*, а не ещё *формирующимися* отношениями социализма. Но эти же разработки применительно к социализму *становящемуся* — тем более уже не в масштабах одной страны, а в масштабах мировой системы — могли бы стать эффективным инструментом для разрешения проблем экономического централизма и самостоятельности хозяйственных звеньев.



Теоретическим и практическим разрешением возникшей ситуации в условиях, когда национальный суверенитет был надёжно обеспечен, могло стать только признание нахождения социализма в стадии становления и обоснованности использования на такой его стадии соответствующих переходных экономических форм. При этом не возникло бы никаких теоретических трудностей с признанием необходимости того или иного сочетания разнородных отношений, ибо разнокачественность — родовое, естественное свойство переходных форм и переходного времени: непосредственно-общественных и товарно-денежных, плана и рынка, распределения по труду и распределения по стоимости. Следовательно, отпала бы необходимость утверждать значимость товарно-денежных отношений для реального состояния советской экономики путём конструирования концепций «рыночного социализма» и создания их более «продвинутого» конкурента — теории товарно-денежных отношений в системе непосредственно общественного социалистического производства. Теория и практика вышли бы из идеологического конфликта с тупиковым исходом и получили бы возможность взаимодействовать, воздействуя друг на друга. Западная экономическая мысль перестала бы восприниматься главным образом конфронтационно, как предмет критики, и — в той своей части, которая связана с анализом процессов функционирования рыночной экономики и поведения её субъектов, — могла быть позитивно применена.

Такого рода подход с середины 70-х гг. XX века демонстрирует Китай, где цивилизационный аспект общественного развития в стране, управляемой компартией, ставящей перед собой социалистические цели, был вы-

веден из приоритета идеологии и поставлен, по крайней мере, рядом с ней.

Для судьбы СССР ошибка в трактовке социализма приобрела фатальный характер. Она исказила понимание того, какой должна быть практика социализма и, соответственно, её теоретическое осмысление, сведя сложнейшее по своей внутренней организации явление общественного контроля за производством и потреблением, о котором говорил Маркс, к быстро достижимой практике: утверждению государственной формы собственности и введению директивного планирования. Экономика Советского Союза перестала быть эффективной, когда перестала быть мобилизационной и нуждаться в соответствующих ей командных общественных отношениях и духовной атмосфере. При этом идеалы социализма, не поддержанные, когда для этого выпал исторический шанс, реальным процессом их осуществления, стали представляться недостижимыми, лишая текущую жизнь людей содержательного смысла.

Противники марксизма, естественно, обратили сложившуюся теоретическую и практическую нелепость себе на пользу, получив реальную возможность критики практического социализма с социально-политических, экономических и гуманитарных позиций: сначала критики словом, а затем и критики делом: путём захвата политической власти и восстановления — пусть не полного, но системного — капиталистических отношений.

С неизбежностью «забежав» вперёд при осуществлении негативного отрицания капитализма, СССР не предпринял затем разумного «отхода» назад — не в качестве признания совершённой ошибки, а для того, чтобы «старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы»[16]. Но как же, до невозможности, психологически труден после всех достижений и жертв предшествующего драматического, но победного этапа, этот шаг назад. В отсутствие соответствующей теории он становится вообще нереален, что и подтвердил печальный опыт СССР.

Строительство социализма в *одной отдельно взятой стране*, а потом и в «мировом лагере социализма», несмотря на идеологический социально-классовый приоритет и соответствующую общественно-политическую риторику в первую очередь было «загружено» решением проблем поддержания обороноспособности и сохранения страны. Здесь было средоточие главных задач и интересов, сюда в первую очередь направлялись материальные и интеллектуальные ресурсы страны, под решение этой задачи выстраивалась хозяйственная структура и система управления ею, поддерживался высокий социальный и материальный статус военных людей, велось военно-патриотическое воспитание.

Советская концепция строительства социализма в отдельной стране несла в себе фундаментальное противоречие, определённое конкретными условиями решения этой задачи: между методами, которые были необходимы для того, чтобы оставаться независимым государством, и неизбежным негативным воздействием этих методов на социалистическое содержание общественных отношений. В историческом итоге СССР ушёл, сохранив Великую Россию, закрыв её, как щитом, в суровое для нее время реализацией социалистического проекта, неизбежно при этом деформировав сам проект для обеспечения национальной суверенности. Не сумев избежать этой деформации, узаконив, а не исправив ее, Советский Союз в итоге заплатил социалистическим проектом за неспособность разрешить указанное противоречие: надёжно обеспечить не только независимость страны, но и сделать конкурентно-способным её общественный строй, в целом гармонизировать свои цивилизационные достижения с социальными.

Тем не менее, при всей критичности оценок советского опыта, не следует относиться к нему огульно нигилистически: эта практика должна быть исторически осмыслена и теоретически преодолена, а не механически отброшена. Сквозь допущенные роковые ошибки в ней надо видеть реальные проблемы и трудности развития социалистической теории и практики, многие из которых просто не могли быть заранее предусмотрены и должны были преодолеваться в «рабочем порядке». Последнее, как показали события советского времени, оказалось комплексом проблем не менее — если не более — сложным, чем приход к власти.

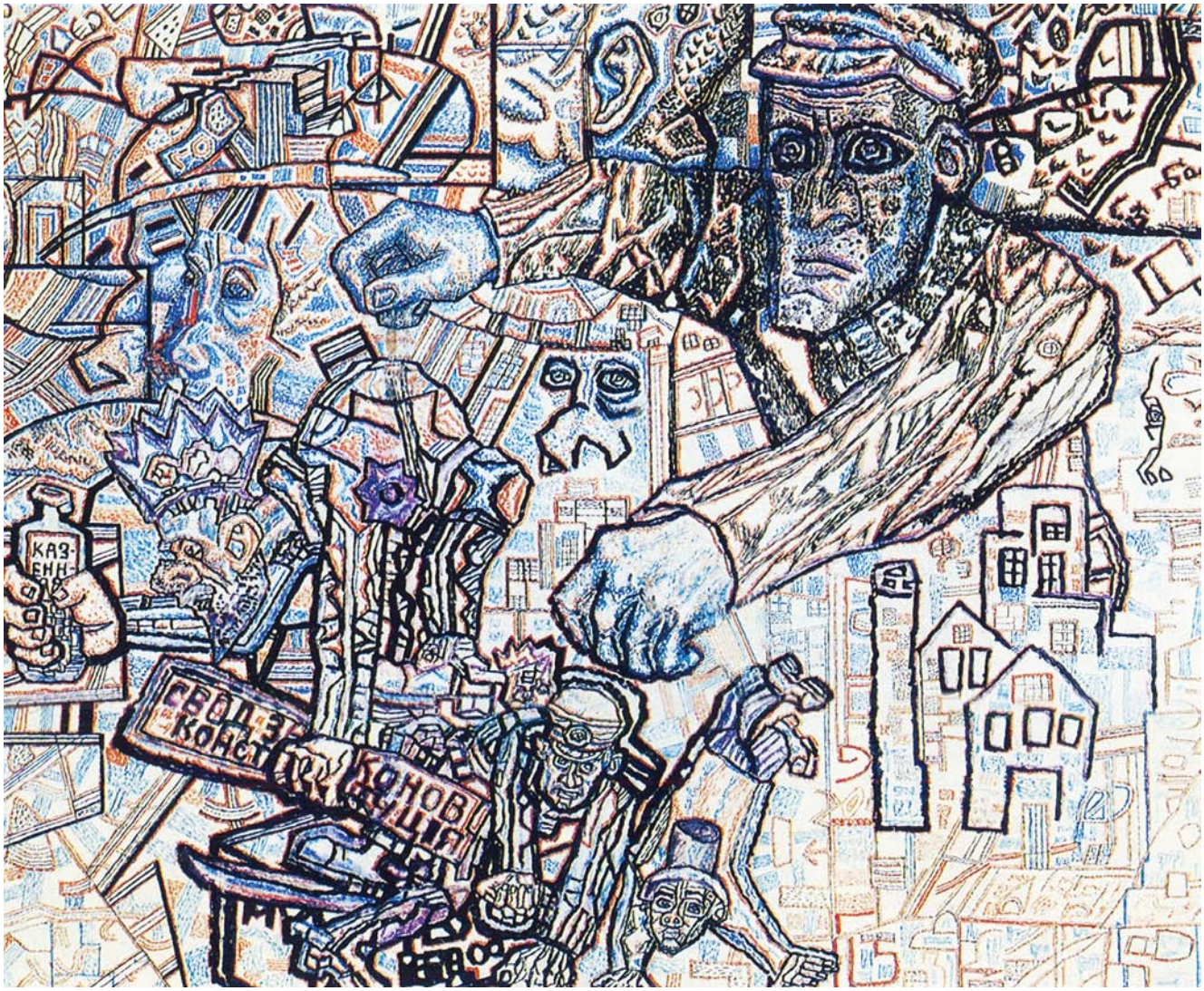
[16] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 89.

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

Первая мировая социалистическая революция

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде».
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделываем снова.

Владимир Маяковский. Революция. Поэтохроника. Петроград, 17 апреля 1917 года.



Столетие Великой Октябрьской Социалистической Революции — важнейшей вехи в новейшей истории — к сожалению, сейчас в России недопонимается, недооценивается, а то и сознательно искажается. Но, не усвоив уроков этой революции и не задумываясь о следующей, наше общество будет по-прежнему топтаться на месте или откатываться назад.

Мы смотрим на революцию чужими глазами. Наглядный пример — недавно вышедшая «Иллюстрированная история Великой русской революции», рекомендованная «в целях содействия изучению истории» Российским военно-историческим обществом. Книга открывается… цитатой из Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была в виду». Он ничего не понял или не захотел понять… В моду вошла идеализация дореволюционной России и «примирение белых и красных», поскольку среди тех и других были прекрасные люди, которые «любили Россию».

На мой взгляд, сейчас не время сводить «исторические счёты», переносить останки или реставрировать монархию. Историю надо принять такой, какая она у нас есть. Изменить её сейчас мы не можем, да и другой у нас не будет. Гораздо важнее «примирений» осмыслить суть и масштаб Октябрьской революции и на этой основе заглянуть в будущее. Обсуждению этого и посвящены представленные заметки.

ДИАЛЕКТИКА И МОДЕЛИ РЕВОЛЮЦИЙ

Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Александр Блок.
«Двенадцать», 1918.

В основе представлений об обществе и человеке часто лежат модели естественных наук, предмет которых несравненно проще. Гегель трактовал противоречия как источник развития, писал о единстве и борьбе противоположностей, о переходе количества в качество, о триаде «тезис — антитезис — синтез». Общая беда таких вербальных моделей (не говоря уже о мифах или религиозных текстах) — непонятна их область применимости: в каких случаях в конкретных ситуациях процессы пойдут так, а в каких — иначе или вообще наоборот.

Гегелем была выдвинута очень важная идея *саморазвития*, предвосхитившая представления о *самоорганизации*, бурно развившиеся в конце XX века. Исходя из этого выдающийся специалист в области философии науки, академик В.С. Степин считает Гегеля предтечей *теории самоорганизации*, или *синергетики*. Перед глазами у Гегеля была одна саморазвивающаяся система, культура, — интересную и глубокую теорию которой он построил. Одним из важнейших научных достижений XIX века стала дарвиновская теория биологической эволюции. Наследственность, изменчивость и отбор оказались необходимыми и достаточными критериями, позволяющими объяснить удивительное разнообразие выживших и вымерших видов, а также закономерности развития биосферы. Здесь гегелевская диалектика оказалась поставлена на конкретную естественнонаучную почву.

По мнению Чарльза Дарвина, первый набор биологических видов был создан Богом, а затем эволюционные механизмы начали действовать самостоятельно. Гигантские вымирания или «эволюционные взрывы» (стремительное увеличение количества видов), по его мысли, невозможны. Дарвин оппонировал Жоржу Кювье, которого часто называют «катастрофистом». Этот учёный считал, что гигантские вымирания в истории были, а облик биосферы быстро и необратимо меняется именно в периоды катастроф, после которой наступают периоды адаптации и эволюционных изменений.

Однако если сложные коллективные структуры, виды (или биоценозы, которые начали изучаться в XX веке), возникнув, не будут оставаться неизменными, а исчезнут либо дадут начало новым формам, то эту идею естественно обобщить, экстраполировать на социальные системы, на сообщества людей.

Именно этот принципиальный шаг и был сделан Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Осмысливая динамику классовой борьбы, они предсказали общий кризис капитализма и рождение новой социально-экономической формации — социалистической. И «революции — локомотивы истории» на этом пути неизбежны.

К настоящему времени создана огромная военная наука, выполнены основополагающие работы в этой важной области. Представлены содержательные прогнозы, касающиеся войн будущего. Революции исследованы гораздо

меньше. Их серьёзное научное изучение началось сравнительно недавно.

Тем не менее современная нелинейная наука вносит свою лепту в это исследование. Одно из ключевых её понятий — ***бифуркация*** (от фр. bifurcation — раздвоение, ветвление). Первоначально математики понимали его как изменение числа и/или устойчивости решений определённого вида при изменении параметра. Сейчас и в науке, и в массовом сознании его трактуют более широко.

В изучаемой системе происходят медленные эволюционные изменения, они накапливаются. Прежняя траектория, по которой шло развитие, становится неустойчивой, и появляются новые возможности. Это время сознательно или неосознанно делаемого выбора. Происходит бифуркация.

При этом в самой точке бифуркации случайные, субъективные моменты, дея-тельность небольших групп или отдельных людей, обычно не играющих никакой роли, могут иметь решающее значение, определить дальнейшие состояния всей системы. Именно в таких системных «точках бифуркации» роль личности в истории может быть очень велика.

При этом математики довольно давно выделили *мягкие и жёсткие бифуркации*. В первом случае новые траектории поначалу оказываются вблизи прежней, потерявшей устойчивость. Происходящие изменения при этом могут восприниматься как «естественная эволюция», «адаптация к новым условиям» или «результат реформ».

Однако временами возникают жёсткие бифуркации, когда происходят скачки, и система очень быстро переходит в новое состояние, достаточно далёкое от предыдущего. Именно такие изменения обычно трактуются как революции или, в гегелевской терминологии, как переход количества в качество.

Популярный в настоящее время на Западе политолог Джек Голдстоун описывает точку бифуркации, в которой происходят социальные революции, следующим образом: «Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение или сопротивление элит, широко распространённое возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления, а также благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит — и тогда произойдёт революция»[1].

Насколько неустойчиво состояние общества? Насколько ожесточённы схватки «элит» под «ковром», в какой степени «верхи не могут», а «низы не хотят», распознать достаточно трудно. С этим связан так называемый «парадокс революций». Задним числом рассматривая предреволюционную хронику, историки и политологи трактуют революцию как нечто очевидное и неизбежное. Однако самим участникам этих событий доступна лишь небольшая часть существенной информации о состоянии социальной системы. Поэтому революционные перемены, их временные рамки, масштаб и последствия обычно представляются совершенно неожиданными. Например, Ленин в январе 1917 года писал, что «мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции»[2], а Николай II за несколько месяцев до падения царского режима считал волнения в Петрограде «вздором».

В настоящее время построены математические модели революций и смены элит[3] в рамках научного направления, называемого *математической историей*. Использование этих моделей для прогноза революций требует более высокого уровня мониторинга состояния общества, чем есть сейчас. Однако с развитием информационно-телекоммуникационных технологий ситуация будет меняться. Во всяком случае сейчас на Западе прогнозу социальных нестабильностей в разных уголках мира и методам управления ими уделяется серьёзное внимание.

Мы говорим, что малые воздействия в точке бифуркации могут определить дальнейшую траекторию развития, ход революции. Ну а если в распоряжении внешних сил есть доминирование в информационном пространстве? Если у них хватает средств и возможностей

1 Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017, с. 39.

2 Ленин В.И. ПСС, 5-е изд., т. 30, с 338.

3 Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 368 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).

коррумпировать элиту данной страны, чтобы в революционной ситуации она не использовала свои спецслужбы и другие силовые структуры? Очевидно, в этом случае доминирующий субъект в нынешнем однополярном мире будет устраивать одну «цветную революцию» за другой, отстаивая свои «национальные интересы», как он их понимает.

Поэтому достаточно очевидно, что «цветные революции» будут ключевым инструментом американской внешней политики в ближайшее десятилетие. Сами американские политологи объясняют такой образ действий очень просто: «мы делаем это, потому что можем». И, действительно, пока могут. Но ситуация и в мире, и в самих США быстро меняется.

Развитие, прохождение точек бифуркации и революции, связанные с ними, — объективный процесс, у которого существуют глубокие социальные, экономические, технологические и демографические основания. Его нельзя «отменить», «запретить», «отложить».

Попытки принизить Октябрьскую революцию, дискредитировать Ленина продолжаются в мире уже целый век, а последние десятилетия — и в России. Особенно популярна конспирологическая «версия», согласно которой Октябрьская революция — просто «спецоперация» немецких спецслужб, «переигравших» английские, ставившие на развал России. В этой «версии» Ленин и некоторые другие члены ЦК большевистской партии оказываются заурядными «агентами германской разведки», установившими Советскую власть только потому, что не сумели расплатиться с «хозяевами». Убеждать конспирологов в абсурдности идеи о том, что всем в мире рулили и рулят «шпионы» (которые пока не выявлены) или «версии» о всемогуществе «русских хакеров», наверное, бесполезно[4].

НАУКА И РЕВОЛЮЦИЯ БУДУЩЕГО

Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы —
Маркс
рабочего
поставил на ноги
и повёл
колоннами
стройнее цифр.

В.В. Маяковский.
Владимир Ильич Ленин. 1924.

Среди множества предшествующих революций Великая Октябрьская Социалистическая Революция в России была первой обдуманной и спроектированной на научной основе за десятилетия до того, как она произошла. Марксизм, из которого вытекала неизбежность и необходимость социальной революции, строился на основе передовой науки того

[4] Но, видимо, это делать необходимо. Детальный разбор «германской версии» Октябрьской революции дан в недавно вышедшей фундаментальной работе — Кремлёв С. Ленин. Спаситель и создатель. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — 1008 с.

	Хлеб, пуд.	Сахар, фунт	Хлопок, фунт	Чугун, пуд
Англия	28,99	90,5	41,2	11,3
Франция	23,24	36,1	12,5	4,1
Германия	28,06	42,0	15,3	10,0
США	54,34	78,0	20,4	14,3
Россия	18,34	13,2	5,3	1,6

Таблица 1.
Среднее потребление товаров по странам в пересчёте на одного человека в 1904 году.

времени. Основоположники этого подхода уделяли огромное внимание теоретической работе, дискуссиям с другими ведущими учёными. «Капитал» до сих пор считают экономической классикой. Его читают, с ним спорят, его развивают.

Френсис Бэкон (1561–1626), выдающийся философ и основатель методологии опытной науки, разделил истины на божественные и научные и провозгласил: «Знание — сила». Однако он имел в виду, прежде всего, естественные науки. Именно Бэкон высказал идею создания научных организаций двух типов: сообщества учёных, создающих новое знание (академий наук, говоря нынешним языком), и тех, в которых полученные знания используют для создания технических новшеств, облегчения труда — в практических целях. Такие организации были созданы и сыграли в XX веке огромную роль.

В XIX веке Маркс и Энгельс сделали следующий шаг — они подняли социальные и гуманитарные науки на уровень, где те оказались способны служить инструментом преобразования общества. Именно такую задачу перед общественными науками и ставил Карл Маркса в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным способом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить его*».

Великая Октябрьская Социалистическая Революция показала, что марксистская теория, развитая Лениным в приложении к новым историческим условиям, таким инструментом является.

Антикоммунизм и антисоветизм сейчас являются идеологией правящей элиты. А как может быть иначе в стране с олигархическим капитализмом и дополняющей экономикой, обслуживающей потребности стран-лидеров и направляемой ими (в большинстве выступлений последнего и предыдущих выступлений Санкт-Петербургского экономического форума об этом говорится явно)?

С легкой руки Никиты Михалкова сейчас принято идеализировать дореволюционное прошлое («…как упоительны в России вечера»). Однако для большинства населения реальность была совсем иной, им было не до «хруста французской булки». Всемирно известный русский экономист Н. Д. Кондратьев (открытые им «кондратьевские циклы» до сих пор активно используются экономической наукой и позволяют очень многое предвидеть), один из авторов плана первой пятилетки так характеризует эту реальность накануне Первой мировой войны[5]: «Благодаря своей бедности, хозяйственной и духовной отсталости, русский человек потреблял до войны очень незначительное количество различных продуктов по сравнению с развитыми европейскими странами. Это ясно из следующих цифр о среднем потреблении русским человеком в 1904 г. (*Таблица 1*).

Эти цифры определённо говорят о действительно нищенском потреблении предметов русским человеком. Столь же незначительно было его потребление других предметов. Так, потребление мыла равнялось в среднем 4,8 фунта, керосина — 14 фунта, свечей — 0,3 фунта, спичек — 2,29 на человека».

Такое низкое потребление разных предметов показывает, что, в сущности, русский человек едва удовлетворял самые неотложные человеческие нужды… Русская экономическая жизнь не давала нашему обществу никакой возможности для большой «роскоши».

Марксизм, применённый к российским реалиям, позволил найти ключ, чтобы выйти из исторического тупика. Партия большевиков во главе с Лениным воспользовалась этим ключом и решила острейшие проблемы, стоявшие перед страной.

[5] Цитирую по упомянутой книге С. Кремлёва, с. 9.

Платон мечтал о государстве, которым бы правили философы. Ирония истории — в первом Совете народных комиссаров именно выдающиеся теоретики, учёные, философы задавали тон. Председатель — выдающийся экономист и философ В.И. Ленин, нарком военный, морской и путей сообщения — теоретик марксизма и публицист Л.Д. Троцкий; нарком просвещения — блестящий культуролог, впоследствии академик АН СССР и директор Института литературы А.В. Луначарский. Нарком по делам национальностей и впоследствии один из главных политиков XX века — И.В. Сталин был, безусловно, говоря нынешним языком, глубоким социологом и политологом. Автор проекта ГОЭРЛО и создатель Госплана, опередившего время, — выдающийся инженер и организатор Г.М. Кржижановский. Эти люди и их соратники, строившие советскую цивилизацию, опирались на науку, доверяли учёным, ставили перед ними задачи и самым активным образом использовали научные и технические достижения. Они исходили не из субъективных представлений и желания понравиться Западу, а из потребностей экономики. Это и заставило решать целый круг задач, связанных с наукой: от организации фундаментальных и прикладных исследований мирового уровня и подготовки кадров, «которые решают всё», до блестящих опытно-конструкторских разработок.

В своё время ЦК КПК создало комиссию по изучению истории XX века. И одной из двух ключевых задач, поставленных перед китайскими исследователями, было разобраться, как Россия, в которой в 1913 году 80% населения были неграмотными, смогла за несколько десятилетий создать науку мирового уровня. Очевидно, исторические уроки пошли впрок, и сейчас китайская наука является мировым лидером, немногим уступая американской, а российская по основным количественным показателям находится в конце второго десятка…

Глубокая связь между упоминавшимся тезисом о Фейербахе и императивом советской цивилизации прослежена в статье Сергея Черняховского: «Цивилизация России до 1917 года была цивилизацией, признающей мир таким, каков он есть, и не требующей его сущностного изменения. Это была **Цивилизация Постоянства**.

Цивилизация Советской России/СССР была цивилизацией, в которой мир воспринимался как несовершенный и подлежащий сущностному изменению. Это была **Цивилизация Прорыва**, начала и алгоритмы которой существовали и на прежних этапах развития…

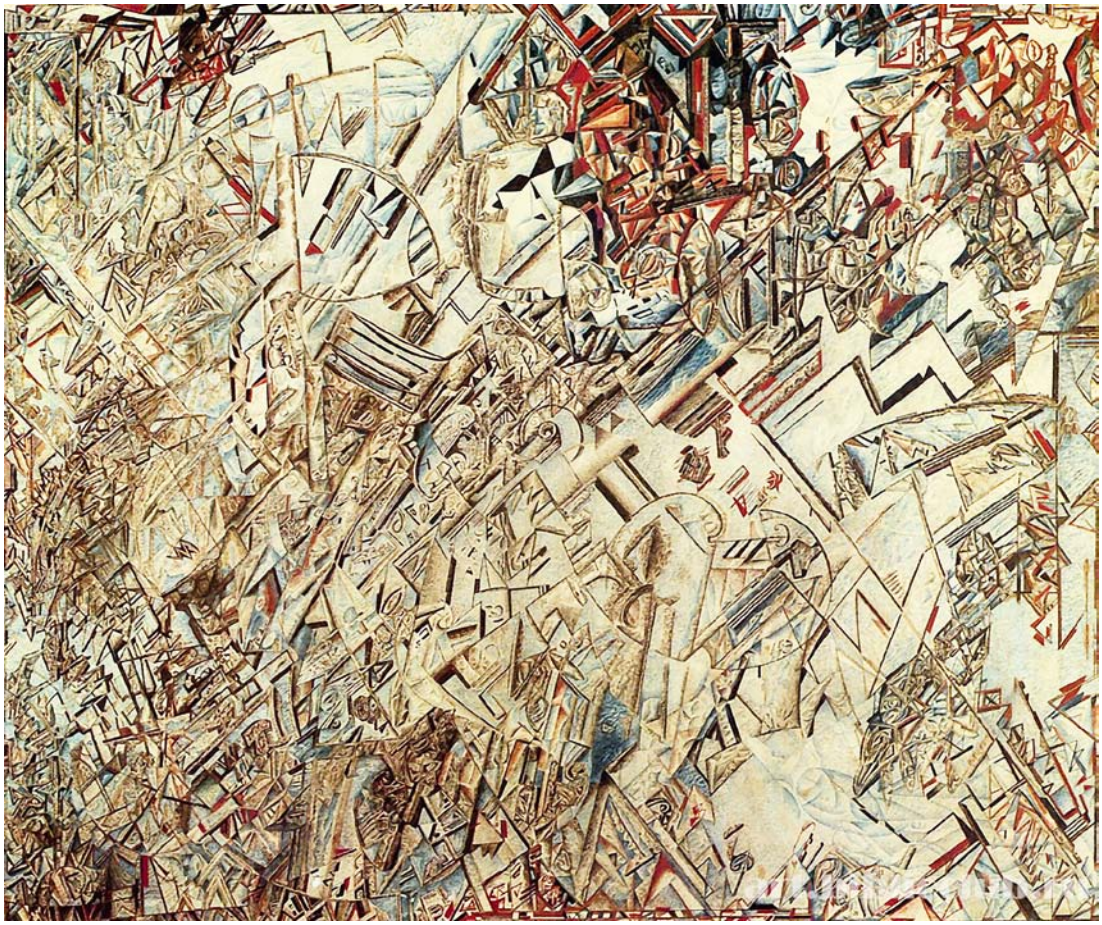
Более того, есть все основания полагать, что в наступающую эпоху себя сохранить сможет только тот народ и та страна, которая сам **Прорыв превратит в Постоянство** — то есть само состояние Прорыва и Порыва сделает константой своего развития. Разумеется, это произойдёт только в том случае, если мы окажемся способны в Прорыве сохранить тот исторический и ценностный фундамент, на который опирается этот Прорыв…»[6].

Очевидно, отношение к науке в этих цивилизациях принципиально различно. В Цивилизации Прорыва развитие науки является насущной необходимостью. В Цивилизации Постоянства, напротив, открытие нового, расширение поля возможностей нежелательно, а иногда и просто опасно.

К сожалению, Российская Федерация во многих отношениях остановлена. Согласно официальным данным, по уровню экономического развития она вышла лишь на 95% от уровня РСФСР. Почти 30 лет для развития хозяйства страны потеряно. Правительство страны с трепетом следит за ценами на нефть и газ, дающими более 40% поступлений в бюджет. Цены эти определяются мировым рынком, а последний — потребностями стран-лидеров, которые и стремится удовлетворить сегодняшняя Россия.

Разгромлены или отброшены назад на много лет многие отрасли обрабатывающей промышленности, резко понижен уровень образования. Очень показателен в этом плане разгром отечественной науки, оказавшейся в положении «чемодана без ручки»: и бросить жалко, и нести трудно, и непонятно зачем. И это неудивительно. Сравним состав нынешнего правительства с составом ленинского Совнаркома. Вы читали труды Дворковича, Чубайса, Шувалова, Голодец? Я, к сожалению, нет. Из какой экономической и социальной теории эти люди исходят? Куда они хотят привести Россию? Нас успокаивали, что это «эффективные менеджеры». Но, судя по результатам проведённых реформ, эффективные менеджеры совсем не эффективны. Развитие страны блокировано. Но, может быть, в этом и состоит цель этих людей?!

[6] Черняховский С. Россия: цели и смыслы // Изборский клуб, 2017, № 3 (49), с. 51, 52.



Поражает отсутствие обратной связи между деятельностью госаппарата и жизнью населения. Это очень наглядно показывает прямая линия с президентом. Миллион с лишним вопросов, которые раньше решали райсоветы… И ведь губернаторы сразу вспоминают о сирых и убогих, а также о том, что деньги для этих людей были переведены, и в течение считаных часов выезжают на место… Мы продолжаем играть в знакомую игру «хороший царь — плохие бояре» с «ручным управлением».

Российская власть находится в точке бифуркации. Капитализм, на который рассчитывали, в нашей страны не получился. Мы теряем историческое время. Признать это олигархической элите, отрицающей выбор Октября 1917 года и советскую цивилизацию, трудно. Вместе с тем власти сегодня приходится опираться именно на советские смыслы, ценности, достижения, людей, потому что больше не на что. Придётся выбирать между развитием страны и стабильностью олигархата. И лучше это сделать быстрее, не доводя до революции.

МИРОВОЙ МАСШТАБ ОКТЯБРЯ

Как такого рода идеалы осуществляются, как они каким-то чудесным образом появляются в этом, вечно флюктуирующем хаосе действительности, — в том-то и состоит мировая история, этому она и учит нас, если вообще чему-нибудь учит.

Карлейль Т.
Французская революция. История. 1837 год.

Теоретической основой многих решений, принимавшихся большевиками в октябре 1917 года, была ленинская брошюра «Империализм как высшая стадия капитализма», написанная в январе–июне 1916 года. Перечитывая эту работу, осознаёшь, как медленно мелют жернова истории и насколько ленинская оценка положения дел в мире 1916 года соответствует происходящему более чем сто лет спустя, в 2017 году. Здесь стоит привести несколько цитат[7]: «Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная

[7] Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Избранные произведения в 4т., т. 2. — М.: Политиздат, 1984, с. 4, 35, 51, 76.

конкуренция, демократия — все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И делёж этой «добычи» происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооружёнными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю». И сейчас США, объявляющие весь мир зоной своих жизненных интересов, принявшие концепцию быстрого глобального удара, играют на обострение, ведут дело к мировой войне с целью сохранить и упрочить своё доминирующее положение в мире.

«Итак, XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала… Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собой, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привёл и к *прямому* разделу мира». И эта тенденция продолжает усиливаться! Валовый глобальный продукт сейчас около $80 трлн, а объём финансовых инструментов, которые, казалось бы, должны обслуживать реальную экономику, превысил $1200 трлн. «Хвост» мировых финансов давно и уверенно виляет «собакой» производства, создавая угрозу глобального кризиса, вероятным выходом из которого может стать мировая война.

И наконец: «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее экономическая возможность искусственно задержать технический прогресс». Другими словами, в империализме, в мире транснациональных корпораций (ТНК) зашит механизм «самоторможения», стремления сохранить и упрочить текущее положение дел.

Это наглядно подтверждает рост мультифакторной производительности (труда и капитала) в ведущей капиталистической стране — США. В 1958–1968 году этот рост составил около 2,5% в год, что позволило вывести «золотой миллиард» на уровень потребления, существенно превосходящий тот, что есть у остального мира. Этот рост обеспечили три взрывных инновации: массовое внедрение конвейера в невоенные производства, новые материалы (химия), а также массовое использование двигателя внутреннего сгорания (и связанная с этим автомобилизация населения). Затем этот показатель упал до 1%, а в 2010–2015 гг. — до 0,5%[8]. Другими словами, не только российская, но и вся мировая экономика находится в кризисе производительности.

Масс-медиа (СМИ) и интернет сделали уровень неравенства разных стран и регионов наглядным и очевидным. И примерно 5 миллиардов человек хотели бы потреблять сегодня так, как люди в развитых странах Запада.

И здесь мы тоже находимся в точке бифуркации. Одна траектория связана с прорывными, экономически значимыми инновациями, позволяющими поднять уровень жизни большинства населения Земли. Другая — с мировой войной, которая отбросит проигравших на много десятилетий, а то и веков, назад.

Это тяжёлая альтернатива, схожая с той, которая стояла перед человечеством век назад. Тогда выходом оказалась Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Она показала другой вариант жизнеустройства, в котором на место жёсткой капиталистической конкуренции «войны всех против всех» были поставлены кооперация, солидарность, взаимная поддержка, самоорганизация нового типа. Эта альтернатива капитализму оказалась удивительно привлекательной для сотен миллионов людей. За Великим Октябрём последовали другие революции под социалистическими лозунгами на разных континентах. Возникла мировая система социализма. В 1980-х годах в стра-нах, которые шли по социалистическому пути, жило более 2 млрд человек.

Понятие «мировая война» определяется масштабом: числом стран, вовлечённых в неё, их общим населением, размахом боевых действий.

Если с той же меркой подходить к Октябрю, то следует говорить о *Мировой социалистической революции*, продолжавшейся несколько десятилетий XX века и кардинально изменившей облик мира, а также его перспективу. Этот прорыв в будущее, расширивший пространство возможностей человечества, сыграет огромную роль и в XXI веке.

[8] Гурова Т., Полунин Ю. Наступление «синих воротничков» // Эксперт. 2017. № 3, с. 17–22.

Главный результат Октября — советская цивилизация. Выдающийся экономист, один из авторов теории постиндустриального общества Дж. Гэлбрейт, посетив СССР, написал: «Здесь создан прообраз общества будущего, к которому человечество, увы, ещё не готово». Он прав — именно Будущее давало силу нашей стране и всем, кто пошёл по пути Октября. К настоящему времени дано множество полярных оценок Октябрьской революции и уроков советского строя.

Но мне кажется, что наиболее точен замечательный социолог С.Г. Кара-Мурза, отвечая на вопрос о главном уроке советского строя, сказавший: «Прежде всего, он показал на опыте, что можно устроить жизнь большого и сложного общества на принципах солидарности, а не конкуренции. Раньше это было лишь утопией, мечтой. Второй урок: можно устроить совместную жизнь народов без эксплуатации и угнетения одного народа другим. И такой строй позволяет создать мощное хозяйство и государство, способные в тяжелейших противостояниях XX века надежно охранить народ и культуру, не утратить суверенитета над важнейшими системами жизнеобеспечения страны (банками, промышленностью, природными ресурсами). Третий урок: при таком строе можно так вести хозяйство, что ещё при сравнительно невысоком уровне индустриального развития можно обеспечить народу приличный уровень потребления и устранить массовую бедность, социальные причины массовой преступности и тяжёлые социальные болезни.

Эти уроки уже не стереть ничем и из памяти человечества не вытравить! Мир после Великого Октября и последующего опыта СССР стал иным. Эти уроки непременно должны быть учтены в будущем»[9].

Мировой опыт показывает, что за многими революциями вскоре следовал откат, контрреволюция. При этом общество оказывалось отброшено назад, к тем же проблемам, которые решали происходившие социальные преобразования. И если мы говорим о Мировой социалистической революции, то нынешнее поражение мирового коммунистического проекта следует трактовать как Мировую капиталистическую контрреволюцию конца XX века.

Причины, движущие силы и следствия этой контрреволюции активно исследуются и требуют отдельного обсуждения. Тем не менее отдельные соображения следует высказать сейчас.

Пропагандируемая сейчас мысль, что «неэффективная плановая экономика» проиграла в «экономическом соревновании» эффективной рыночной экономике», не выдерживает критики.

Когда Горбачёв ломал плановую советскую систему, валовой национальный продукт рос на 3,5% в год. Финансово-экономический блок нынешнего правительства России, который уже много лет никак не может «нащупать дно кризиса», об этом мо-жет только мечтать.

Кроме того, СССР развивал самостоятельную экономику. Российская Федерация — дополняющую. Приведём только один пример, показывающий эту разницу. Люди старшего поколения постоянно удивляются поразительно высоким ценам на российские лекарства и медицинское обслуживание. Причина этого проста — большая часть того, что сейчас продаётся в российских аптеках, является импортом (или фальсификатом). Отечественная фармацевтика была уничтожена правительством Ельцина—Гайдара ещё в начале 1990-х. Импорт, «откаты», продажа населению лекарств втридорога несколько десятилетий служили прекрасным источником дохода для определённой группы лиц. Ещё 5 лет назад из списка жизненно важных лекарственных средств (ЖВЛС), без которых определённые категории больных начинают умирать, где числится более 500 наименований, в России выпускалось всего несколько. Вопрос о лекарственной безопасности РФ начали ставить только в последние годы, при этом решать его в нынешних условиях оказалось очень трудно.

В СССР было иначе: «Возьмем антибиотики. Передо мной тюбик глазной мази из тетрациклина, тонкая штучка, из последних партий советского продукта. Цена 9 коп. Как-то за границей пришлось мне купить такой же тюбик — 4 доллара. СССР производил товар с розничной ценой по официальному курсу в 400 раз, а по курсу чёрного рынка — в 4000 раз дешевле, чем на Западе. Если бы он мог выбросить на рынок этот товар, пусть по 2 доллара, то разорил бы всех конкурентов, а на полученную огромную прибыль мог бы расширить производство настолько, что обеспечил бы тетрациклином весь мир»[10]. Почувствуйте разницу. Впрочем, в нынешнюю эпоху санкций и военных угроз

[9] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация // Советская Россия, 2001, № 132 (12177), с. 4.

[10] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). (Серия: История России. Современный взгляд). — М.: Алгоритм, 2001, — С. 372.

говорить о мировом рынке, конкуренции и свободной торговле наивно.

Основные причины капиталистической контрреволюции в России — не экономические. Если XIX век был столетием *геополитики*, а основная часть XX определялась *геоэкономикой*, то в его конце началась эпоха *геокультуры*. Ареной противостояния цивилизаций стали смыслы, ценности, образы будущего, ожидания, ориентация элит. В СССР это было осознано слишком поздно.

Дарвиновская теория в стиле XIX века делала акцент на внутривидовой и межвидовой конкуренции. Однако в настоящее время понятно, что в природе не менее важны взаимозависимость, сотрудничество, симбиоз. Ещё в большей степени это относится к обществу. Крайне важно, чтобы в нём было большое пространство доверия людей друг к другу. Особенно остро люди осознают важность солидарности в периоды войн, катастроф, кризисов. В это время в одиночку не выжить.

Великая Октябрьская революция была связана с Первой мировой войной. Многие другие — со Второй. Именно в это время настроение общества определяли идеи коллективизма, солидарности, соборности. Именно на этом пути в эпоху социалистического строительства решалась задача воспитания нового человека, ориентированного на творчество, а не на потребление; на будущее, а не на прошлое; на преображение, а не на постоянство.

При этом очень важно было сохранить духовную связь и взаимопонимание между поколениями, не разменять силу коллективистского «Мы» на слабость множества эгоистичных «Я». Эту важнейшую задачу в полной мере не успели осознать и решить в Советском Союзе. Именно это и стало причиной контрреволюции.

Выдающийся американский психолог Эрик Бёрн выделил в структуре каждой личности три уровня: ребёнка, родителя и взрослого. Ребёнок полагает, что есть старший, которого надо слушаться, который может наказать, но обязательно защитит. Родитель следует традиции и стремится дать своим детям именно то, что его родители дали ему. Взрослый ясно осознаёт, что в сфере своей ответственности именно он отвечает за результаты своих действий, за победы и поражения. Ему понятно, что мир изменился и делать в точности то, что родители, не стоит, — надо осмысливать новую реальность и новые вызовы.

Именно «дети», «нищие духом», готовы продать право первородства за чечевичную похлебку. Будущее, творчество, великую страну — за право свободно болтать или легко ездить за границу, успокаивая себя тем, что «от нас ничего не зависит».

В СССР не нашлось критической массы взрослых ответственных людей, которые сумели бы отстоять завоевания Октября.

Впрочем, в годы бед и испытаний многие люди быстро взрослеют, хотя, конечно, цена этой взрослой науки может быть очень высокой.

НА ПОРОГЕ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В последний раз — опомнись старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира.

А. Блок «Скифы» (1918)

От карпатских долин до Памира
Мы идём по дорогам крутым.
Коммунизм — это молодость мира.
И его возводить молодым!

Ю. Визбор «Марш строителей» (1959)

Кратко и точно итог Великого Октября и его место в истории сформулировал С.Г. Кара-Мурза: «Нынешнее состояние России — лишь эпизод нашей Смуты, совмещённой с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда» за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы как кость в горле. Уже в первой своей ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных **возможна**. Возможно и человечество, устроенное, как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения»[11].

Прошедшее с 1917 года столетие не привело к решению стоявших тогда проблем. Оно обострило их и поставило новые. Мир — вновь в точке бифуркации перед реальной перспективой новой мировой войны и мировой революции.

В «Империализме как высшей стадии капитализма» Ленин констатировал неравномерность развития крупных капиталистических государств. Нелинейная наука позволяет объяснить и смоделировать такую динамику. Следствие последней — борьба между старыми и новыми центрами силы, на которую обречён капитализм, борьба за ресурсы и сферы влияния. На наших глазах сколачиваются новые военные блоки, под разговоры о мире и безопасности заключаются союзы (как это бывает перед мировыми войнами). Многие страны форсируют программы перевооружения своих армий, начался новый виток гонки вооружений, связанный с новым поколением высоких технологий. Капиталистические хищники, говоря словами Ленина, пробуют силы в локальных конфликтах.

Больше четверти века назад лидеры ведущих стран приняли стратегию устойчивого (самоподдерживающегося) развития, выдвинутую премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтландт. В этой стратегии указывается, что причиной и следствием большинства глобальных проблем является острое региональное, социальное и иное неравенство и что его уменьшение является насущной задачей человечества. С этим все согласны, однако благие пожелания остались на бумаге. Да и как может быть иначе, если это неравенство является движущей силой и важнейшим механизмом самого капиталистического мироустройства?

В сравнении с 1917 годом ситуация существенно ухудшилась, многие невосполнимые природные ресурсы близки к исчерпанию. По оценкам экспертов, если весь мир начнёт потреблять ресурсы по стандартам нынешней Калифорнии, то многих ключевых минеральных ресурсов при нынешних технологиях хватит на срок от 2,5 до 4 лет. Предел совсем близко.

Вместе с тем в погоне за экономическим ростом современный капитализм со-здал цивилизацию быстро выходящих из строя товаров и продуктов — «цивилизацию одноразовых стаканчиков».

Появилась престижная профессия «гарантийщика» — специалиста, обеспечивающего выход изделия из строя вскоре после окончания гарантийного срока, чтобы после покупатель был должен оплачивать дорогостоящий ремонт или покупать новую модель. При этом уже существуют технологии, позволяющие создавать автомобили, рассчитанные на 40–50 лет эксплуатации и пробег более 1 миллиона километров, дома и корабли, которые могут прослужить больше века.

Однако в рамках нынешнего капиталистического мироустройства внедрение таких технологий блокируется или тормозится как «экономически неоправданное». Эта «целесообразность» сплошь и рядом противоречит морали и здравому смыслу. Например, для врача наиболее выгоден постоянно болеющий миллиардер, и все усилия должны быть направлены на то, чтобы лечить его, не вылечивая.

Известный российский футуролог Сергей Переслегин построил теорию кризиса индустриальной фазы развития, охватывающего

[11] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). (Серия: История России. Современный взгляд). — М.: Алгоритм, 2001. — С. 6.

экономику, управление, образование и науку[12]. Этот кризис сравним по глубине, масштабу и остроте проблем с тем, который привёл к катастрофе Античного мира (жёсткая бифуркация) или переходу от феодализма к капитализму (мягкий вариант).

Исходя из других посылок к тем же выводам приходит известный российский историк Андрей Фурсов. По его мысли, тремя главными проблемами XXI века будут:

— демографический кризис, связанный с антропогенной перегрузкой биосферы (масса созданной человечеством техносферы уже в 30 раз превысила массу биосферы);
— глобальная криминализация (механизмы социального контроля капиталистического общества работают всё хуже, мировая волна террора нарастает);
— откат от собственно человеческих форм организации общества к более примитивным зоосоциальным[13].

При этом ситуация в XXI веке может оказаться совсем не такой, как в двадцатом. В соперничестве мировой социалистической и капиталистической системы решался спор между Будущим и Настоящим, между развитием и стабилизацией, вечным повторением. И Будущее потерпело поражение. Однако сейчас на арену вышло Прошлое. Пока Прошлое выступает в облике запрещённого в России «Исламского государства» (ДАИШ — арабская аббревиатура ИГИЛ). Его идеология связана с древними пророчествами о наступлении «последних времён», «конца света» и предстоящей битве между силами «нового Рима» (цивилизации Запада) и «нового Халифата».

По мнению ведущего российского эксперта Шамиля Султанова, занимающегося исламом, «в рамках идеологии ДАИШ — это отнюдь не государство в западном понимании. Халифат есть политическое воплощение уммы как принципиально новой социальной реальности. Поэтому, с одной стороны, такая идеология придаёт реальный смысл жизни для мусульманской личности, оказывает и будет оказывать возрастающее влияние на миллионы, прежде всего, молодых людей в арабском мире»[14]. Сегодня у Прошлого есть и новейшие информационные технологии, и разветвлённая сетевая организация, массовая поддержка населения ряда арабских стран, большие финансовые и материальные ресурсы под контролем…

В отличие от Октября 1917 года, у Будущего сегодня нет целостной ясной идеологии, пассионарности и пафоса строительства нового мира, который вдохновлял и объединял сотни миллионов людей во всём мире. Это большая проблема, которую надо решать, чтобы будущее состоялось… Думаю, что путь в будущее человечеству не заказан, и эта проблема будет решена.

Равновесие нарушено, вероятность мировых войн и революций быстро растёт. Мир ждут большие перемены. И уроки Октября здесь могут очень пригодиться.

В полной мере это относится и к России, в которой тоже возможны революционные перемены.

В самом деле, в обществе растет осознание того, что капиталистическая контрреволюция 1991 года завела страну в экономический, социальный и технологический тупик. Развитие блокировано, отставание России от стран-лидеров, для которых мы являемся сырьевым придатком, растёт. Это весьма опасно. Что мы строим? Куда идём? Где предполагаем быть через 30 лет? Правящая элита не отвечает на эти вопросы. Перефразируя Ф.М. Достоевского, можно сказать, что если будущего нет, то сегодня всё позволено. Такая ситуация повышает вероятность импорта «цветных революций».

По-видимому, капитализм и Россия в XXI веке — две вещи несовместные. Придётся выбирать между распадом страны на враждующие капиталистические бантустаны, конкурирующие за право поставлять сырьё «хозяевам», и социалистической Россией, шансы которой отстоять интересы своего народа и начать развиваться гораздо выше. К сожалению, правящая элита, судя по всему, не утратила иллюзий, что «можно договориться с Западом». Несмотря на санкции, руководителям страны до сих пор трудно осознать, что с Россией в её нынешнем состоянии всерьёз, на равных никто договариваться не будет.

Провозглашённая В.В. Путиным программа «национализации элиты» и «возврата капиталов» не удалась. Покойный Збигнев Бжезинский обращал внимание на то, что $ 500 млрд российской элиты лежат в западных банках,

[12] Переслегин С., Переслегина Е. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества — М.: Алгоритм, 2015. — 480 с. — (Каким будет мир).

[13] Фурсов А.К. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 499 с.

[14] Султанов Ш. ДАИШ — стратегический вызов западной цивилизации // Изборский клуб. 2015, № 11–12 (35-36). С. 61.

и советовал разобраться, наша это элита или уже не наша. Пока разобраться не удалось, но в её «прозападной» ориентации сомнений нет.

У Октября 1917 года есть ещё один важный урок для правящей элиты. Николай II накануне отречения жаловался на то, что всюду трусость, подлость, измена. В большой степени это было следствием его же кадровой политики, в которой субъективные предпочтения, личная преданность и представление о «своих» превалировали над профессионализмом, морально-волевыми качествами и готовностью служить государству Российскому.

Нынешняя администрация, судя по её кадровым решениям и «посадкам» вороватых губернаторов, исходит из представления, что любой «эффективный менеджер», независимо от профессиональной подготовки и его человеческих качеств, при надлежащем контроле справится с делом госуправления. Не Иванов — так Петров, не Петров — так Сидоров, незаменимых нет. В «Эксперте», фактическом официозе, в статье, посвящённой прямой линии с В.В. Путиным, есть такой пассаж: «Уходит пустая зависть, приходит требование возможностей для собственного обогащения за достойный труд. Не такая большая проблема — в дворце чиновника, проблема — если в этом дворце не хотят работать»[15].

Иными словами, всё опустилось до уровня петровских времён: не важно, что вор, лишь бы на державу работал.

В России так никогда не получалось. И петровские реформы шли трудно, и его приближённые после смерти царя постарались поскорее забыть их и выхолостить (это подробно исследовал В.О. Ключевский). Справедливость является одной из основ мира России, да и «от трудов праведных не наживёшь палат каменных».

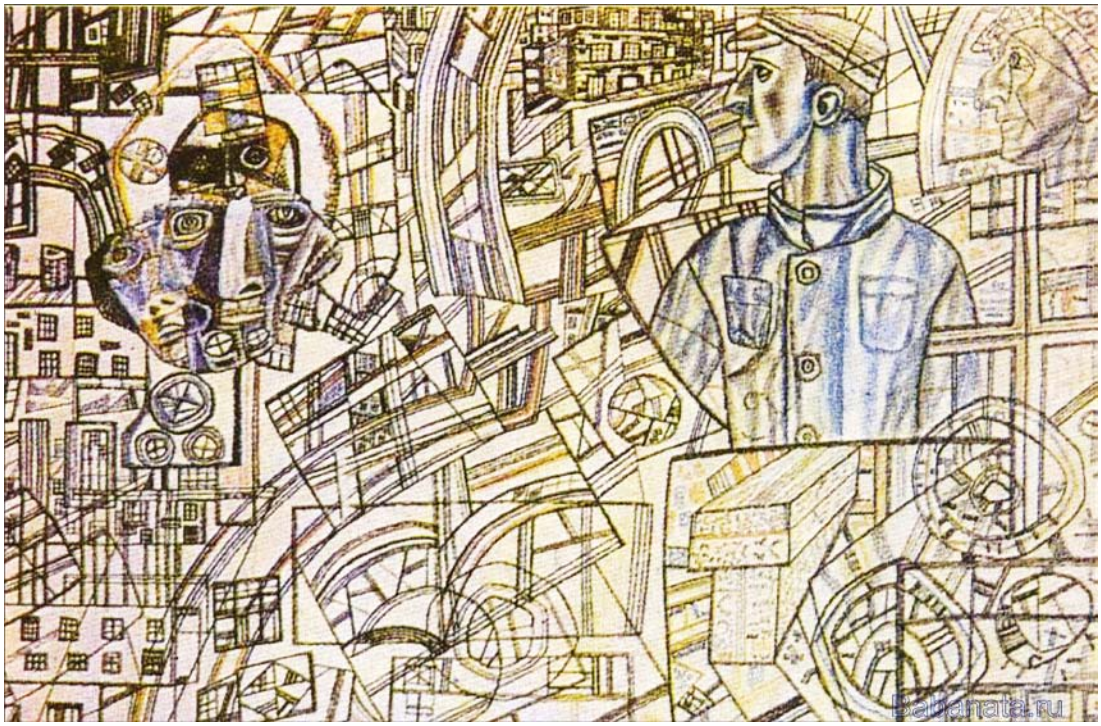
Опыт революций показывает, что в случае революций гнилой госаппарат складывается, как карточный домик и опорой для власти служить не может…

Великая Октябрьская революция показала, что обновление мира возможно, что могут открыться принципиально новые социальные, экономические, духовные перспективы.

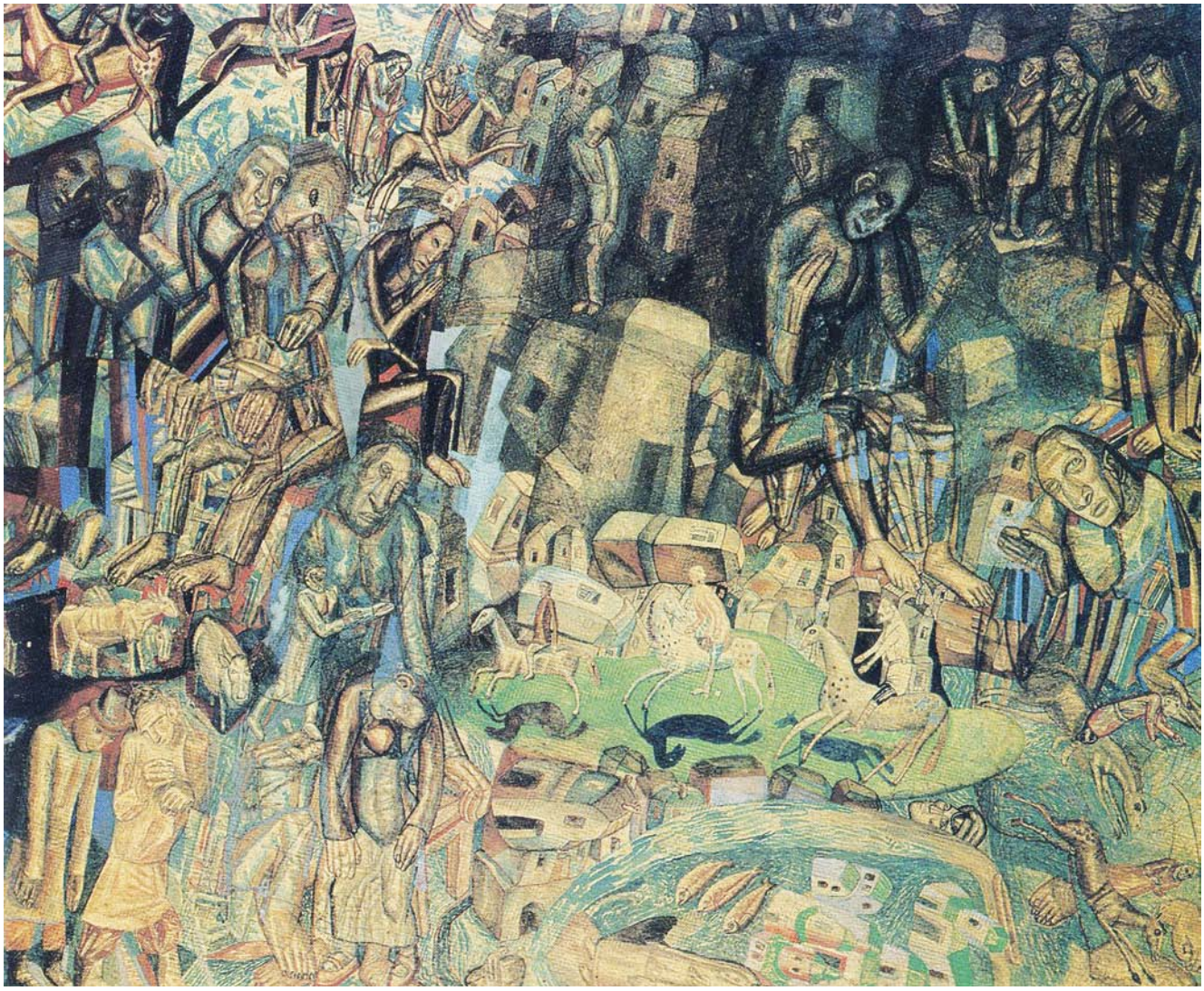
Альберт Эйнштейн как-то заметил, что ни одна проблема не может быть решена на том уровне, на котором поставлена. И с этой точки зрения Октябрь является уроком исторического оптимизма. Он показывает, как можно выйти на следующий уровень, опираясь на лучшее в человеке, на мечту.

Октябрь даёт надежду, что и в XXI веке выход на следующий уровень, преображение, прорыв в Будущее возможны.

Остальное зависит от нас.



[15] Скоробогатый П. Право на диалог со властью // Эксперт, 2017, № 25, с. 20.



/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Красная динамика

Почему большевики оказались более адекватными вызовам своего времени, нежели «Россия, которую мы потеряли»?

Адепты царской России и через четверть века после гибели СССР продолжают звать нас в начало прошлого столетия. К крестным ходам, сохам, облакам ладана, к дворянской разнеженности. Горбатого, как говорится, могила исправит. Мы же зададимся вопросом: а почему Россия династии Романовых не выдержала испытания огнём глобальной войны, а СССР — сумел? И могла ли вообще сохраниться та самая, старая Россия в наступавшем Веке Стали и Скорости?

21 сентября 1914 года. Только-только в Восточной Пруссии погибли армии Самсонова и Ренненкампфа, разгромленные почти вдвое меньшими силами немцев. Надежды Российской империи на быстрое взятие Берлина рассеялись как дым, война начала входить в затяжную, изнурительную фазу.

В тот день последний русский царь Николай II приехал в Ставку Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, в Барановичи. Прямо с перрона монарх отправился… в церковь железнодорожной бригады, где молился очень долго и страстно. И все присутствовавшие высокопоставленные военные — тоже. Ибо боялись показаться монарху недостаточно набожными. Благо соглядатаев хватало.

После молебна, поверхностно осмотрев Ставку, царь пригласил всех к обеду. Когда все обильно поели и вдоволь поболтали, главнокомандующий Николай Николаевич пригласил Николая Второго в штабной вагон, где нач-штаба генерал Янушкевич попытался сделать подробный доклад о положении на фронтах и планах Ставки. Но…

«Император слушал невнимательно, не задавал вопросов. Было видно, что он устал и желает поскорее закончить с официальной частью, чтобы вернуться в свой уютный вагон и отдохнуть. Николай Николаевич подал знак начальнику штаба. До отчёта о причинах поражения войск Северо-Западного фронта так и не дошло…»[1].

До доклада главе государства о причинах катастрофы в Восточной Пруссии дело не дошло и на второй день пребывания царя в Ставке, и на третий тоже. 24 сентября монарх покинул главнокомандующего…

Что было дальше? Возьмём довольно тяжёлый для России 1916 год. 3 апреля, Вербное воскресенье. Царь, к тому времени уже принявший на себя главнокомандование, в суконной рубашке отправляется в церковь.

«Вообще, он очень аккуратно отбывает все великопостные церковные службы. Наше офицерство и генералитет в эти дни, конечно, стали богомольны…» — записывает в свой дневник штабс-капитан Михаил Лемке. Его же запись от 5 мая 1916 г. о происходящем в могилёвской Ставке главковерха: «Церковная служба придворного чина продолжается 1 час 15 мин. Царь не любит концертного пения, и потому при нём поют самое обыкновенное…» Целые часы убиваются на молитвы, пока страну терзают снарядный и винтовочный голод, дезорганизация железнодорожного транспорта, проблемы с продовольственным снабжением городов и фронтов.

Вот вам и причина катастрофы 1917 года. Сравните поведение последнего царя с неукротимой энергией Сталина в 1941 году. Можете ли вы представить себе, чтобы в критический момент Иосиф Виссарионович не занимался бы делами обороны, а часами молился и обедал с высшими чинами страны? С невероятной энергией Сталин выяснял причины поражений, маневрировал силами и средствами, латал прорехи, обращая взор и на фронт, и на тыл сразу. Именно поэтому Сталин закончил взятием Берлина и Вены, а Николай Второй — взрывом своей страны изнутри и гибелью самого себя вместе с семьёй.

Наступивший XX век уже ревел моторами, он пах соляркой, чесночным духом тротила и озоном от электрических искр. Пришла эпоха стремительных и жестоких войн, что велись на пределе возможностей людей и тогдашней техники. Религией этого Жестокого Века становились наука и техника, биенье промышленных сердец, неуёмное стремление к высоте и скорости. Авангардисты молились на бешеное вращение гироскопов, на полёт радиоволн, на рёв переполненных площадей и на мчащиеся автомобили. Фантазии Герберта Уэллса стремительно превращались в реальность: Марс пришёл на Землю. Утончённость Серебряного века совмещалась с воздушными бомбардировками, бесшабашностью лётчиков и газовыми атаками.

А в это время та старая, царская верхушка пыталась вести себя так же неспешно и вальяжно, будто на дворе стоял какой-нибудь 1812 год. С гусарскими ментиками и доломанами, каретами, беспредельно терпеливыми и покорными крестьянами…

Старая Россия, с её благообразными церковными иерархами, помпезными богослужениями и сибаритствующей аристократией, больше думающей о развлечениях, страдающей от безделья и скуки, никак не вписывалась в новое, скоростное время. Русско-японская война была лишь первым шквалом, опасно накренившим одряхлевшую русскую монархию. Дальше прилетел настоящий ураган. Беспощадный и дьявольски сильный.

[1] Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. Под общей редакцией В.П. Маяцкого. — М.: Элакос, 1994, с. 26.

Факт остаётся фактом: «Россия-которуюмы-потеряли» не выдержала сурового экзамена войной. Ни по одной статье. В то время как все остальные: Британская империя и Франция, САСШ, Япония, — экзамен всё-таки сдали. Даже Германия, потерпевшая в итоге поражение, — и та намного лучше смогла мобилизоваться, нежели царская Россия. Причём к глобальной затяжной войне первоначально не был готов никто. Поразительно, но так или иначе все страны смогли собраться, превратившись в военные лагеря и создав свои варианты «военного социализма», за исключением одной — Российской империи. В ней внешне были всё те же органы военной централизации, но привела она к полной дезорганизации жизни страны. Соединившись с коррупцией «элиты» и её безответственностью, царский «военный социализм» привёл к полному краху всего и вся.

Если изучить записки штабс-капитана Михаила Лемке[2], то увидишь, как лениво работал «мозг армии». Запись Лемке от 8 декабря 1915 г., Могилёв. «Оказывается, дежурному офицеру лень было расшифровывать секретные телеграммы, коли их приносили в восемь утра, за час до его смены в девять. Слова дежурного писаря: «Ваше высокоблагородие, можно отправить назад (*в полевую телеграфную контору.* — **М. К.**), сказать, чтобы принесли после девяти, — так всегда делают».

«Вот отношение русского генерального штаба к существу дела. Тут всё налицо».

Запись от 16 января 1916 г. Служебный день в Ставке обычно начинается в 10 часов утра, но все в сборе бывают лишь часом позже. «Служба никого, кроме Алексеева (*начальник Ставки.* — **М. К.**) не утомляет, часами во время занятий разговаривают о совершенно посторонних предметах, преимущественно о повышениях и пр., читают газеты, агентские телеграммы, вообще работают с большим прохладцем…».

В час с четвертью пополудни идут завтракать — причём, как пишет М. Лемке, во всём управлении не остается «ни одного офицера, кроме дежурного по аппаратной внизу, который и не обязан караулить что бы то ни было. В это время можно сделать что хочешь со всем, что не заперто, да и запирается всё довольно примитивно. После завтрака, не оканчивающегося позднее 2 ч. 15 мин., почти все идут по домам…».

В это время начальник Ставки Алексеев вместе со своим заместителем Пустовойтенко идут на прогулку. Снова все офицеры Ставки собираются лишь к четырём-пяти часам дня.

«Опять те же беседы, то же переливание из пустого в порожнее. В 7 ч. 15 мин. (*19 ч. 15 мин.* — **М. К.**) идут на обед, после которого в управление изредка приходят очень немногие и сидят там не позднее 11-ти.

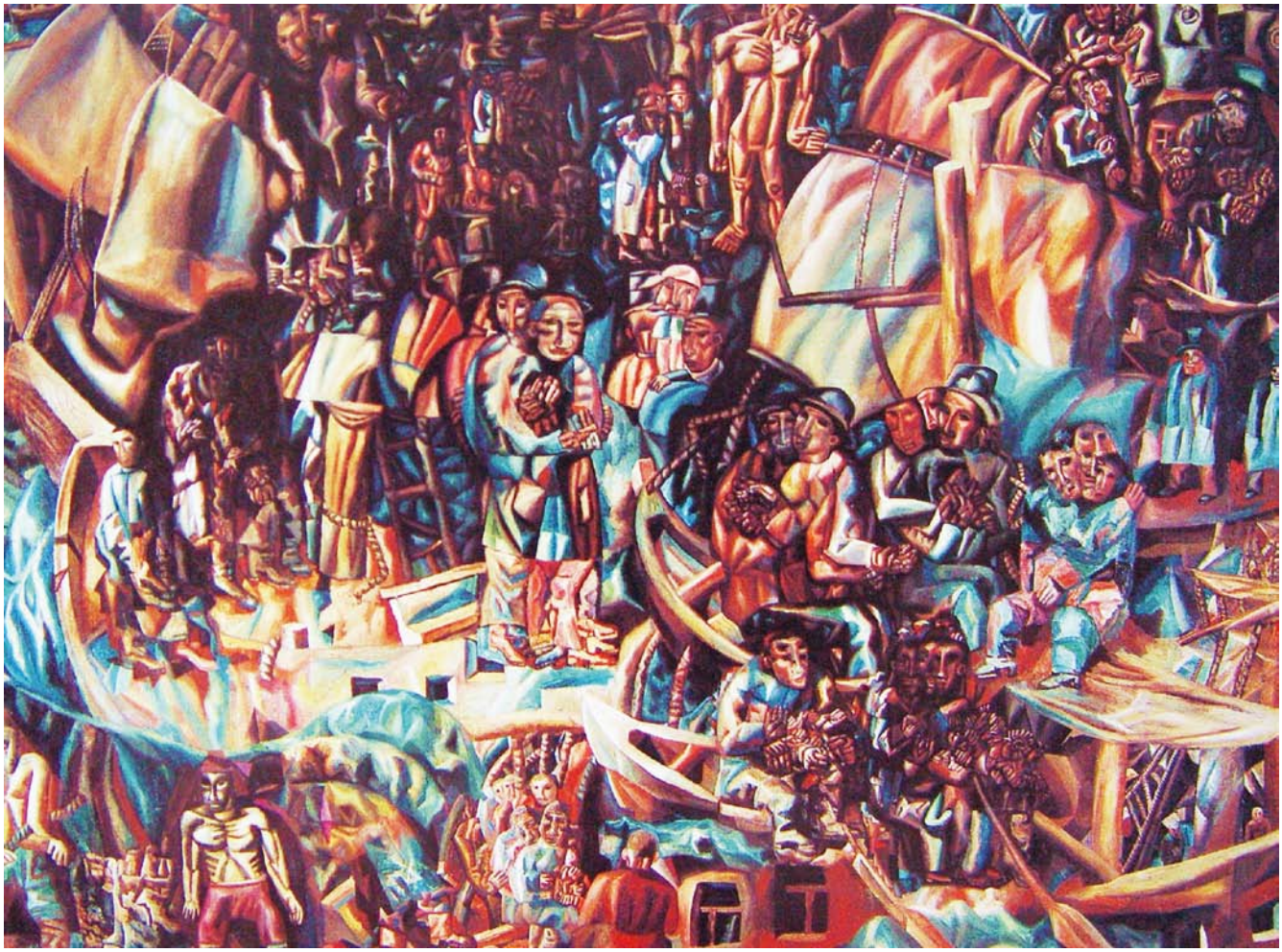
Общая производительность работы поразительно ничтожна, что не мешает, однако, почти всем считать себя — и, главное, искренно — очень занятыми…»

«Штаб-офицеры генерального штаба по очереди дежурят сутки по управлению. Тогда им надо являться к 9 утра и безвыходно находиться (хотя умудряются сбегать в кинематограф, домой и в тёплую компанию) в управлении, отлучаясь на завтрак и обед во дворец или собрание. Всё дежурство, по существу очень ответственное в смысле наблюдения за целостностью документов и пр., на практике сведено к машинальному подписыванию без проверки телеграмм, проверяемых иногда помощниками, и на вручение их Алексееву и ещё кому следует… Вообще, белая кость так устраивается, чтобы во время дежурства иметь одни удовольствия…»

Лемке пишет о безобразном отношении к шифрованию и дешифрованию сообщений. Зато царь (Ставка-то — его, главнокомандующего!) регулярно молится. Резко контрастирует с «работой» штаба Николая II деятельность французского главного штаба, увиденного глазами генерала Жилинского в январе 1916-го. Каждый законченный бой разбирается немедленно, при участии командиров частей и штабов. Выясняются техника боя, ошибки, удачные решения, тактика противника. Ошибки офицеров и генералов, допущенные из-за «преступного по должности незнания» и неспособность, строго караются. Подчас, после разбора операции, их и расстреливают тут же. Неспособные командиры очень быстро меняются на толковых. В итоге Франция к началу 1916 года потеряла пленными 250 тысяч человек, а Россия — два миллиона. Работа штаба идёт с восьми утра до восьми вечера. Офицеры штаба живут не по виллам, а в скромных домиках рядом со службой. «Там боятся уюта, его ретроградности, способности усыплять энергию».

Да, работа царской Ставки очень непохожа на тяжелейший труд сталинского Генштаба (Шапошникова и Штеменко) в пору Великой Отечественной. Там офицеры дневали и но-

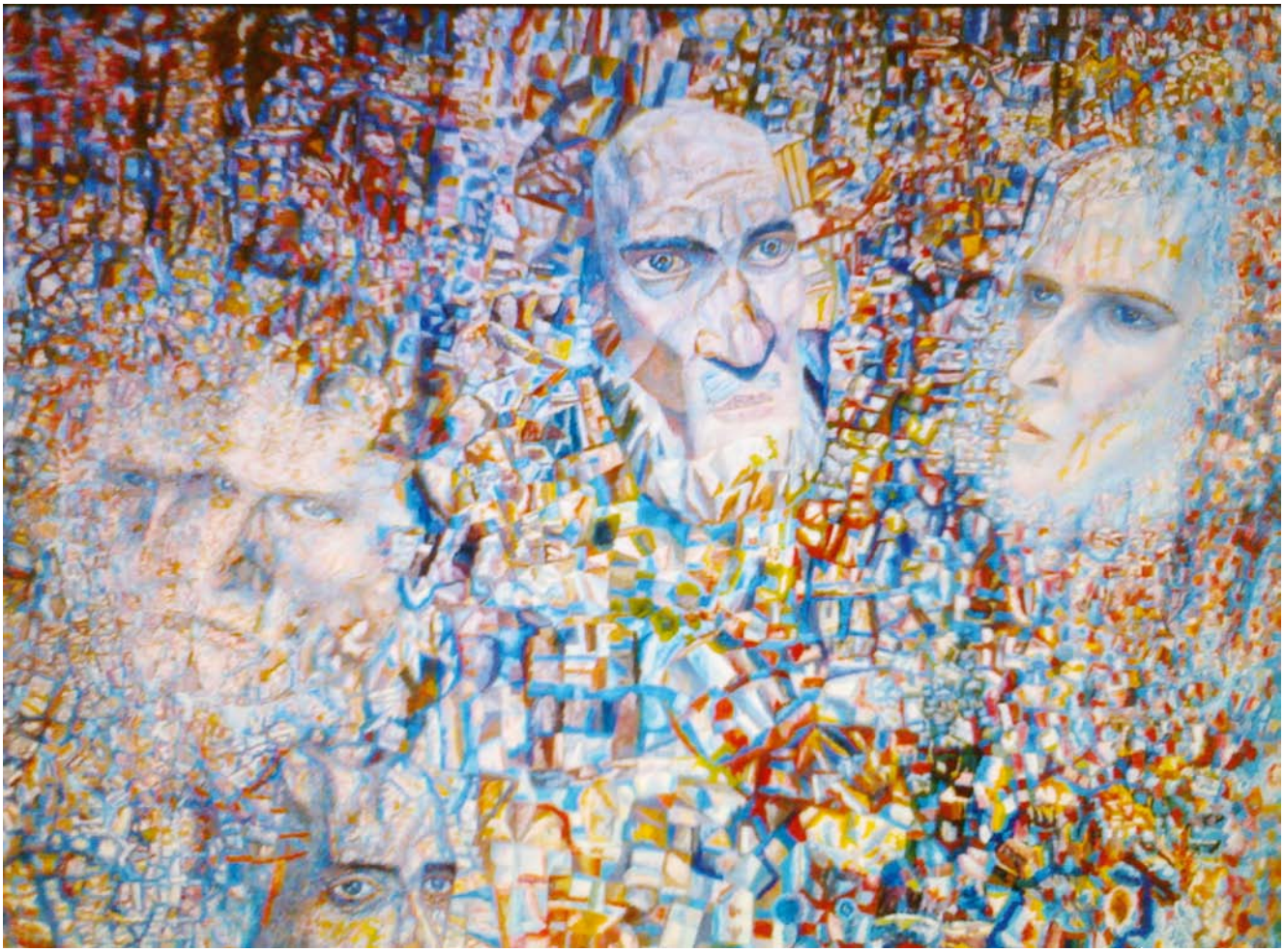
[2] «250 дней в царской Ставке», издание 1920 года.



чевали в своих кабинетах, годами сводя сон к четырём-пяти часам в сутки. Всё было подчинено одному: Победе. Отсюда — и столь разные исходы Первой и Второй мировых войн для нашей страны. Но в общем атмосфера сибаритства и вельможной лени в могилёвской Ставке царя соответствовала той, что царила в верхушке всей Российской империи.

Немудрено, что Российская империя не выдержала испытания войной. О том, как всё буквально рушилось в тылу после августа 1914 года в России, уже исписаны целые тома. Война моментально показала, насколько наша страна тогда отстала в научно-технологическом отношении, насколько ещё неразвита её индустрия. Эта эпоха, от изобретения пулемёта Максима (1883) до появления на исторической арене ядерного оружия (1945), была эпохой массовых машинных войн. Наказание за отсталость страны следовала быстро и неотвратимо. Что для царской России 1914–1917 годов, что для феодальной Абиссинии-Эфиопии 1936 года, что для аграрной Польши в 1939-м. Это не нынешние дни, когда противоборство идёт в сфере экономики, управления, организации жизни — сравнительно не быстро и относительно безопасно.

Красноречивые детали: армия Российской империи мирного времени составляла 1,43 млн человек — против 761 тысячи у Второго рейха и 400 тысяч у Австро-Венгрии. После мобилизации Россия поставила под ружьё 5,338 млн душ — больше, чем немцы и австрияки, вместе взятые. Но зато у немцев были в изобилии пушечные снаряды, которыми они засыпали русских, уничтожая огнём артиллерии целые полки и компенсируя тем самым нехватку своей живой силы. А вот у России снарядов не хватало. Как, впрочем, и винтовок, и патронов к ним. Во время Первой мировой, которую при царе называли Второй Отечественной, русская армия истратила не более 50 миллионов 76-мм снарядов. Допустим, революции не произошло бы и страна воевала до конца, до 1918 года. Всё равно не получалось бы больше 75 млн выстрелов к основному полевому орудию. А вот расход артиллерийских огнеприпасов по другим странам.



Франция: 75-мм выстрелов — 163,63 млн, 155-мм — 28 млн.

Германия: выстрелов всех калибров — 271,43 млн.

Британская империя: снарядов всех калибров — 170,38 млн.

Австро-Венгрия — около 70 млн выстрелов всех калибров[3].

Нам говорят, что у Российской империи к августу 1914 г. была самая сильная авиация — 263 аэроплана. Но это преимущество стремительно утерялось: самолёты-то были импортными. Итак, с августа 1914-го по ноябрь 1918 г. англичане произвели 41 тысячу авиационных моторов (и 55 тысяч аэропланов). Франция выдала «на-гора» 93 тысячи моторов (и 51 тысячу самолётов). Германия построила 41 тысячу «движков» и 46 тысяч летательных аппаратов тяжелее воздуха. Россия же в 1914–1917 гг. — всего лишь 1,5 тысячи моторов и 5607 самолётов. Даже если допустить, что никакой революции в 1917-м не случилось и Россия смогла произвести 3 тысячи моторов и 10 тысяч аэропланов, — всё равно она выглядит как полный аутсайдер. За первые три года войны Германия построила самолётов в 16 раз больше, чем Российская империя. При этом аэропланы и моторы России отставали от западных. Так, к 1917 г. основной немецкий истребитель «Альбатрос» развивал скорость до 165 км/час, австрийский «Ганза-Бранденбург» — 187 км/час. Новейшие французские аэропланы «СПАД» — до 190–200 км/час. А русские машины того же периода (завод Лебедева) — максимум 135 км/час. Русское двигателестроение в 1917 г. покрывало лишь 36% потребностей собственного невеликого авиастроения.

Россия даже по объёмам промышленного производства отставала от США, Англии, Германии и Франции. Её доля в совокупном промышленном производстве пяти держав составляла всего лишь 4,2%. В мировой экономике в 1913 году доля России — это 1,72%,

[3] А. Уланов, Д. Шеин. Порядок в танковых войсках? — М.: Вече, 2011. — с. 17–19

в то время как доля США — 20%, Англии — 18%, Германии — 9%, Франции — 7,2%.

Нынешние ненавистники СССР, восхваляя старую Россию, норовят всё свести к цифрам производства стали, чугуна, а также добыче угля. Мол, здесь всё росло. Но экономика не сводится только к металлу и углю.

Вот химическая промышленность, архиважная в войне вещь! Но в Российской империи 1913 года сера завозится из Италии, колчедан — из Испании, селитра — из Чили. Нет производства нужных лаков и красок, их приходится импортировать. Удобрений производится в 23 раза меньше, чем в Германии.

Машиностроение? Нет важнейших, ключевых производств — вроде выпуска своих подшипников. За полвека рыночных реформ царизм так и не удосужился решить эту проблему: всё в Европе подшипники покупал. Первый завод по их выпуску в России построят уже большевики, в первую пятилетку. На всё машиностроение в 1913 году — только восемь резьбошлифовальных станков, только 625 автоматов и полуавтоматов.

Энергетика? На 62,7% работы в 1913 году выполняются за счёт мускульной силы животных и людей.

На 24 472 предприятиях имелось всего 24 140 электрических, паровых, дизельных двигателей (со средней мощностью 60 лошадиных сил). Если брать такой важный показатель, как энерговооружённость, то по сей части накануне Первой мировой Россия отставала от США в 10 раз, от Англии — впятеро, от Германии, Бельгии, даже Новой Зеландии — в 4 раза.

Электрификация — ниже плинтуса, за киловатт-час для промышленности хозяева силовых станций драли 18 копеек, с населения — 22 копейки. По тем временам — сумасшедшие деньги. На 15–20 копеек в 1913 году можно было пообедать в тогдашних кафе-чайных, а пара сапог стоила от пяти до шести рублей. При этом большинство энергетических компаний Росимперии-1913 находились в руках иностранцев — они попросту вывозили из страны деньги, что собирали с промышленности и населения. Потребление электричества на душу населения накануне Первой мировой войны в США составляло 185 кВт/час, в Германии — 100 кВт/час, в России — 12 кВт/час. Даже если отбросить прочь Среднюю Азию, всё равно больше 15–16 кВт/час на русскую душу никак не выходило.

История будущего советского академика Г. Графтио весьма примечательна. Дело в том, что ещё в 1909–1911 гг. Генрих Осипович Графтио спроектировал гидроэлектростанцию. Слишком уж «достало» всех засилье частных энергокомпаний, которые снабжали Петербург электричеством. Причём это были паровые электростанции, уголь к коим тоже завозился из-за рубежа. То есть они обдирали столицу Российской империи высокими тарифами — и вывозили прибыли за рубеж. Графтио предложил построить ГЭС на Волхове и запитать с неё Питер, покончив с зависимостью столицы от иностранцев и обеспечив её энергобезопасность. Но его проект провалили на уровне царского правительства: оно с иностранцами ссориться не хотело. А ГЭС на Волхове Графтио начнёт строить в 1919 году по распоряжению Ленина. Более того, он настоит на том, чтобы половину генераторов для станции заказали на «Электросиле» в Петрограде, и только половину — у шведов. При царе-то у шведов динамо-машины брали…

Транспорт? Железные дороги нуждаются в модернизации. 73% магистралей оставались ещё одноколейными, с низкой пропускной способностью. Из-за отсталости железнодорожного транспорта уголь Донбасса не поступал в Центральный промышленный район. Оказывается, выгоднее было завозить уголёк в Центр из Европы. Ввоз импортного угля и кокса за 1910–1913-е годы вырос почти вдвое. Привозное топливо стало вытеснять уголь Донбасса. Многие шахты там накануне Первой мировой стали сокращать добычу из-за трудностей с вывозом продукции.

В 1913 году Россия купила за границей 8,7 миллиона тонн каменного угля (при своей добыче всего-навсего в 31 млн т). Для справки: Германия — это 190 млн т каменного угля в 1913 году, Франция — 40 млн т, Англия — 287 млн т.

Кстати, однопутность, незавершённость железных дорог царской России сыграет роковую роль в ходе Первой мировой. К огромному фронту боевых действий от Чёрного моря до Балтики из России вело только 13 магистралей, двухпутных из них — всего пять. Зато по территориям Германии, Австро-Венгрии и Румынии к русскому фронту шли 32 магистрали, из них 14 — двухпутные. Поэтому русские могли двигать к фронту 211 поездов в сутки, а их враги — 530!

Общий тоннаж торгового флота России образца 1913 года — всего 1% от мирового. 79% этого флота составляет мелочь: парусные и парусно-моторные суда. У царской России торговый флот был слабеньким, всего 1,8 миллиона регистровых тонн. В то же самое время

Англия имела 19,3, Германия — 5,5, США — 5,3, Франция — 2,3, Япония — 1,7 миллиона регистровых тонн. Из-за маломощного торгового флота Российская империя теряла громадные доходы, поскольку была вынуждена фрахтовать заморские суда для перевозки своих грузов. Она не могла и зарабатывать на перевозках чужих грузов, как это делали европейцы с американцами. Соответственно, и кораблестроение старой России было плохо развитым. Первый свой ледокол «Ермак» царское правительство строило в Англии. Легендарный крейсер «Варяг» — в США.

Металлургия? Обычно говорят, что царская предвоенная Россия смогла по развитию чёрной металлургии выйти на пятое место в мире. Это так. Мы в 1913 году по производству стали (4,2 млн т в год) уступали только США, Германии, Англии и Франции. Но США давали 25,4 млн т стали, Германия — 18 млн т, Англия — свыше 7 млн т, Франция — 4,69 млн т.

Развитие техники в начале XX столетия требовало и хорошей цветной металлургии. А здесь царская Россия находилась в глубоком загоне. В 1913 году она произвела только 17 тыс. т меди (1,7% мирового производства), всего 1,5 тыс. т свинца (0,14%), 3 тыс. т цинка (0,2%), алюминия не выпускали вовсе. Потребление цветных металлов в 11–13 раз уступало уровню потребления таковых в Соединённых Штатах. А ведь развитие электротехники, производства двигателей, оружия требовало массы цветных металлов!

Кого-то удивляет, что в Первую мировую другие страны резко (и практически с ходу) нарастили производство оружия и боеприпасов, а Россия пережила снарядный голод, продолжавшийся до 1916 года.

В царской России 1913 года не имелось ни моторостроения (появится в Первую мировую), ни оптической индустрии, ни часовой промышленности. Проведённая после 1861 года — более чем за полвека! — «царская» индустриализация оказалась неполной, разорванной, частичной, страна зависела от импорта по множеству позиций.

Приборы и всякая измерительная аппаратура? На 93% — импортные.

Автомобильная промышленность? Обычно говорят о трёх заводах в России накануне Первой мировой: Лесснера (фактически отвёрточное, сборочное производство немецких машин), Пузырёва (за 1911–1913 гг. выпустил 38 машин, потом скончался) и «Руссо-Балт», который в среднем с 1909 по 1918 год выпускал по 60 машин в год. Для сравнения: в США в 1914 году производилось 569 тысяч авто, в Англии (в 1913 г.) — 34 тысячи, в Германии — 20 тысяч, во Франции — 45 тысяч.

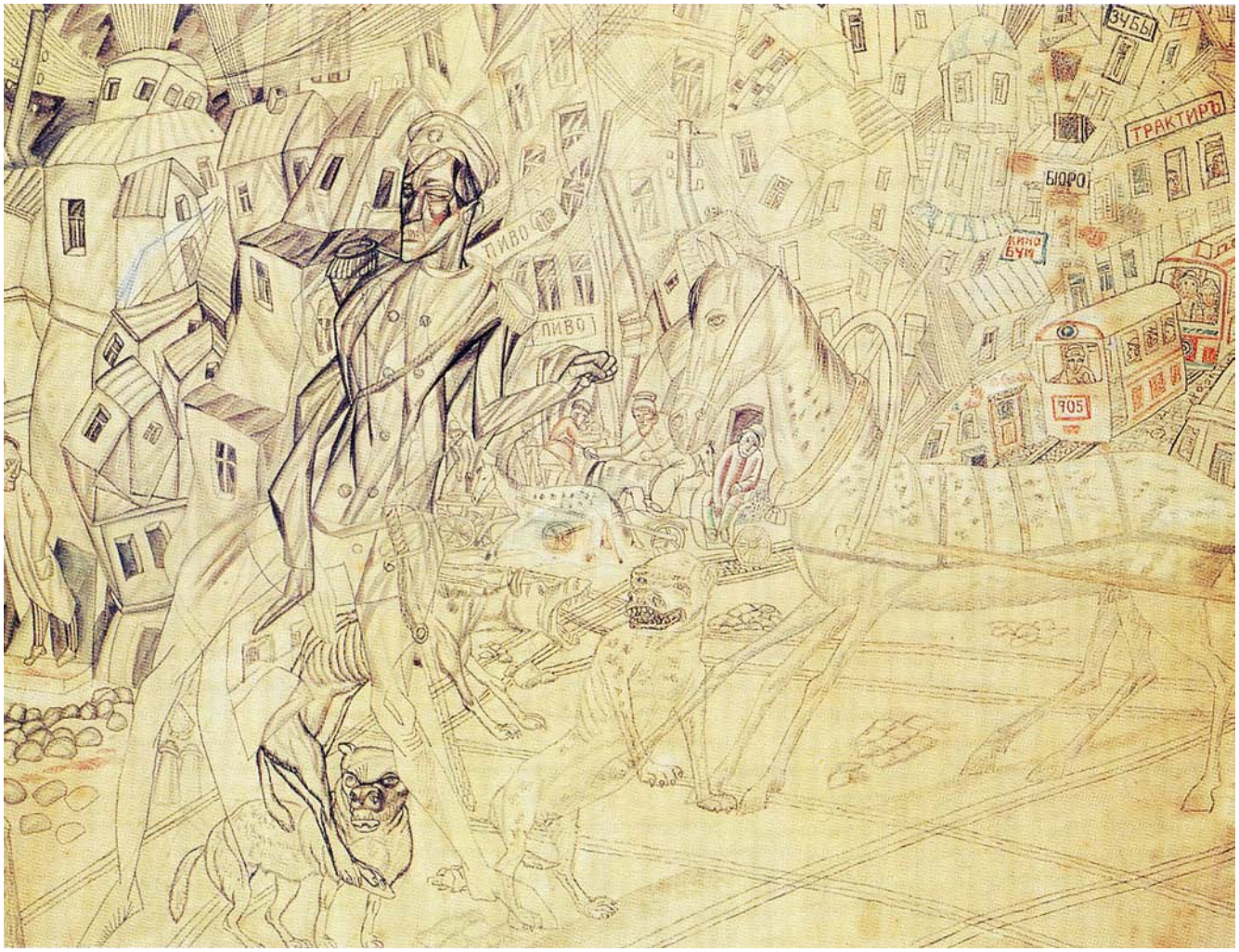
Да и то «Руссо-Балт» для производства своих авто завозил из-за рубежа ключевые комплектующие: специальную сталь, шарикоподшипники, свечи, насосы, покрышки и камеры, карбюраторы, магнето, колёса, маслёнки, приборы, валы, шурупы, винты, болты, тросы. Лишь с конца 1914 года завод овладел искусством изготовления радиаторов, а затем и конических шестерён. Поэтому царское военное ведомство прибегало к массовым закупкам автомашин за границей — например, у фирмы «Рено» (что особенно лоббировал полковник Секретев, помощник военного министра Сухомлинова).

Входить с такой экономикой в Первую мировую всё ещё технически и промышленно отсталой, на 80% крестьянской России было смертельно опасно.

Прав был премьер Столыпин, когда говорил о недопустимости втягивания страны в большой европейский конфликт. Царской России нужно было ещё добрых четверть века избегать войны, занимаясь подъёмом народного хозяйства — причём такая работа потребовала бы и крайнего напряжения сил, и прохождения через опаснейшие «перевалы». Но этого времени никто бы нашей стране не дал. Его и не дали.

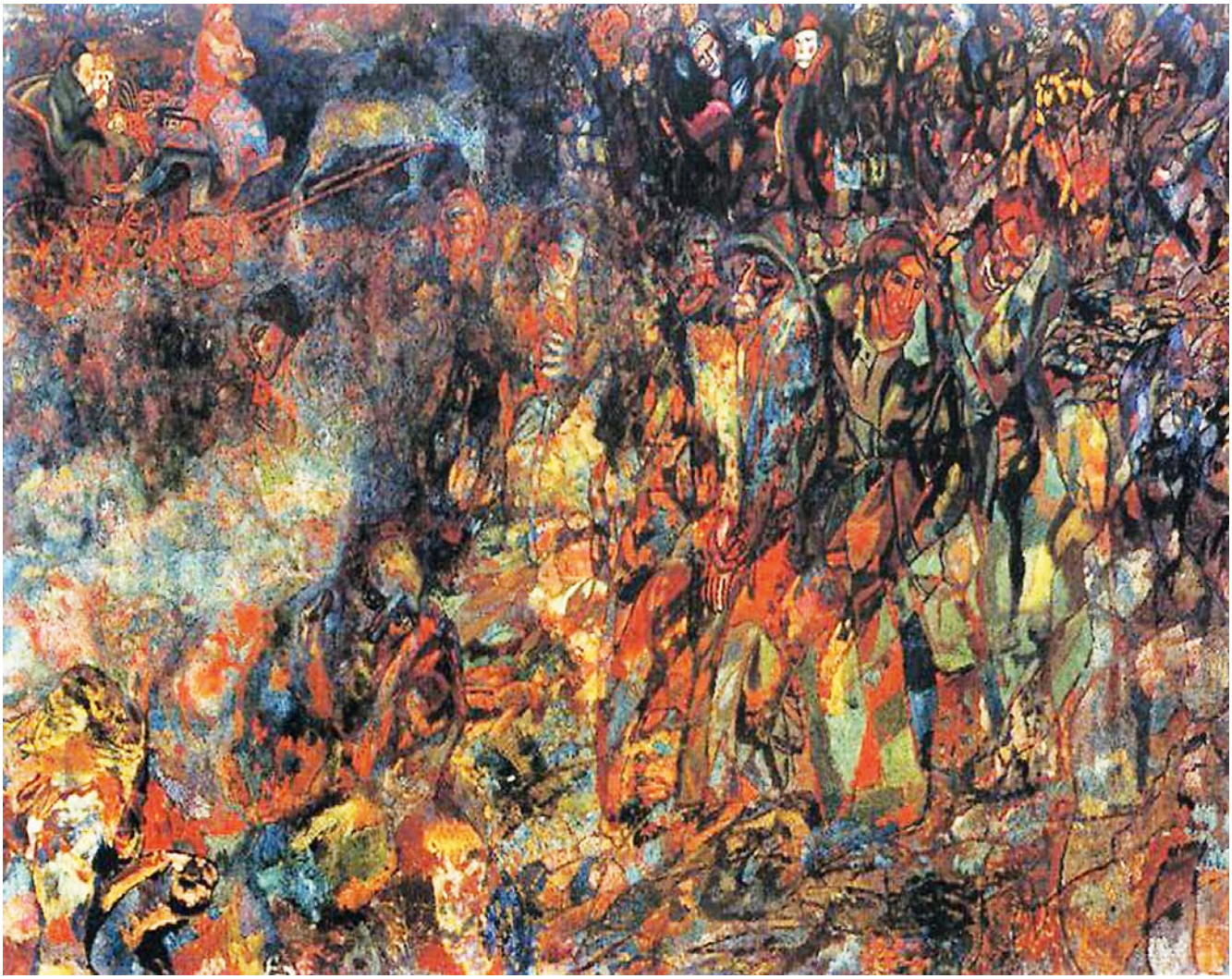
Тем более несколько десятков миллионов славян вели жалкое натуральное хозяйство, нищенствовали и голодали, а на промышленные товары были способны потратить не более нескольких рублей в год. Вспомните фото сельской жизни того времени: бесштанные, босые дети, одна пара сапог на нескольких сыновей, покосившиеся курные избы, крытые соломой. Для того чтобы страна могла развиваться, нужно было примерно двадцать миллионов человек согнать с земли и направить в города. Да ещё этих же людей сделать рабочими на заводах и фабриках, строителями, железнодорожниками, трактористами и шофёрами. Цифра в 20 миллионов взята не с потолка: с 1913 по 1953 год доля городского населения России/СССР выросла с 15% (некоторые говорят о 17%) до 33%. Да, ещё нужно было построить для этих переселяемых миллионов достаточные объёмы жилья (для справки: в Англии уже времён наполеоновских войн доля горожан в населении составляла 23%, в Португалии — 17%).

То есть царской России пришлось бы выполнять ту же программу, что и Советам. А что получилось бы в итоге — если без больших потрясений и сверхжёсткого политического режима?



Ведь для таких шагов нужна была огромная государственная воля. А мы знаем, что царская Россия, повинуясь желаниям французских и английских кредиторов, ринулась в войну — в войну за чужие интересы. Вместо того чтобы заключить пакт с Германией. Как видите, воли у российских верхов для проведения истинно русской внешней политики не хватило.

Отсталость романовской России с началом Первой мировой стала очевидной донельзя. 19 ноября 2001 года журнал «Эксперт» в статье «Памяти КЕПС» писал: «Известный историк науки и техники Алексей Кожевников, ныне работающий в США, отмечает, что для представителей российской научно-технической элиты 1914 год стал своеобразным «часом Х»: «Планы мобилизации индустрии в военное время не были разработаны. Во многих отраслях доминировали западные инвесторы, ориентированные, естественно, на ввоз своих технологий и ноу-хау, а не на независимое развитие местных исследований, разработок и экспертизы». Курс на закупку и копирование зарубежных инноваций привёл к тому, что, как пишет генерал А. Малиновский, ответственный за снабжение российской армии в Первую мировую: «Германия, обеспечивающая военными технологиями весь мир, включая Россию, получила от нас приличные инвестиции на развитие собственной милитаристической базы». Г-н Малиновский с сожалением отмечает, что только после того, как было затрачено 300 млн рублей на закупки импортных автомобилей для армии (тогда наряду с авиацией, химией, радио и оптикой автомобили, безусловно, относились к сфере high-tech), чиновники всерьёз задумались об организации собственного автопроизводства. Крупный химик Владимир Марковников, анализируя в 1914 году статистику внешней торговли, обнаружил, что «национальная индустрия способна производить только самые примитивные химические продукты, остальное приходится импортировать», и призывал русскую промышленность «простимулировать развитие нашей химии в правильном направлении».



Владимир Вернадский уточнял, что «лишь 31 из 61 необходимого экономике химического элемента добывается и производится в России».

Даже такая «традиционная» сфера, как производство текстиля, оказалась полностью зависимой от импортных поставок синтетических красок и даже соды. Историк Ольга Елина пишет, что не только «оружие, боеприпасы, машины, всевозможные химические продукты, но даже такие на первый взгляд абсолютно «русские» товары, как пенька, сноповязальный шпагат и мешковина, закупались на Западе». Кроме того, с началом войны Россия осталась без минеральных удобрений, оптических стёкол, измерительных приборов…»

И хотя героическими усилиями в ходе Первой мировой в стране удалось наладить производство оптического стекла, минеральных удобрений, электротехники и измерительных приборов (русские — народ талантливый!), было уже слишком поздно: страна успела взъяриться и рвануть революцией.

Обратимся к статье англичанина Диллона, опубликованной в № 2 журнала Contemporary Review за 1916 год. Диллон пишет о том, что после начала войны немцы самостоятельно удовлетворяли свои военные нужды, а Российской империи «пришлось делать крупные заказы за границей, платя за них золотом»; что Германия создала особый военный фонд, а Россия — нет; что началось сокращение положительного торгового баланса России (сырьевой страны), поскольку стал затруднён вывоз зерна на экспорт (турки закрыли Дарданеллы, положительное сальдо упало с 442 млн до 85,5 млн рублей). Русские платили за импорт золотом, а немцы золота не тратили, изъяв его у себя в стране из обращения и «планомерно мобилизовав финансы». Зато русский экспорт в 1915 году (вывоз зерна и сырья через Финляндию и Кавказское побережье) упал до 23 млн рублей, уменьшившись на 93%.

Как и сегодня, и всегда — «сырьевая» экономика в условиях войны терпит крах.

Подведём итоги. Аграрно-крестьянская Россия начала XX века, где в год священников выпускалось больше, чем инженеров, не могла пережить новой эры, кардинально не изменившись. Требовалось менять буквально всё: поведение и психологию верхов общества, экономический курс, элиты как таковые. Требовались ум, жёсткость, скорость принятия правильных решений и немилосердная требовательность к исполнению оных. Требовались не молебны, а производственные планёрки. Элита обязана была надевать френчи вместо фраков, забыв о Париже и увеселениях. Нужно было соединить русскую мечтательность с американской деловитостью.

Скажу откровенно: чтобы выжить, прежней России — даже если бы в ней не победили «красные» — пришлось бы делать то же самое, что и большевикам. Причём самыми жёсткими методами, без парламентской говорильни русской интеллигенции. Пришлось бы форсированно укрупнять земледельческие хозяйства и механизировать их, разрушая старую сельскую общину и перемещая в города — в растущую индустрию — десятки миллионов вчерашних крестьян. Пришлось бы давить неизбежные крестьянские бунты, ускоренными темпами готовя миллионы инженеров, техников, квалифицированных рабочих, медиков, исследователей, конструкторов. Плюс водителей, трактористов, пилотов. Ну был бы у нас в результате мавзолей не Ленина, а Лавра Корнилова, например, — что бы это изменило в принципе? Тем более Версальский мир был беременен Второй мировой, в данном случае — уже против «чересчур усилившейся» России.

В подтверждение воспроизведу статью Артура Конан Дойля. Я, конечно, люблю его книги и экономические взгляды, но русофобом он был ещё тем. Итак, статья «О компенсации за Дарданеллы», год публикации — 1923-й: «В своё время мы пообещали России, в случае успеха, отдать ей Константинополь. Подумайте, сколь ужасно было бы наше сегодняшнее положение, если бы мы там одержали победу! Образ большевистской республики, распростёршей крыла от Архангельска до Константинополя, навис бы над нами ужасным знамением!.. Но даже если бы победоносная Россия осталась Империей, разве не явилась бы она для нас (в отсутствие германского противовеса) источником новой страшной угрозы? Империя русского милитаризма надвинулась бы на Европу и в любой момент была бы готова на неё обрушиться. Любой исход дела вёл бы к появлению новой угрозы для мировой цивилизации, сравнимой с той, которую представляла собой довоенная Германия…»

История сложилась так, что именно большевики, красные смогли собрать Российскую империю после её внутреннего взрыва и распада 1917–1918 годов. Именно коммунисты, начав как русофобы-интернационалисты, сумели стать великодержавниками и обновителями России. Как ни крути, созданная ими модель управления: проектная, технократическая, научно-промышленная, воздействующая прямо на сознание масс, — смогла преодолеть отставание страны. Именно она придала России динамику развития и позволила практически 60 лет (до горбачёвского кризиса) преодолевать многочисленные опасности XX века, хотя ресурсов у новой Российской империи (СССР) было в разы меньше, чем у Запада. Уже с самых первых шагов Красный проект наголову разгромил остатки той, старой России. Уже в Гражданскую войну большевики сумели организовать более адекватную времени систему власти. Чего стоит их непрерывная мобилизация в Красную армию в 1918–1920 гг., сломавшая хребет Колчаку, Деникину, Юденичу и Врангелю?! Там, где белые формировали армии и на том успокаивались, красные постоянно создавали новые и новые части, мобилизуя для борьбы всё, что только можно. Вплоть до барж и прогулочных волжских пароходов.

Двадцать лет спустя красные смогли решить на два порядка более сложную задачу — победить в столкновении с танково-механизированной Германией Гитлера, Третьим рейхом, сумевшим к лету 1941 года стать абсолютным европейским гегемоном. Да ещё имея в тылу враждебную Японию.

XX век требовал от России коренного преображения. Эта миссия легла на плечи красных. Они, в отличие от своих внутрироссийских конкурентов, с этой задачей справились. Увы, не сумев совладать с вызовами времени в 1970-е и 1980-е годы, когда сами утратили свои же основополагающие принципы жизни и борьбы. Но они заповедали нам самое важное: триумф воли и разума, футуристичности, смелости исторического и социального творчества. Теперь важно соединить их опыт с национальным русским движением.

Нельзя копировать решения, когда-то успешные. Исторические реалии необратимо меняются. А вот способности дерзко творить и седлать стремнину времени — этому у красных можно поучиться.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Политика по-ленински как наука и искусство

В октябре 1917 года судьба подняла Ленина на капитанский мостик корабля российской государственности, который уже тонул. Начинался шторм, и на борту тонущего корабля вспыхнули многочисленные пожары. Старая команда сместила и арестовала предыдущего капитана, раскололась на враждующие группировки, часть из которых позднее окажется среди пиратов.

Произошла бы революция 1917 года, если бы не было Ленина и большевиков? Безусловно — ведь великие революции настолько объективны, что не зависят от конкретных, даже величайших, личностей. Но без политического творчества Владимира Ильича Россия как историческая территория и как особая цивилизация в результате сокрушительных революционных изменений наверняка просто исчезла бы.

Именно великие революции выдвигают на передний план тех или иных лидеров как свои уникальные личностные образы, которые содержат в себе глубинные мистические коды долговременных исторических изменений. Как бы кто ни относился к Наполеону Бонапарту, но именно он навсегда останется личностным образом Великой французской революции.

Владимир Ильич Ленин совершенно не случайно оказался «в нужное время и в нужном месте» Великой русской революции. Его личностная креативность в полной мере проявилась в условиях высшей формы политической деятельности: в необычайных ритмах и динамике действительно великих революционных изменений, которые кардинально трансформировали XX век, хотя совершенно и не так, как мечтали левые и правые революционеры первой трети прошлого столетия.

Тогда, как и сейчас, на повестке дня стоял вопрос о принципиальной смене всей парадигмы цивилизационного развития человечества, кардинального слома экономико-центристской цивилизации капитала и ссудного процента. Нынешняя цивилизация является единственной в известной нам истории, которая, сотворив своих многочисленных материальных идолов, безжалостно подчинила им всё культурное, духовное, Божественное.

И в этом смысле творческий политический опыт В.И. Ленина как беспощадного врага пошлого капитализма, страстного революционера и уникального лидера, без сомнения, сегодня востребован. Иногда эта историческая востребованность проявляется совершенно неожиданным образом. Например, Стивен Бэннон, один из интеллектуальных лидеров американских ультраправых и пока ещё главный стратег Трампа, заявил, что он «ленинец» — поскольку главной своей целью считает разрушение тотально деградировавшего государства. И сказал он это не просто ради красного словца. В библиотеке Бэннона находится собрание сочинений Ленина на английском языке.

С другой стороны, креативный опыт Ленина как политического лидера пока ещё не нужен в XXI веке. Ведь собственно от действительной политики, политической борьбы сейчас мало что осталось в нынешнем суицидальном мире, в том числе — и в современной России.

Ведь что такое реальная политическая борьба? Ленин определял просто и ясно: политика есть борьба за государственную власть. Точка. То есть такая борьба за власть, которая даёт возможность, позволяет вполне определённому политическому субъекту реализовать представления о настоящем и будущем — через осуществление своих принципов и идей, своей идеологии и стратегии. Иначе говоря, реальная политика — это не «борьба нанайских мальчиков», не пошлая имитация неких прошлых великих слов и действий, не циничная показуха, не изощрённая профанация, а именно жёсткая, даже жестокая борьба за полную власть.

Но этого также недостаточно. Действительная политическая борьба за государственную власть, как неоднократно подчёркивал Ленин, — это не действия десятков, сотен, даже тысяч т.н. политиков. Реальная политика обязательно предполагает вовлечение в историческое действо больших масс, сотен тысяч и миллионов людей. Поэтому Владимир Ильич всегда требовал от своих революционных соратников: «Жить в гуще. Знать настроения. Знать всё. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать её абсолютное доверие».

Что это означает, в том числе и сегодня, будь то в Америке, России, Европе или на Ближнем Востоке? Если политика отчуждена от больших социальных групп и классов, от социального большинства, — тогда она, эта политика, несмотря на любые хитроумные ухищрения и манипуляции, исторически обречена. А возможно, она уже умерла, просто её забыли похоронить.

Таким образом, если следовать ленинской логике, живая, пульсирующая политика есть борьба за власть определённой коалиции классов, или больших социальных групп, или социальных страт, у которых есть свои долгосрочные системные интересы («классовое сознание», как писал Владимир Ильич), свой «образ мира», некие, пусть условные, контуры желаемого будущего.

«Классовое сознание» есть высшая форма целенаправленного участия в политической борьбе. Следом располагается «классовый инстинкт». При отсутствии классового сознания и классового инстинкта массы становятся объектами манипуляции в политических процессах. Низшую форму

политической вовлечённости, когда большие группы людей действуют вопреки собственным коренным интересам, можно назвать «классовым идиотизмом».

Две особенности реальной, живой (не мёртвой) политики особенно важны. Во-первых — прямое участие, прямое действие масс людей, причём участие осознанное и добровольное, в значительной степени даже спонтанное. Именно в этом смысле Ленин подчёркивал, что «революция — это праздник миллионов». А во-вторых, реальная, живая политика — это в значительной степени угроза и опасность, действительный риск и вызов. Но именно в таких экстремальных условиях и кристаллизируется самооценка развивающейся личности. Поэтому участие в разного рода избирательных процессах не становится действительным участием в живой политике, являясь просто рутинным, массовидным, отдрессированным социальным действом.

Живая политическая борьба в большинстве стран — кстати, не только в России, — практически повсеместно исчезла, вытесненная на задворки и подполье, уступив место изощрённым бюрократическим столкновениям, кроваво ожесточённым аппаратным интригам, т.н. элитным схваткам в «террариуме единомышленников», мстительной родо-племенной конфронтации, кланово-корпоративным войнам «без правил», тупому боданию околополитических карликов, нагло и бессовестно именующих себя лидерами и вождями. Конечно, всё это также можно называть политикой, но Ленин бы с этим не согласился.

Ещё в начале 60-х годов прошлого века Збигнев Бжезинский назвал политический процесс в Советском Союзе «бюрократической скукой». Но закончилась такая «скука» предельно драматически.

Политикой сегодня чаще всего называют ублюдочные, неприкрыто шкурные, в своей основе воровские и коррупционные квазидейства, мало связанные с железно предопределённым ходом Истории. В этой политике отсутствует реальное, диалектическое, рефлексивное осознание сложнейших интересов наций и народов, классов и больших социальных групп, здесь нет действительных исторических субъектов, исчезли великие идеологии и великие стратегии. Происходит повсеместная деградация: т.н. политики и политические лидеры мельчают, превращаясь на глазах в каких-то странных, чудовищных по своей ничтожности микробов, неспособных на действительное историческое творчество.

Что общего между событиями, которые начались в феврале 1917 года и в августе 1991 года?

Самое странное заключается в том, что и в том, и в другом случае расколотый правящий класс оказался не способен к практическому сопротивлению. Власть никто не захватывал, её как бы «выкинули в грязь». Почему?

Монархия оказалась в 1917 году «страшно далека от народа», однако и высший коммунистический истеблишмент в 1991 году оказался не лучше. И в том, и в другом случае на стороне официальной власти отсутствовали реальные политики. Личностными символами такой деградации стал один из последних премьер-министров России с фамилией Горемыкин, а на закате Советского Союза — «плачущий премьер» Рыжков.

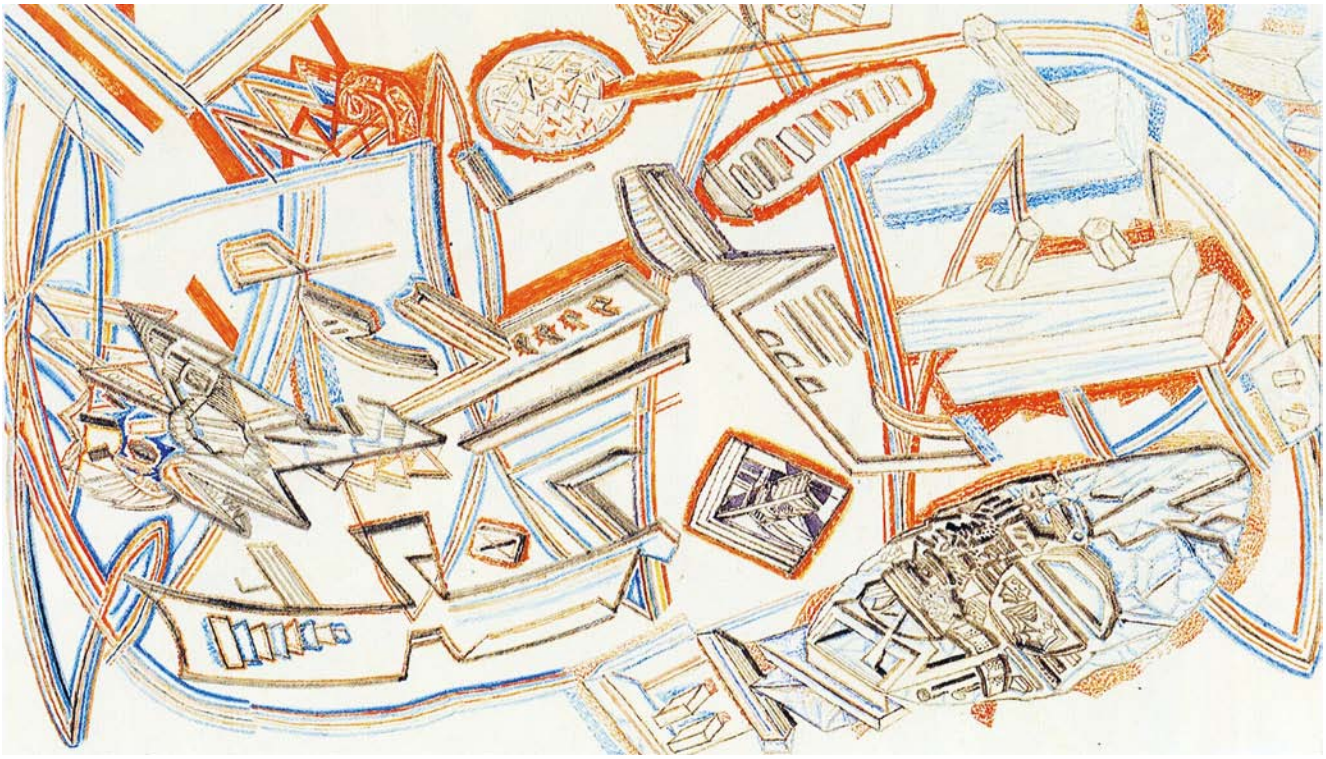
А «победили» политические лидеры с минимальным политическим опытом: в первом случае — социалисты, во втором случае — т.н. демократы. И те и другие для закрепления своей власти обратились к поддержке масс. Но с разным результатом.

Есть и обратная сторона всего этого явления. В условиях отсутствия живой политики как «массовой борьбы за власть» происходит — с той или иной скоростью — превращение массового человеческого материала в нечто серое, безлико расползающееся. Когда миллионы населения превращаются в объект бессовестной манипуляции, когда классы и большие социальные группы перестают хотя бы просто ощущать свои глубинные интересы, когда люди перестают понимать, в чём смысл их конкретной жизни, — это и становится прямым доказательством превращения живой политики в блеклый фантом.

Конечно, на периферии этой материалистической, суицидальной цивилизации политика и политическая борьба остаётся — Куба Фиделя Кастро, революционный Иран, Малайзия периода Махатхира и Анвара Ибрагима, Венесуэла Уго Чавеса… Но всё это лишний раз доказывает, что именно в переломные, революционные периоды на первый план выходит реальная политика, а потому и появляются действительно реальные креативные политики, способные к историческому творчеству.

Исходный пункт креативного политического сознания В.И. Ленина кроется в его известной формулировке, которая на первый взгляд кажется весьма банальной: «Политика есть наука и искусство». Чтобы уйти от этого ощущения ложной банальности, её можно перекодировать и перефразировать таким образом: «Политика — это парадокс постоянного, каждодневного переплетения рационального и иррационального».

Для Ленина «политика как наука» — это, прежде всего, диалектическая теория, теоретическое сознание. Не анализ фактов или даже совокупности фактов, не обрывки неких концепций или даже наборы таких концепций, а именно системная



теория, позволяющая воспроизводить объёмную — хронологическую и пространственную — картину мира. Такая теория даёт возможность эффективно прогнозировать и выстраивать соответствующую долговременную стратегию и тактику политическому субъекту.

Собственно, в этом отношении В.И. Ленин прямо следует логике Ф. Энгельса, который обосновывал и выделял три основные сферы классовой борьбы: экономическую, политическую и теоретическую. И дело не только в том, что эффективность теоретической борьбы обуславливает в конечном счёте успешность или неэффективность экономической и политической борьбы того или иного политического субъекта. Здесь есть ещё четыре важных момента.

Во-первых, В.И. Ленин прекрасно понимал, что никакая теория, в том числе — и марксистская, не способна предусмотреть и предвидеть всего многообразия диалектики жизненного процесса. Однако саморазвитие теории (а он исходил из того, что именно марксизм обладает таким потенциалом) как раз и позволяет выявлять и учитывать богатство политической конкретики в самых запутанных ситуациях.

Во-вторых, развитие теоретического сознания, «вкуса к теории» даёт возможность формировать и соответствующую когорту политических лидеров, и соответствующую политическую элиту.

В-третьих, только развивающаяся теория даёт возможность преодолевать постоянно возникающее в политическом пространстве отчуждение между властью и большими социальными группами. Именно проблема системного отчуждения человека является центральной во всех важнейших социальных теориях.

Наконец, в-четвёртых. Политическая борьба практически всегда рефлексивна, поскольку происходит не только тактически, каждодневно, но и на стратегическом уровне, с учётом долгосрочных интересов и целей и в окружении самых разнообразных противников и союзников. А без живой теории рефлексивная конфронтация будет обязательно проиграна.

Тогда что значит «живая теория»? По Ленину, это — система теоретических взглядов, которая постоянно саморазвивается в контексте живой политической практики.

Но самое главное заключается в том, что только живая теория, живое теоретическое сознание дают возможность сформировать соответствующую, верифицируемую «картину мира», которая не только консолидирует данную политическую организацию, но и обеспечивает ей нужную социально-политическую базу.

Но для Ленина «политика как наука» — не только теория и теоретическое сознание. Это ещё знание особых прикладных политических методов и технологий: умение быстро и правильно определить баланс сил в данной уникальной ситуации, сформулировать стратегическую линию, умение эффективно соединять стратегические

и тактические задачи, выбор точного времени для политического наступления или отступления, способность знать настроения большинства, умение формировать коалиционную политику на основе принципа «есть компромиссы и компромиссы» и т.д.

Наконец, «политика как наука» формирует методологическую базу для эффективной аккумуляции предшествующего политического опыта. Умение успешно анализировать весь объём предшествующих политических достижений и ошибок и на этой основе вносить научные коррективы в политический курс — безусловное требование В.И. Ленина как учёного и диалектика. Самое страшное для политика — повторять старые ошибки.

Тогда что такое «политика как искусство»? Действительная, живая политика как борьба за реальную власть помимо всего прочего есть крайне важная форма масштабной цивилизационной коммуникации. Такая борьба — как своего рода уникальный спектакль в грандиозном историческом театре: здесь есть и общий замысел, и драматический многоходовой сюжет, сложно переплетённая совокупность многочисленных исполняемых ролей, и Судьба или Рок в роли искусного и непревзойдённого режиссёра.

И в принципе, каждый может найти в этом спектакле подходящую себе роль. При этом индивидуальное участие в такой живой (не мёртвой) политике, которая по определению всегда опасна, всегда таит в себе риски, через которые способствует личностному развитию, даёт возможность развивать действительную ответственность за свои поступки, помогает эффективно продвигаться к осознанию смысла своей короткой биологической жизни.

В политической борьбе, как особо величественном историческом спектакле, как в большом и странном представлении на сумрачной сцене Истории, особо важна роль ведущих актёров — политических лидеров и элит, «вождей», важны их талант, воля, эмоциональность, страстность, способность к самопожертвованию и т.д. Ведь

«политика как искусство» — это не скучный, выверенный, предсказуемый текст, а талантливая спонтанность, даже экзальтация в «нужном месте и в нужное время», взаимное: коллективное или межличностное, — вдохновение и внушение. «Политика как искусство» — это герои, создающие примеры для подражания тысячам и миллионам, это постоянные искры от столкновения парадоксальных фактов реальности с теми или иными теоретическими положениями. Ведь абсолютное большинство людей учатся политической борьбе не по книгам и статьям, а подражая действительным героям или тем, кого считают героями.

Особое, творческое соединение «науки и искусства» проявляется тогда, когда резко ускоряется политическое время, возрастает стратегическая неопределённость, когда политическая динамика проделывает совершенно немыслимые пируэты, когда политические принципы сталкиваются с непредсказуемыми вызовами.

Сама политическая теория развивается и совершенствуется во многом благодаря искусству политических лидеров, элит и политически активных масс. Это наиболее наглядно видно в периоды резких политических трансформаций и революционных сдвигов. В такие моменты доминирует именно политическое искусство, фактически превращаясь в форму самосовершенствования теории.

В декабре 1916 года В.И. Ленин публикует статью, где в русле классической марксистской теории достаточно традиционно рассматривает перспективы общеевропейской социал-демократической революции. Однако резкое ускорение хода русской революции приводит его к тому, что уже через четыре месяца, в апреле 1917 года, он порывает с важнейшим марксистским тезисом о невозможности победы пролетариата в одной отдельно взятой стране и выдвигает лозунг необходимости социалистической революции в России. Тогда многие из его собственных близких партийных товарищей осудили и сам лозунг, и его автора. На что Ленин отвечал, цитируя «Фауста» Гёте: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни». Кстати, это произведение являлось одним из любимых у Владимира Ильича. Он перечитал его на немецком языке более десятка раз.

Политические процессы в различных ситуациях идут с разными скоростями. Одно из наиболее важных качеств искусства политического лидера, особенно в периоды радикальных изменений, и заключается в умении ощущать и чувствовать динамику процесса, видеть моменты изменения скорости трансформации политических ситуаций.

В том же апреле 1917 года В.И. Ленин выступал на совещании молодых рабочих и работниц, после официальной части которого, когда его окружила молодёжь, сказал: «Как я завидую вам! Вы молоды, и вы наверняка увидите социалистическую революцию в России. А я уже стар…»

Однако историческое время в периоды политических разломов настолько убыстряется, что требуется особая политическая креативность для того, чтобы поспеть за этой скоростью.

«Политика как искусство» требует от креативного политического лидера особого мистического умения, соединённого с особым опытом видеть, наблюдать, оценивать не только весь спектр основных трендов, но и тончайшие нюансы изменений в данной политической ситуации, настроениях масс, в позициях противников и союзников.

Талантливое политическое искусство — всегда нешаблонно в том смысле, что требует рассматривать каждую критически важную политическую ситуацию как уникальную и неповторимую. Поэтому В.И. Ленин так уверенно и писал: «Конкретный анализ конкретной ситуации — живая душа марксизма».

Есть известный случай, который произошёл сто лет назад и который ясно подтверждает особую важность для креативного лидера системного анализа уникальной ситуации для принятия исторических решений.

21 октября 1917 года В.И. Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все ещё делегаты на съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября…»

24 октября в письме членам ЦК партии большевиков В.И. Ленин с тревогой отмечал: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь всё висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооружённых масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д. Нельзя ждать!! Можно потерять всё!! … Ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского

и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять всё…

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их… Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно» (ПСС, т. 34. с. 435–436).

Системный анализ политической ситуации предполагает, прежде всего, умение видеть новое в динамике событий. Ключевым здесь является тщательный мониторинг изменений среди реальных участников политических процессов, изменения в их потенциалах силы и происходящие сдвиги в балансе сил между ними.

Как это всё отразилось в вышеприведённом отрывке из ленинского анализа? Например, почему здесь упомянуты — прямо или косвенно — именно три фамилии: Корнилов, Верховский, Керенский?

Поток событий весной-летом 1917 года фактически демонстрировал неуправляемый распад старого монархического государства, нарастание хаоса практически во всех сферах жизни, усиление революционных настроений у масс, ослабление влияния партии эсеров и возглавляемого ими Временного правительства. К началу октября ситуация накалилась донельзя. 30 сентября Керенский, как глава Временного правительства, провозгласил Россию республикой, хотя с юридической точки зрения он не имел никакого права это делать. Но в этом решении Ленин увидел нечто большее — готовность Временного правительства и коалиции политических сил, которые за ним стояли, пойти на любые нелегитимные шаги ради сохранения власти.

В этой ситуации ключевой становилась позиция армии, в которой уже оформились как минимум три течения. В солдатских комитетах всё большее влияние набирали большевики. Одновременно летом 1917 года руководство Генерального штаба армии пошло на контакты с представителями ленинского руководства. Это отчасти объясняет, почему позднее, во время Гражданской войны, большая часть офицеров царской армии оказалась именно в составе Красной армии.

Второе течение в армии представлял генерал Корнилов, которого, по некоторым данным, именно Керенский спровоцировал на преждевременное августовское выступление, чтобы избавиться от противника на этом «буржуазном» фланге.

Наконец, эсеры, которые формально контролировали военный механизм России. Однако солдатская масса в России не хотела и отказывалась воевать, а Керенский, в силу целого ряда причин, по-прежнему настойчиво придерживался лозунга «Война до победного конца!». Генерал-майор А.И. Верховский, который сыграл решающую роль в подавлении корниловского мятежа, был последним военным министром Временного правительства. В сентябре-октябре этот умный военачальник неоднократно ставил вопрос о том, чтобы Россия вышла из ненавистной солдатам войны. Только в этом случае он гарантировал какое-то сохранение контроля над армией. После того как все его попытки оказались безуспешны, 20 октября он подал в отставку. Фактически это означало, что армия отвернулась от Временного правительства, и баланс сил неожиданно — возможно, временно — изменился в пользу большевиков. И уже 21 октября Ленин соответствующим образом отреагировал на такое изменение.

Кроме того, во всей этой сверхсложной ситуации сентября-октября 1917 года, да и в дальнейшем, в деятельности В.И. Ленина как креативного политического лидера в полной мере проявилось ещё одно важное свойство «политики как искусства». Речь идёт о требовании максимально серьёзно относиться к политическому противнику — требовании, из которого проистекал уже практический вывод: для победы «собрать силу в нужное время и в нужном месте».

Наконец, важнейшим компонентом «политики как искусства» является умение прогнозировать, прежде всего, последствия принимаемых им решений и брать личную ответственность за такие решения. Именно такие действия порождают особую харизму лидера.

В декабре 1917-го — начале 1918 годов, на фоне постепенно разгорающейся Гражданской войны в стране, внутри руководства большевистской партии фактически произошёл раскол.

Ленин требовал незамедлительного заключения мирного соглашения с немцами. Во-первых, он исходил из того, что разлагающаяся российская армия воевать не сможет и не будет. Во-вторых, продолжение военных действий в таких условиях может привести к крайнему ослаблению Советской власти. В-третьих, продолжение военных действий ускорит полномасштабную Гражданскую войну и позволит противникам Советской власти хорошо к ней подготовиться. Наконец, в-четвёртых, любое, самое унизительное мирное

соглашение с Берлином окажется временным на фоне ослабления внешнеполитических позиций кайзеровской Германии и нарастания там внутренней революционной ситуации.

Большая часть руководства большевистской партии исходила из традиционного марксистского тезиса, что социалистическая революция может стать успешной только в общеевропейском масштабе, которая, если она начнётся, должна охватить, прежде всего, наиболее развитые европейские страны: Германию, Францию, Великобританию. Поэтому три четверти партийного руководства выступили против переговоров с кайзеровской Германией и подписания «похабного» мирного договора. Более того, одна из крупнейших большевистских парторганизаций, московская, приняла решение, суть которого заключалась в том, что ради стимулирования европейской революции российские большевики могут даже сознательно отказаться от власти в стране.

В.И. Ленин оказался в явном меньшинстве по сравнению с «левыми». Но именно в этот момент он проявил свой уникальный сплав теоретика и харизматика. В разгоревшейся дискуссии (в частности, в статье «Странное и чудовищное») он доказывал, что его оппоненты не только не владеют в полной мере марксистской теорией, но и не способны извлечь политические выводы из конкретного исторического опыта и наполеоновских войн, и Парижской коммуны. С другой стороны, Ленин прямо и наглядно доказал, что его оппоненты не хотят взять политическую ответственность на себя из-за отсутствия политической воли.

Безупречная убеждённость в своей правоте, готовность взять всю ответственность на себя привели к тому, что Ленин как харизматический лидер поставил ультиматум большинству ЦК партии. Если его противники не откажутся от своей гиблой, близорукой политики противодействия заключению сепаратного мирного договора с Германией, то Ленин выходит из ЦК (то есть фактически идёт на раскол партии) и напрямую обращается к партийным массам и всему народу.

В конечном счёте эта «бешеная страстность» Ленина победила, «похабный» Брестский мир был заключён, Советская власть в 1918 году не пала. А осенью 1918 года в Германии началась революция, которая позволила Москве аннулировать соглашение с Берлином.

/ Карен СВАСЬЯН /

Русская Революция в западной оптике

1.

То, что ленинизм был творческим продолжением и даже жизненной силой марксизма, очевидно уже на уровне азов марксистской философии, объявившей практику критерием истины. Ленинизм как практика марксизма и стал его истиной, в некотором смысле — даже более истинной, чем оригинал, в особенности там, где последний обнаруживал предательскую тягу к позитивизму и даже ренегатству. Марксу и в дурном сне не приснилось бы, что именно в России осуществятся однажды его научные утопии, потому что Россия в своём европейском мимезисе меньше всего соответствовала этим ожиданиям, а в «скифском» подлиннике — и вовсе выпадала из темы. Маркс держался предсказуемой логики фактов, на которой, по сути, стоял весь столь ненавистный ему старый мир. Совсем как в том нелепом анекдоте, который Сталин рассказал однажды немецкому писателю Эмилю Людвигу: не-

мецкие рабочие собираются в Берлин делать революцию, приезжают на вокзал, покупают билеты и пропускают поезд из-за отсутствия контролёра, компостирующего билеты. Вдруг выяснилось, что старого мейстера Гегеля вовсе не следовало ставить с головы на ноги — ввиду опасности, что, поставленный на ноги, он тем сильнее увязнет в буржуазности. Чутьё разбойника и ушкуйника оказалось слабее рефлекторной реакции обывателя: поставленный в Марксе на ноги Гегель пошёл на поводу у фактов, забыв своё же великолепное *«тем хуже для фактов»*. Именно эту пораженческую оплошность и устранил марксист Ленин, перенеся марксизм в российскую топику и подчинив его особенностям национального сознания. Нужно просто представить себе книгу «Капитал», читаемую, а ещё лучше, разыгрываемую в один из вечеров на хуторе близ Диканьки. «Отужинав, пошла мать вылить горячие помои, а навстречу ей бочка ползёт: видно, кто-то из детей, шаля, толкает её сзади. Мать плеснула в неё помоями. Оказалось, что это дед. Открыли дедов котёл, а в нём сор, дрязг и “стыдно сказать, что такое”». Вот по этой приблизительно логике марксизм и победил в России: вопреки Марксу, логике, здравому смыслу и смыслу вообще. Они и сами не верили в то, что это получится. 9 января 1917 года Ленин в Цюрихе сокрушался, что не доживёт до грядущей революции, а 6 января 1918 года, прогуливаясь по двору Кремля, он вдруг принялся плясать на снегу, крича обомлевшему Троцкому: «Сегодня мы продержались на день больше, чем Парижская коммуна!» Это чистейшая стохастика, задним числом преподносимая как детерминизм. Когда потом открыли котёл, ахнули от неожиданности, найдя не сор, дрязг, не *«стыдно сказать, что такое»*, а сказку, ставшую былью.

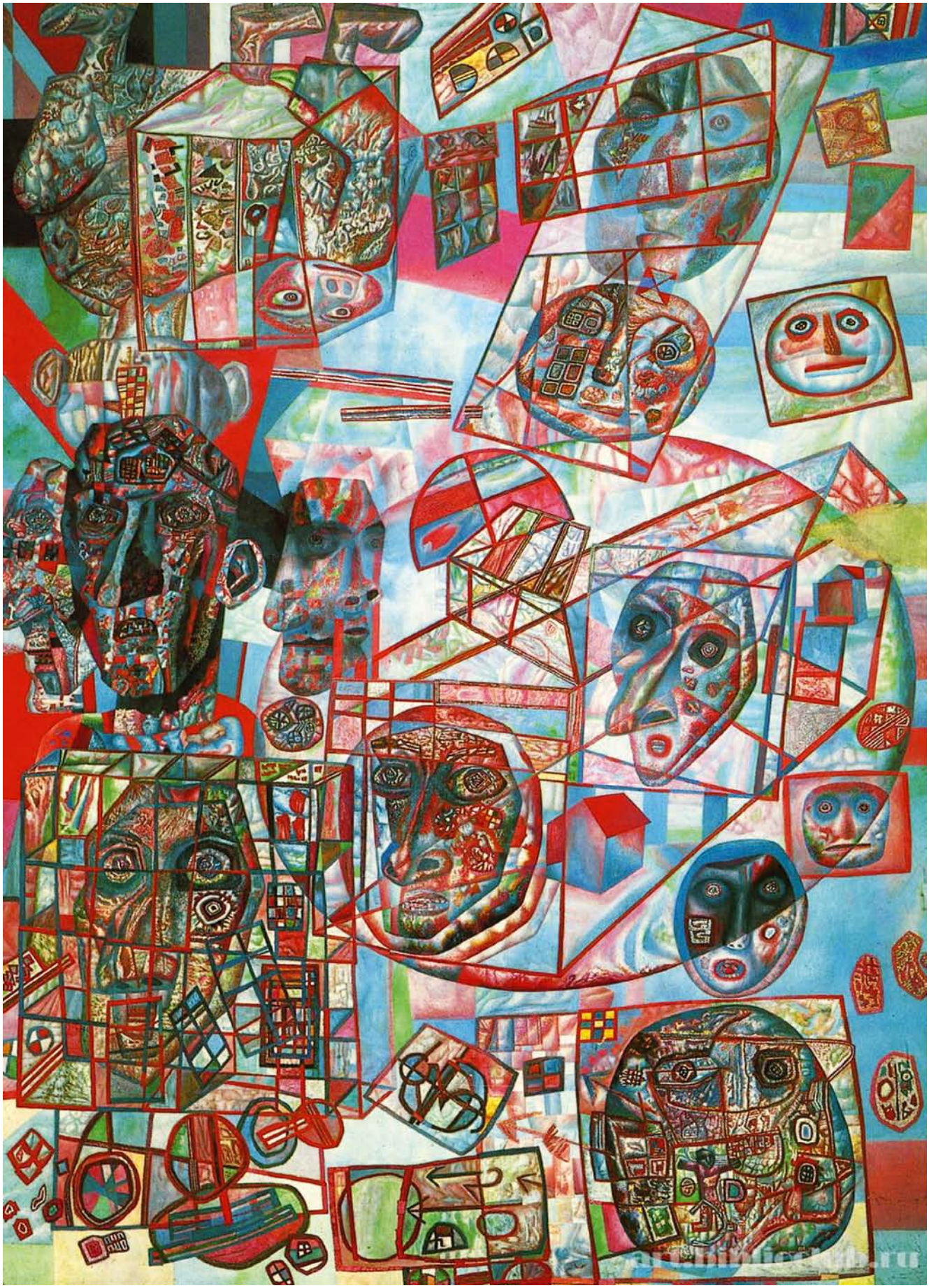
2.

Эмиль Людвиг так описывает свою встречу со Сталиным в 1931 году: «Я ожидал увидеть какого-то великого князя, решительного, резкого, отталкивающего. Вместо этого я впервые увидел диктатора, которому мог бы доверить своих детей». Он даже пытался найти этому объяснение: «У него был вид заступника: человека, перед которым испытывают страх взрослые люди, но не дети и животные». Вообще, отношение европейской интеллигенции к русской революции, а после и к Советскому Союзу представляет собой необыкновенно продуктивную головоломку, решение которой, каким бы рассудочным и понятным оно ни было, всегда будет упираться концом в зазеркальные скачки смысла. Что здесь впечатляет прежде всего, так это *количество*: не тот или иной причудник и эксцентрик в тональности *pour épater le bourgeois* (чтобы ошеломлять буржуа), а целые списки знаменитостей, объединяемых восторгом и восхищением перед осуществлённой утопией. Никогда ещё: ни до 1917 года, ни в уже наши памятные 90-е, — Россией не пленялись сильнее, чем в её ранней советской аватаре, заметим: не балетом, не цирком на льду, не достопримечательностями Золотого кольца, а *идеей*. К прежней, царской, России отношение в целом было настороженным, если не боязным, в память о давней оценке итальянца Контарини (*gente bestiale*, люди скотских нравов) и не столь давней француза Кюстина. Послесоветскую Россию сначала просто не воспринимали всерьёз: сценка, где самодовольный белый человек Клинтон трясётся от смеха над туземцем Ельциным, останется едва ли не самым невыносимым символом пропитой страны. С Путиным смех уступил место злобе и ненависти, и, пожалуй, только тупостью (или невменяемостью) западных элит можно объяснить рвение, с которым они, обвиняющие Россию во всех своих промахах и срывах, работают над её возвращением в её былую и, казалось бы, навсегда утраченную в годы ельцинского запоя весовую категорию. Но, повторим: если отношение западной интеллигенции к России (как в её царском прошлом, так и в демократическом настоящем) отличалось страхом и настороженностью, с одной стороны, и высокомерной покровительственностью — с другой, то только в одном-единственном случае она сподобилась быть любимой и желанной: когда ей выпала участь быть *советской*. Неправдоподобность этого факта в связке с его очевидностью сбивает с толку. Тем более что факт охватывает не всё время советского, а как раз самый лютый и безжалостный промежуток его: от ленинского начала до сталинского конца. Эйнштейн причисляет Ленина к «хранителям и обновителям человечества». Фабианец и фантаст Уэллс, автор книги «Открытый заговор», пишет о Сталине после встречи с ним в 1934 году: «Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего». Шёнберг в том же 1934 году готов переехать

на постоянное место жительства в Ленинград, а Томас Манн незадолго до смерти едва не удостаивается Сталинской премии. «Завтра я уезжаю из этой обители надежды обратно в наши западные страны, страны безысходности», — пишет Бернард Шоу, возвращаясь из СССР. И дальше: «Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из его современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». Временами доходит до эксцентрики и сумасбродств. Жан Монне, будущий первый президент и опекун «Европейского объединения угля и стали» (этого прототипа Евросоюза), в 1934 году женится на молодой художнице Сильвии де Бондини; брак заключается в Москве, для чего Сильвия, при содействии американского и французского послов, принимает советское гражданство. Луи Арагон прославляет в одной поэме 1931 года ГПУ: *«Да здравствует ГПУ — истинный образ материалистического величия»*. Дриё ла Рошель заверяет в 1944 году, что «сегодня монархию, аристократию, религию находят в Москве и нигде больше»: «Я умру, обезумев от радости при мысли о том, что Сталин станет повелителем мира». Томас Манн, набравший рекордное количество очков на антифашизме, называет в 1946 году антибольшевизм *«главной глупостью нашей эпохи»*, а Сартр шестью годами позже подводит итог в простой и прозрачной формуле: *«Всякий антикоммунист — собака»*.

3.

Протрезвление пришло с Хрущёвым и, что интересно, — как реакция на оттепель и XX съезд: в полном согласии со взятой ими на себя ролью влюблённых: шумно, ревниво и без малейшего намёка на желание разобраться. Наверное, им и в голову не приходило, что смешнее и нелепее глупого интеллектуала может быть только влюблённый, а ещё нелепее — разочарованный в своей влюблённости интеллектуал. Ситуация была патовая, из числа тех, в которых, как заметил ещё историк Тит Ливий, равно невыносимы и болезнь, и лекарство от неё. Сталин умер, оставив после себя не только вакуум власти («Что будете делать без меня? Пропадёте, как котята!»), но и дилемму власти, возможной либо в повседневном режиме террора, либо уже ни в каком ином. Эффект политических практик большевизма заключался в посаженности страны «на допинг», при котором только и можно было рассчитывать на эффект; пятилетка выполнялась за четыре года не в желательном, а в изъявительном наклонении. По сути, Сталин практиковал троцкизм чистейшей воды, воспроизводя идею трудармии в образе рабочего-солдата, с которого списывали свои программы идеологи немецкой консервативной революции. Андре Жид, потешавшийся над забойщиком, которому удалось выполнить за пять часов восьмидневную норму (или за восемь часов пятидневную, иронизирует Жид), упустил из виду серьёзность факта: понимание работы как *спорта* и *стресса*, где речь никогда не идёт о выполнении, а всегда только о перевыполнении, и где важен не план сам по себе, а тотально мобилизованное состояние души и тела. Уже малейшее расслабление грозило срывом и провалом; советский человек жил в режиме перманентного выживания, декорируемого как штурм высот, — и понятно, что единственным способом добиться этого был террор, *повседневность террора*, от которого не был защищён никто: ни сам герой-забойщик, ни даже члены Политбюро, — потому что террор воспринимался не как какая-то злая воля тирана и душегуба, а как необходимость и *судьба*. Сталинизм, что бы о нём ни говорили слева и справа, остаётся шедевром автократии, единственным (и фатальным) недостатком которого является уникальность, или незаменимость, фигуры вождя. Хрущёв, с хлестаковской лихостью вломившийся в опустевшую власть, даже не догадывался, что ему придётся в ней либо вырасти до Сталина, либо умельчиться до Горбачёва, в том и другом случае трясясь в припадках собственной невменяемости, которые историки-политкорректоры назовут волюнтаризмом. Дотянуться до первого он не мог сам, а свернуться до второго ему не дали. Он и остался собой: трикстером и фальстафом, стучащим ботинком по столу и показывающим кузькину мать. Кто-то гениально сказал о нём, что он выпустил заключённых, но посадил кукурузу. Наверное, с кукурузы всё и началось. Кукуруза испортила воздух, пахнущий смертью, смехом, переведя суровую советскую онтологию из жанра перманентной «Брестской крепости» и «Сталинграда» в режим законспирированной райкинской антисоветчины. Строго регламентированный и отпускаемый по талонам смех советского человека, смеющегося с Кукрыниксами над Западом, а с «Крокодилом» и Райкиным — над собой, прорвался вдруг сквозь все заслоны и хлынул



горлом. СССР кончился не на гипотоническом кризе экономики, не на афганской ловушке, не на глобальных шахматных досках Бжезинского и не на дефиците товаров: чешского пива, вьетнамских тапочек, венгерских кур и просто уже импортных пылесосов, миксеров, штанов, книг, сигарет, а на смехе: когда страхи и ужасы России начали годиться в анекдот, дряхлые вии стали увешивать себя орденами и целоваться взасос и выяснилось вдруг, что учение Маркса бессильно, потому что оно смешно.

4.

Смешное в Хрущёве: из традиционных двух тел короля, изобретённых английскими юристами XVII века и уже в наше время мастерски описанных у Эрнста Канторовича, в нём настолько доминирует его эмпирическое тело (empirical body), что о политическом (political body) не приходится и говорить. Наверное, второго у него вообще не было. Это ярче всего воспринимается по контрасту со Сталиным, о котором рассказывают, что, когда во время одного разноса, устроенного им сыну Василию, тот, пытаясь оправдаться, напомнил, что и его зовут Сталин, он услышал в ответ: «Ты не Сталин». После короткой тяжёлой паузы: «И я не Сталин». И уже тыча пальцем в висящий на стене свой портрет: «Вот Сталин». Ничего подобного нельзя себе и представить о Хрущёве со всеми его преемниками. Они — вместе и врозь — годились уже не в политическую теологию, а разве что в частушки. Можно говорить о последовательном вытеснении нуминозума власти вереницей расколдованных виев: от дышащих на ладан до лихо отплясывающих шейк. Горбачёв с его незабываемым: *«Дайте я скажу то, что сказал»*, был последним советским анекдотом эпохи застоя, который он своей бестолковой перестройкой перевёл из режима застоя в режим запоя. На протрезвлении и разочаровании западной интеллигенции, начавшихся с Хрущёва, можно определить, что́ именно их очаровывало и вдохновляло. Ведь не случайно, что они заверещали о репрессиях и нарушении прав человека как раз в тот момент, когда людоед стал если не пересаживаться на диету, то постепенно ограничивать себя в приёме пищи. Вопрос: как же это случилось, что Россия, *«горькая детоубийца Русь»* Максимилиана Волошина, казалась им *«наводящей порядок»* (Бернард Шоу), в то время как другие страны (добавляет Шоу) *«лишь валяют дурака»*? И что стоило террору начать сходить на нет, как все они стали вдруг антикоммунистами, то есть (по Т. Манну) ведущими глупцами эпохи или, по-сартровски, просто *«собаками»*?! Наверное, тут не обойтись без психоанализа, причём в самой топорной и простой, как мычание, его форме. Под шум человеколюбивых и либеральных хлопушек западные гуманитарные извращенцы просто-напросто изживали свою неадекватность. Можно без труда догадаться, какой шум подняли бы они (и поднимут-таки голосами своих сегодняшних подделок), узнав, чем именно околдовал их большевизм и чем объясняется их более поздняя враждебность к России. Ответ, неожиданный и неотвратимый, — падает, как молот. Большевистский эксперимент пленил их симбиозом *эстетики* и *политики*, переносом неслыханных *художественных* практик в устоявшиеся и заскорузлые формы общественного сознания, поощрением и культивированием *невозможного* как такового, *футурошоком*, причём в и не снившихся им масштабах, короче: неким преждевременным, до всех сроков и ожиданий осуществлённым проектом *постмодерна*, переводящим жизнь и быт в состояние непрекращающихся трансгрессий и развивающим (совсем по поздней рекомендации авторов «Капитализма и шизофрении») бешеные темпы, даже стоя на месте. Россия — это, по словам Карлейля, *«огромное, тёмное, неразгаданное дитя Провидения»*, всегда плетущееся за западным опекуном и наставником в тщетных потугах догнать и перегнать его, — впервые и единственный раз оказалась в своём большевизме действительно *больше* Европы. На что их там в Европе хватало, так это на бури в стакане воды и кукиши в кармане всяческих имажинизмов, футуризмов, дадаизмов и сюрреализмов. Понятно, что у них перехватило дыхание, когда они вдруг опознали в допотопных скифах и азиатах будущих себя, собственную свою осуществлённость в перспективе парижского и берлинского 1968 года и уже дальше расчётливого безумия социальных пластик и перформансов. *«Мы впереди планеты всей»*. Это не бахвальство, а факт, который в позднем брежневском СССР, за неимением более компетентных голов, пришлось оглашать эстрадным певцам вместе с лекторами общества «Знание». Просто *«мы»* (настоящие, а не «оттепельные» и «застойные») ухитрились продать своё замятинское

первородство за хрущёвские мясо, молоко и масло, чтобы тащиться за Западом там, где он был уже обогнан со всеми своими антиутопиями и дистопиями. По образцу: продали цистерну спирта, а деньги пропили. В проекции истории: переоборудовали планету то ли под гигантский съёмочный павильон, то ли под гигантскую лабораторию по обнулению вселенной с целью повторной попытки Шестоднева и увенчали проект ещё одним вечером на хуторе близ Диканьки.

5.

Повторим: русский большевизм, в недолгий период своей адекватности, не только предвосхитил более поздний метаморфоз европейского сознания, но и задал ему тон. Если послевоенная история Запада начиная с 60-х годов есть история двух революций, *сексуальной* и *научно-технической*, то образцы обеих революций, как в форме замыслов и проектов, так и в их частичной, незавершённой, а в ряде моментов — и непревзойдённой осуществлённости, мы находим за десятилетия до этого в стране победившего марксизма. Энгельсовский скачок из царства необходимости в царство свободы был здесь скачком из мира Домостроя в мир Постмодерна: как раз туда, на чём позднее рехнётся и куда рухнет западное сознание, увлекая за собой в безумие весь земной шар, включая и надорвавшийся на собственном эксперименте большевизм. Нескольких примеров, навскидку и наугад, будет достаточно. Когда, в самый разгар поминок по ещё не усопшему, но уже не живому советскому Левиафану, незадачливая участница телемоста произнесла фразу, что «в СССР нет секса», едва ли кому-нибудь, включая её саму, пришло в голову, насколько это так и в то же время не так. В СССР действительно не было секса, если понимать под сексом не стохастику беспорядочных спонтанных сношений, а некую разновидность марксизма, где роль базиса отведена не экономике, а половому влечению (либидо), или, в огрублённой шиллеровской версии, не *«голоду»*, а *«любви»*. Советский марксизм, который, как единственный удавшийся, уже по одному этому не мог быть разновидностью, беспощадно отсекал все попытки толкования и более творческого подхода. Впрочем, так было не всегда, что видно по его неловким движениям в ранние 20-е годы, демонстрирующим склонность к самым рискованным симбиозам, одним из которых оказался купаж фрейдомарксизма, причём не только и даже не столько теоретически, сколько на деле. Поздняя сексуальная революция, практикуемая студенческими босяками Запада, выглядит едва ли не шалостью по сравнению с могучей стахановщиной пролетарской плоти, освобождающейся от брака, семьи, любви, привязанности, ревности, страданий и прочих частнособственнических пережитков и даже здесь ухитряющейся выполнять восьмидневную норму за пять часов (или, по Жиду, пятидневную за восемь). Можно вспомнить фатальную женщину Коллонтай с её теорией любви как *«стакане выпитой воды»* и диковинными фантазиями о *«браке парном, браке втроём и даже вчетвером»*, или лозунги типа *«Каждый комсомолец может и должен удовлетворить свои половые стремления! Каждая комсомолка обязана идти ему навстречу, иначе она мещанка»*, или возмущённые письма в «Правде» вроде следующего: «Муж моей подруги предложил мне провести с ним ночь, так как его жена больна и этой ночью не может его удовлетворить. Когда я отказалась, он назвал меня глупой гражданкой, которая не способна постичь всё величие коммунистического учения», или нудистское общество «Долой стыд!» под патронажем наркома Семашко, или специально устроенные павильоны, в которых любой в любое время мог уединиться с любой. Марксист, фрейдист и коммунист Вильгельм Райх, подсчитавший, что для достижения бесклассового общества надо просто трижды в неделю испытывать оргазм, списывал с этих коммунистических практик будущие студенческие коммуналки 1968 года. И только начиная с 30-х годов, когда случай в лице одного кавказца и семинариста-недоучки вступил в свои права и положил конец свальному греху в масштабах одной шестой земного шара, марксизм, опущенный *«ниже пояса»*, снова вернулся в своё исходное состояние, после чего советские люди узнали, что в СССР нет секса. Его и не было: по той же фокуснической логике, по которой не было трубки художника Магритта. *Ceci n'est pas une pipe* (это не трубка).

6.

Вторым прообразом была революция *научно-техническая*. Здесь, в отличие от первой, впечатляет не уровень реализации, а полёт фантазии. В «Повести временных лет» Волошина «командарм, путешествуя в спальном

вагоне, говорит литератору: «Я занят идеей об освобождении земли от законов всемирного тяготения. Мы обратим её в междупланетный корабль. Но ранее выправим ось. Полюса переведём на экватор. На полюсе создадим социальную республику». Этот инженерный беспредел как бы списан с хтонических чудовищ Младшей Эдды: *«Волк Фенрис несётся с разинутой пастью, его нижняя челюсть касается земли, его верхняя челюсть — неба, и он больше разинул бы пасть, будь на то пространство»*. По сути, все фантазии советских командармов: от замысла будущего автора «Котлована» разморозить Сибирь, взорвав окружающие её горы и направив в неё тёплый воздух, до позднего брежневского проекта обращения вспять великих сибирских рек, — являются ничем иным, как пастью Фенриса, нашедшего в Советском Союзе отличный (а по тем временам и единственный) космодром для утоления своих циклопических аппетитов. Нужно — ещё раз, навскидку и наугад — вспомнить мичуринскую агробиологию Лысенко по методу Макаренко: некий аналог *«республики ШКИД»* в мире растений и животных. Или богдановский Институт переливания крови в перспективе достижения *физиологического коммунизма*, где лозунг *«Все люди — братья!»* осуществляется на уровне прямого кровного родства (знал ли Богданов о члене Французской Академии и революционере аббате Морелле, который в эпоху Террора предложил своим согражданам поедать по праздникам тела казнённых — *«это блюдо стало бы подлинным причастием патриотов, просфорой якобинцев»*?). Командармами были все хоть сколько-нибудь пролетарски мыслящие граждане: от маргинального Платонова до ключевого Горького, убеждённого в том, что «если б крестьянин исчез с его хлебом, горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории». Итог советского Шестоднева подвёл не кто иной, как наркомвоенмор Троцкий в эпохальном труде «Литература и революция»:

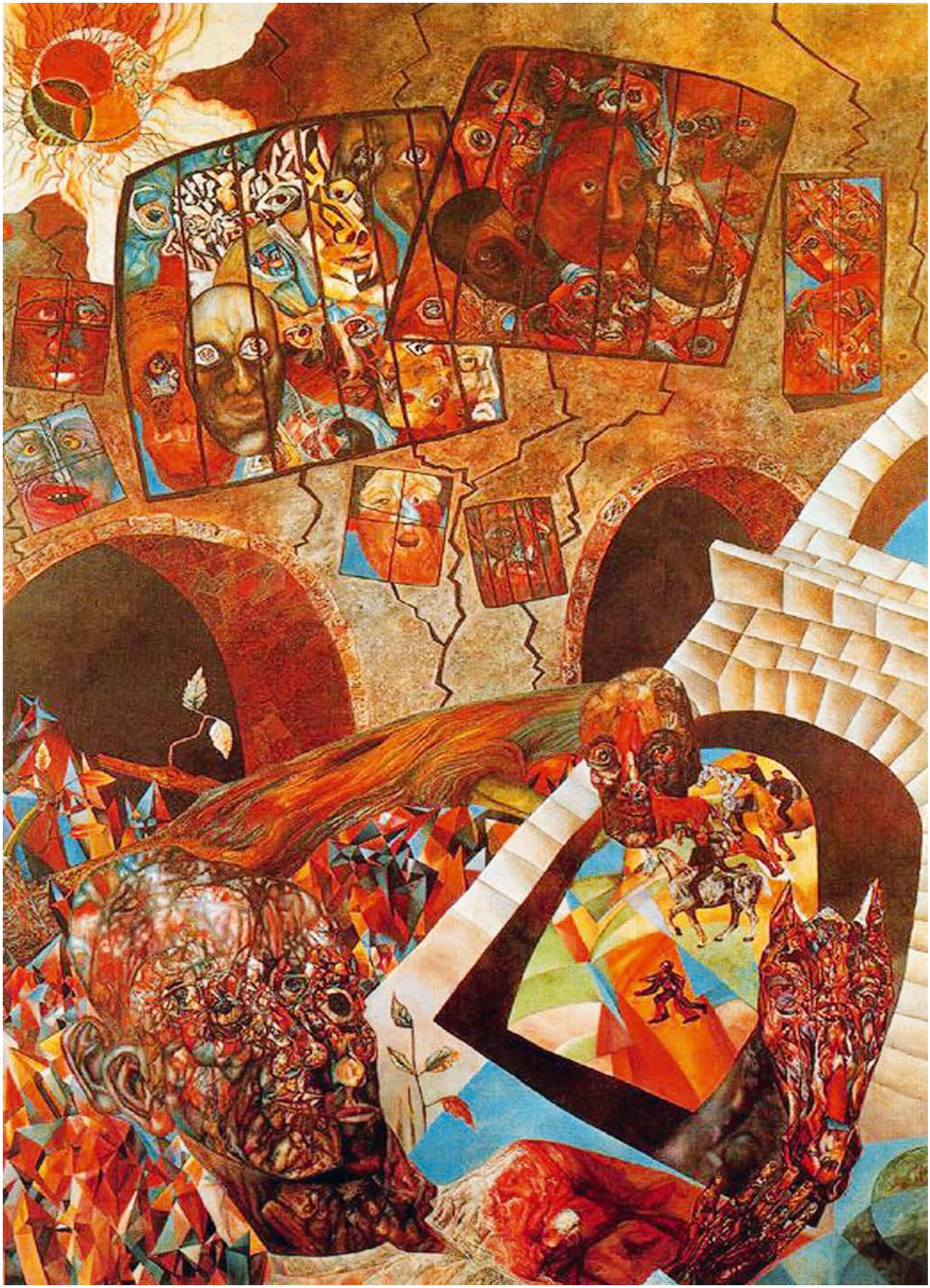
«Нынешнее расположение гор и рек, полей и лугов, степей, лесов и морских берегов никак нельзя назвать окончательным. Кое-какие изменения, и немалые, в картину природы человек уже внёс; но это лишь ученические опыты в сравнении с тем, что будет. Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берёт «на веру», действительно способна срывать и перемещать горы. До сих пор это делалось в целях промышленных (шахты) или транспортных (туннели); в будущем это будет делаться в несравненно более широком масштабе по соображениям общего производственно-художественного плана. Человек займётся перерегистрацией гор и рек и вообще будет серьёзно, и не раз, исправлять природу. В конце концов он перестроит землю если не по образу и подобию своему, то по своему вкусу. У нас нет никакого основания опасаться, что этот вкус будет плох. […] Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всём её объёме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов. Идеалистическим простачкам может показаться, что это будет скучно, — на то они и простачки. Конечно, это не значит, что весь земной шар будет разграфлён на клетки, что леса превратятся в парки и огороды. Останутся, вероятно, и глушь, и лес, и тетерева, и тигры, но там, где им укажет быть человек. И он сделает это так складно, что тигр даже не заметит подъёмного крана и не заскучает, а будет жить, как жил в первобытные времена. […] Более того. Человек примется, наконец, всерьёз гармонизировать себя самого. […] Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. […] Освобождённый человек захочет достигнуть большего равновесия в работе своих органов, более равномерного развития и изнашивания своих тканей, чтобы уже этим одним ввести страх смерти в пределы целесообразной реакции организма на опасность, ибо не может быть сомнения в том, что именно крайняя дисгармоничность человека — анатомическая, физиологическая, — чрезвычайная неравномерность развития и изнашивания органов и тканей придают жизненному инстинкту ущемлённую, болезненную, истерическую форму страха смерти, затемняющего разум и питающего глупые и унизительные фантазии о загробном существовании. Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень — создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека. До каких пределов самоуправляемости доведёт себя

человек будущего — это так же трудно предсказать, как и те высоты, до каких он доведёт свою технику. Общественное строительство и психофизическое самовоспитание станут двумя сторонами одного и того же процесса. Искусства — словесное, театральное, изобразительное, музыкальное, архитектурное — дадут этому процессу прекрасную форму. Вернее сказать: та оболочка, в которую будет облекать себя процесс культурного строительства и самовоспитания коммунистического человека, разовьёт до предельной мощности все жизненные элементы нынешних искусств. Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело — гармоничнее, движения — ритмичнее, голос — музыкальнее, формы быта приобретут динамическую театральность. Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины».

7.

Ещё раз: погибель большевистской идеи таилась не в её врагах — внешних или внутренних, всё равно, — а в ней самой: в сумасшедших темпах её самореализации, которые она не набирала, а задала себе с самого начала. Парадокс был в том, что она могла держаться не иначе, как на исключительности, что уничтожало уже всякую исключительность. Потому что нет и не может быть никакой исключительности там, где нет ничего, кроме исключительности, или, по крайней мере, ежемгновенной готовности к исключительности. *«Будь готов!» — «Всегда готов!»* Добиться этого максимума витальности можно было через террор, страх, лишения, невзгоды — по той элементарной причине, что нигде жизненный инстинкт не достигает большей силы, чем когда ему в затылок дышит опасность и смерть. Фатальным оставался вопрос: *как долго*? Как долго можно продержаться на допинге? Иначе: может ли допинг стать рационом и образом жизни? Там, где за сплошными слонами не видят букашек: переживают лесоповал в сорокаградусный мороз, возвращаются по освобождении домой, устраивают пирушку, попадают под сквозняк и умирают от воспаления лёгких. Запись из дневников братьев Гонкур: «Сент-Бёв увидел однажды первого Императора. Это случилось в Булони: последний был занят тем, что справлял малую нужду». Наверное, это и есть скромное обаяние буржуазии, о которое гнутся гвозди героизма и исключительности: Наполеон, справляющий малую нужду в момент восхода *«солнца Аустерлица»*. Здесь и лежал конец большевистской идеи: она не могла не стать (и стала-таки) *буржуазной*. Сначала украдкой и исподтишка, а после — начиная с последнего спившегося большевика Ельцина — и вовсе буржуазной. Россия, ельцинская и послеельцинская, описала круг и возвратилась к своему исчезнувшему докоммунистическому прошлому, отличительной чертой которого была её ставшая притчей во языцех *отсталость*. Но даже прежняя докоммунистическая отсталость не производила столь тягостного и невыносимого впечатления, как нынешняя послекоммунистическая. Чем большевизм покорял умы и сердца западных интеллектуалов, так это *эстетикой фронта*: фигурой *солдата* как гражданского идеала и образца. Солдатами (фронтовиками) были все без исключения: от октябрят и пионеров до шахтёров, доярок, управдомов, профессоров и уже до *дальше некуда*: гоббсовского *mortal god*, сначала в шинели, а после в мундире генералиссимуса. Наверное, именно здесь следовало бы искать объяснение парадокса, что война, заставшая советских людей врасплох, по сути, не застала их врасплох, потому что войной и на войне они жили всегда: как до, так и после войны. Что же ещё могло заворожить умного и изощрённого Сартра, обнаружившего в западной душе вирус экзистенциальной тошноты, как не полное отсутствие всякой экзистенции, причём не деланое, идеологическое, витринное отсутствие, а как раз экзистенциальное! О каких ещё экзистенциях, с их депрессиями и пилюлями, могла идти речь там, где единственной реальностью был германо-скандинавский волк, проглотивший солнце в рамках общих программ освоения целинных космических пространств?! Когда волку стало неуютно среди вчерашних стахановцев, которые предпочли *«перерегистрации гор и рек»* кукурузу и возможность покататься вокруг статуи Свободы, он просто вернулся обратно на свою историческую родину, чтобы там и оттуда продолжить большевизацию планеты — на этот раз в образе и подобии студенческих бунтарей, разрушающих устои старого мира, и гениальных технарей, воздвигающих среди обломков Творения свой новый мир начисто отшибленной памяти и сказки, ставшей былью.

Базель, 30 июня 2017



/ Александр ДОМРИН /

Ленин и Америка в 2017 году

После начала Великой Октябрьской Революции в России прошёл целый век, но, похоже, её призрак до сих пор преследует многих американцев, словно к ним до сих пор обращено ленинское «Письмо к американским рабочим» от 20 августа 1918 года — то самое письмо, в котором содержались совершенно верные и точные тезисы, не утратившие своей актуальности почти сто лет спустя: «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн».

Ленин рассматривал американскую революцию как антиколониальную: «Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве ещё теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира».

Итоги развития за первые 140 лет Соединённых Штатов, согласно «вождю мирового пролетариата», не были однозначными. Действительно, «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединённого труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники». Но негатива было не меньше: «Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наёмного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины под предлогом «освобождения» их» а в 1918 году душил Советскую Россию под предлогом «защиты» её от немцев»[1].

Согласимся, что к настоящему времени суть внешней политики США мало изменилась, но список такого рода «предлогов», используемых «богатой сволочью» против многих других суверенных государств, значительно расширился и теперь включает в себя необходимость «защиты» свободы, демократии, прав человека, откровенную агрессию под личиной «гуманитарной интервенции» и т.п.

Ленин также особо подчёркивал «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны» 1861–1865 годов. В этом случае парадоксально совпали взгляды лидера Октябрьской революции и императора Российской империи Александра II, поддержавшего президента Линкольна против рабовладельческого Юга.

Ленина в современной Америке вспоминают чаще, чем кому-то из нас в России может показаться. О нём пишут научные статьи и книги[2]. Его наследие изучают в университетах. Звезда Голливуда Леонардо ди Каприо — бабку которого звали Елена Степановна Смирнова, — говорит о своём желании сыграть Ленина в кино[3].

Мало кто из американцев знает, что, ежегодно отмечая День земли (Earth Day) 22 апреля, они тем самым празднуют день рождения Ильича. Под влиянием губернатора и сенатора из штата Висконсин Гэйлорда Нелсона и профессора

1 Ленин В.И. Письмо к американским рабочим. ПСС, 5-е изд., т. 37. с. 48–49, 58.

2 См., например: Jane Burbank, «Lenin and the Law in Revolutionary Russia», Slavic Review Vol.54, No.1 (Spring 1995), pp. 23–44. URL: *http://www.jstor.org/stable/2501118*

3 *URL: http://www.kp.ru/daily/26471/3341418/*

Стэнфордского университета, автора книги Population Bomb (1968) Пола Эрлиха впервые День земли был отмечен 22 апреля 1970 года, то есть… в сотую годовщину со дня рождения Ленина. Такое совпадение вызвало неподдельный интерес со стороны директора ФБР Эдгара Гувера, который приказал вести слежку за демонстрантами. Как утверждают некоторые исследователи, основатели Дня земли в США были впечатлены ленинским «Декретом о земле» 1917 года, отменившим право частной собственности на землю и передавшим её в достояние государства, а также советским законодательством о защите окружающей среды, созданием заповедников, проведением субботников и т.д.[4].

Американские социалисты продолжают видеть в Ленине гениального исследователя собственной финансово-экономической системы: «империализма как высшей стадии развития капитализма».

Как левые, так и правые сравнивают с Лениным то нового президента США Дональда Трампа, то несостоявшегося кандидата в президенты от Демократической партии Берни Сандерса[5].

Религиозные фанатики придумывают за Ленина цитаты, которые ему не принадлежат, и сравнивают его с Сатаной[6].

«Хотите понять, чем занимаются Трамп и Бэннон? Взгляните на русскую революцию 1917 года», — заявляет писательница из Калифорнии Анастасия Эдель. Эмигрировавшая из СССР много лет назад, она всё еще помнит ленинскую фразу о том, что ключом к успешному восстанию является захват телефона и телеграфа (на самом деле, кроме телеграфа и телефона, Ленин также писал о железнодорожных станциях и мостах)[7]. И тут же утверждает, что только что вступивший в должность 45-й президент США Трамп «в союзе с наиболее радикальными элементами Республиканской партии наводнил каналы массовой информации страны фальшивыми новостями и теориями заговора. Если Трамп ещё не овладел современными эквивалентами телефона и телеграфа, то ему, безусловно, удалось перехватить их сигналы». Утверждение более чем странное, поскольку на протяжении всей избирательной кампании «фальшивые новости» (fake news) использовались именно против Трампа.

Равносильна ли победа Трампа правительственному перевороту, подобному тому, который произошёл в России в 1917 году? Автор предсказуемо находит «тревожные параллели» (the disturbing parallels) между Лениным и Трампом, включая ту «роль, которую иностранное вмешательство сыграло в их приходе к власти». И столь же предсказуемо ссылается на никогда не подтверждённый миф о финансировании Ленина правительством кайзеровской Германии.

Между тем мифотворчество Эдель продолжается, когда она говорит о том, что «реваншистское и антидемократическое правительство России вмешивалось в выборы в США в 2016 году, используя кибервойны, чтобы склонить чашу весов к пропутинскому кандидату». «То, что казалось немыслимым всего несколько месяцев назад: снятие санкций, введённых против России за её аннексию Крыма, — теперь станет возможным. В постиндустриальном мире тоталитаризм тоже может стать глобальным».

Проигрыш Хиллари Клинтон и её сторонников на выборах, чему якобы «способствовала враждебная иностранная держава» (то есть Россия) и что якобы привело к «потрясению и беспрецедентному горю» в стране, Эдель вновь сравнивает с большевистским переворотом 1917 года. И тут уже переключается с Трампа на главного политического стратега нового президента США Стивена Бэннона, который

---

[4] См., например: Brian Sussman, Eco-Tyranny: How the Left»s Green Agenda will Dismantle America (WND Books, 2012. 315 pp). *URL: http://www.eco-tyranny.com/the-book/*; Kevin DeAnna, «Do You Know Why Earth Day is April 22? Clue: It didn»t start as celebration of butterflies, recycling and solar energy», WND, 19.04.2012. *URL: http://www.wnd.com/2012/04/do-you-know-why-earth-day-is-april-22/*; Alexander Marriott, «This Earth Day Celebrate Vladimir Lenin»s Birthday!», Capitalism Magazine, 21.04.2004. *URL: http://capitalismmagazine.com/2004/04/this-earth-day-celebrate-vladimir-lenins-birthday/*; «Of Leo and Lenin: Happy Earth Day from the Religious Right», The Free Library, Church & State. 1.05.2000. *URL: https://www.thefreelibrary.com/Of+Leo+And+Lenin%3A+Happy+Earth+Day+From+The+Religious+Right-a062402435*

[5] В 1976 году, «звуча, как Ленин, он (*Берни Сандерс.* — **А. Д.**) также потребовал от правительства фактически захватить корпоративные активы и богатство миллиардеров, а именно Рокфеллеров, и перераспределить его «для всех людей». «Bernie Sanders: «Democratic Socialist» or Out-And-Out Stalinist?» (Editorial), Investor»s Business Daily, 19.02.2016. *URL: http://www.investors.com/politics/editorials/bernie-sanders-democratic-socialist-or-out-and-out-stalinistist/*

[6] «Сначала мы возьмём Восточную Европу, а впоследствии большую часть Азии. Мы окружим последний бастион капитализма — Соединённые Штаты Америки. Нам не надо будет воевать. США упадут, как зрелый фрукт, в наши руки». *URL: http://www.tldm.org/News9/Lenin%27sProphecyAboutAmerica.htm.* Как я понимаю, источником (или одним из источников) фальшивки является следующая монография Джозефа Файндера, специализирующегося на художественной литературе в жанре «саспенс»: Joseph Finder, Red Carpet (New Republic Books/Holt, Rinehart & Winston. 1983. 372 pp. $16.95). P. 164.

[7] Ленин В.И. Советы постороннего. ПСС. 5-е изд., т. 34. с. 383.

якобы когда-то назвал себя «ленинцем» (Leninist). Эдель ссылается на журналиста Рональда Рэдоша, которому — опять же якобы — Бэннон сказал ещё в 2013 году: «Ленин хотел уничтожить государство, и это тоже моя цель. Я хочу, чтобы всё рухнуло и уничтожило весь сегодняшний истеблишмент». («Lenin wanted to destroy the state, and that»s my goal too. I want to bring everything crashing down, and destroy all of today»s establishment».)

Не поверив своим глазам и неоднократно уже удостоверившись в том, что статья Эдель строится на недостоверных источниках и содержит откровенно лживые измышления, я решил найти ту саму публикацию Рэдоша.

Что же мы видим?

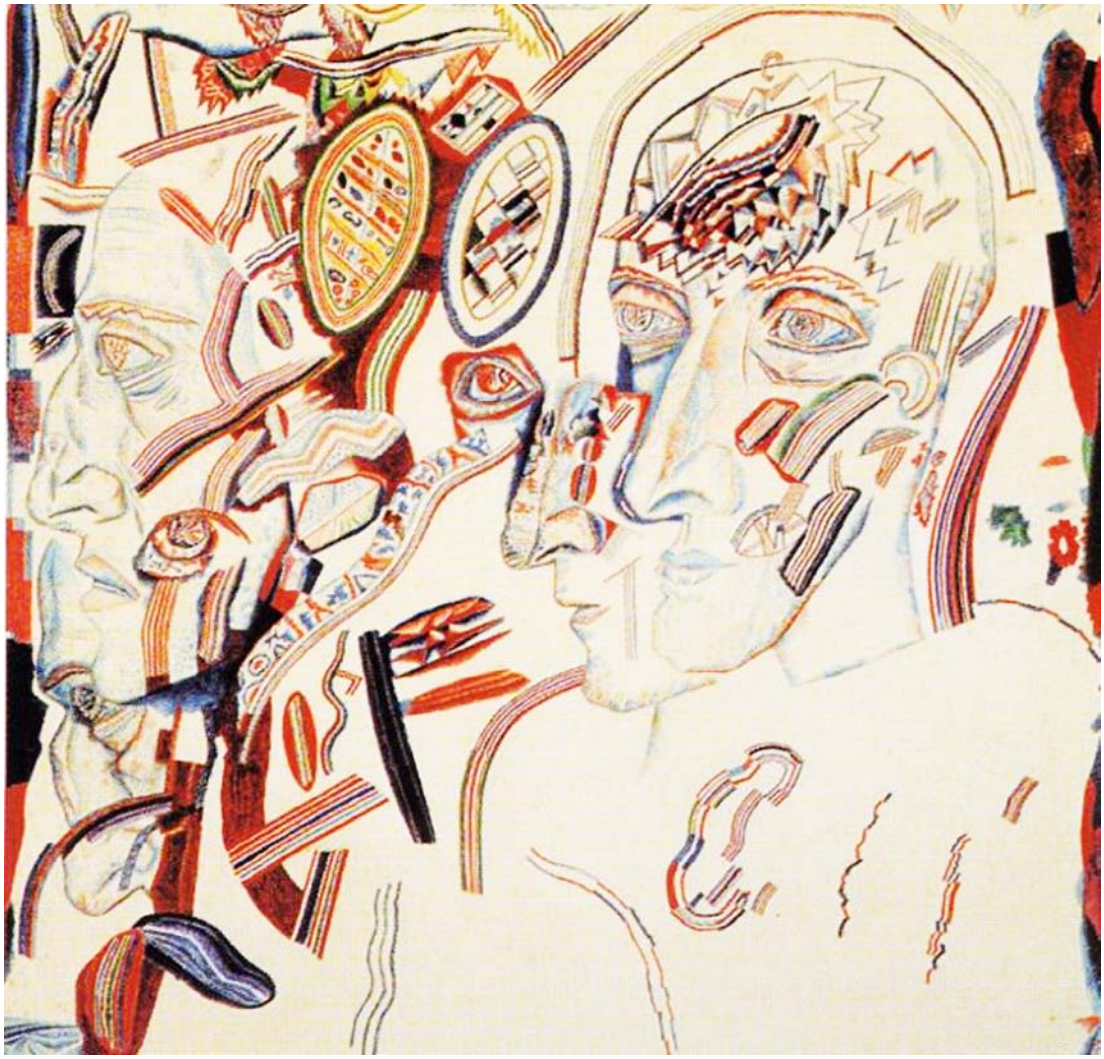
В публикации 2016 года Рэдош вспоминает о встрече с Бэнноном на книжной вечеринке, состоявшейся за три года до этого. Книжными вечеринками (book parties) в Америке называют встречи библиотечного сообщества, на которых они имеют возможность пообщаться индивидуально или семьями, почитать книги. В данном случае книжная вечеринка проходила в таунхаусе Бэннона на Капитолийском холме в Вашингтоне.

Рэдош пишет, что хозяин дома и он стояли рядом с фотографией его дочери, выпускницы военной академии Вест-Пойнта, которая в 2013 году была лейтенантом 101-й воздушно-десантной дивизии и служила в Ираке. Фотография была примечательна тем, что она сидела на «золотом троне» Саддама Хусейна с пулемётом на коленях. «Я очень горжусь ею», — сказал Бэннон.

По воспоминаниям Рэдоша, они долго обсуждали политические взгляды Бэннона. «Он никогда не называл себя «популистом» или «американским националистом», как о нем многие сегодня думают», пишет Рэдош. Дальше дадим слово самому автору: «Я ленинец», — с гордостью провозгласил Бэннон. Потрясенный, я спросил его, что он имел в виду. «Ленин, — ответил он, — хотел уничтожить государство, и это тоже моя цель. Я хочу, чтобы всё рухнуло и уничтожило весь сегодняшний истеблишмент».

Не кажется ли вам странным такое заявление Бэннона о том, что его целью является уничтожение американского государства, сделанное им ровно в тот момент, когда его дочь служила именно этому государству и рисковала своей жизнью в Ираке? Да и сам Бэннон семь лет отслужил в ВМФ США (1976–1983) и, как его дочь, был лейтенантом. Что-то здесь явно не так!

Но что же было дальше? За неделю до публикации своей статьи (и всего за три месяца до по-



беды Трампа на президентских выборах, заслуга в которой в значительной мере принадлежит его главному политическому стратегу) Рэдош связался по электронной почте со Стивом Бэнноном, чтобы напомнить ему о том давнем разговоре. Ответ Бэннона был очень коротким: «Я не помню встречи с вами и не помню разговор»[8].

А вот этому я уже верю!

Тем не менее бездоказательная статья Рэдоша была опубликована в газете Daily Beast, поддерживавшей Хиллари Клинтон, и на неё стали злонамеренно ссылаться недобросовестные «клинтоноиды» вроде Анастасии Эдель и ей подобных, вновь и вновь сравнивающих Трампа и Бэннона с Лениным и большевиками[9].

Расследовательское интернет-издание Snopes занималось этим вопросом, не нашло ни одного подобного заявления со стороны Бэннона и пришло к выводу о том, что «воспоминания» Рэдоша являются «недоказанными» (unproven)[10].

Однако даже если нет подтверждения того, что Бэннон когда-либо называл себя «ленинцем», всегда можно сказать, что его электронное издание Breitbart — одно из крайне немногих американских СМИ, объективно освещавших президентскую кампанию 2016 года, — «напол-

[8] Ronald Radosh, «Steve Bannon, Trump»s Top Guy, Told Me He Was «A Leninist» Who Wants To «Destroy the State». The Breitbart executive director turned GOP leader boasted at a party about his goal of destroying the conservative establishment», The Daily Beast, 22.08.2016. *URL: http://www.thedailybeast.com/articles/2016/08/22/steve-bannon-trump-s-top-guy-told-me-he-was-a-leninist.html*

[9] См., например: Alexandra Rosenmann, «Morning Joe» Horrified by Steve Bannon»s Strange Claim to Be Leninist», AlterNet, 28.02.2017. *URL: http://www.alternet.org/news-amp-politics/morning-joe-horrified-steve-bannons-world-view-influencing-american-policy; URL: http://time.com/4657665/steve-bannon-donald-trump/*

[10] *URL: http://www.snopes.com/bannon-leninist-destroy-state/*

нено ненавистью» и «явно ленинское по тону», как это сделала английская «Гардиан»[11]. Другая британская газета «Телеграф» идёт ещё дальше и сравнивает Бэннона с германскими нацистами. Заголовок статьи более чем красноречив: «Стив Бэннон разделяет фашистскую одержимость чистками, апокалипсической войной. И теперь он в Белом доме»[12].

Какие же выводы делает в своей статье Эдель? «Фундаментально их (*Ленина и Трампа.* — **А. Д.**) цели не различаются» (fundamentally, their goals are not that different), — пишет она. И предупреждает: «То, что поставлено на карту: демократия в США и во всём мире, — слишком важно, чтобы «сидеть и ждать». Мы все знаем, кто пришёл после Ленина»[13].

Так кто же всё-таки призывает к государственному перевороту в Америке: законно избранный президент США Трамп, «ленинец» Бэннон или местные либерал-экстремисты?

Между тем о влиянии Октябрьской революции в целом и В.И. Ленина в частности на американское законодательство написаны сотни томов.

Скажем, существует прямая связь между событиями в России и принятием в США в 1919 году (ратифицирована в 1920 г.) 19-й поправки, предоставившей — через два года после России и только через 132 года после принятия Конституции США! — американским женщинам избирательные права[14].

Равно как и либерализация трудового права, закрепившая за рабочими в США более значительные социальные права[15]. Американская компартия (CPUSA), основанная через два года после Октябрьской революции, создавала первые профсоюзы, а также инициировала обширные прогрессивные реформы в сфере труда, которые до сих пор работают. Любопытно, что прах Уильяма «Большого Билла» Д. Хейвуда (1869–1928), «Линкольна рабочих», одного из основателей и лидеров синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира» (the Industrial Workers of the World) — во время своего наивысшего расцвета в 1923 году организация насчитывала приблизительно 100 тысяч членов и располагала поддержкой примерно 300 тысяч рабочих! — и одного из лидеров Социалистической партии Америки, похоронен в Кремлёвской стене[16].

Несмотря на вековое противостояние между американской элитой и коммунистической идеей, работы Ленина никогда не оставались без внимания со стороны серьёзных экономистов не только левой или социалистической ориентации. Но применимы ли они к сегодняшней ситуации в США?

Неприглядная правда о современной американской экономике такова.

К 2012 году, когда был переизбран на второй срок президент Барак Обама, 48% всех американцев считались «малообеспеченными» либо живущими в «бедности». Примерно 57% всех детей в США живут в семьях, которые считаются «малообеспеченными» или бедными.

77% всех малых предприятий в США не планируют нанимать новых сотрудников. Ко второму президентскому сроку Обамы в США стало меньше рабочих мест, чем в 2000 году, хотя с того времени население страны увеличилось на 30 миллионов человек. В 1969 году 95% всех мужчин в возрасте от 25 до 54 лет имели работу. К 2011 году эта цифра сократилась до 81,2%. Соотношение задолженности населения к его доходам составляет 154%.

Со стагнацией экономики сократилось и число браков. Согласно анализу Pew Research Center, только 51% всех американцев старше 18 лет состоит в браке. В 1960 году их было 72%.

Согласно Национальному центру по вопросам детей в бедности, в бедности живут 36,4% всех детей Филадельфии, 40,1% всех детей Атланты, 52,6% — Кливленда и 53,6% — Детройта. Каждый седьмой американец и каждый четвёртый ребёнок пользуются талонами на льготную покупку продуктов. 48,5% американцев живут в семьях, которые получают те или иные льготы и пособия. В 1983 году эта цифра не достигала и 30%.

---

11 Victor Sebestyen, «Bannon says he»s a Leninist: that could explain the White House»s new tactics», The Guardian, 6.02.2017. *URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/06/lenin-white-house-steve-bannon*

12 Tara Isabella Burton, «Steve Bannon shares a fascist»s obsession with cleansing, apocalyptic war. And now he»s in the White House», The Telegraph, 7.02.2017. *URL: http://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/07/steve-bannon-shares-fascists-obsession-cleansing-apocalyptic/*

13 Anastasia Edel, «Want to understand what Trump and Bannon are up to? Look to the Russian Revolution of 1917», Quartz, 31.01.2017. *URL: https://qz.com/898053/want-to-understand-what-trump-and-bannon-are-up-to-look-to-the-russian-revolution-of-1917/*

14 См., например, программу соответствующего курса в Гарвардском университете: *https://daviscenter.fas.harvard.edu/teach/teaching-resources/curricular-modules/women-and-revolution*

15 См., например: Бекяшев Д.К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты). Учебник. М.: Проспект, 2012.

16 Подробнее см.: «Билл Хейвуд: от Солт-Лейк-Сити до Кремлёвской стены». URL: http://communist.ru/?p=386

Только за первый президентский срок Обамы правительство США накопило больше внешнего долга, чем за весь период американской истории от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. К моменту вступления в должность Дональда Трампа государственный долг США увеличивался на 4 миллиарда долларов в день, вырос вдвое с 2009 года и составил почти 20 триллионов долларов. Если бы федеральное правительство начало его выплачивать со скоростью одного доллара в секунду, это заняло бы примерно 600 000 лет[17].

Несмотря на то что показатели производительности труда в США (т. е. мера того, какой объём работы выполняет тот или иной работник за один час) увеличивались в течение последних 30 лет, уровень заработной платы американского рабочего в течение всего этого времени оставался на прежнем уровне, тогда как зарплата топ-менеджеров неуклонно росла.

На каждый доллар, который зарабатывает американский рабочий, топ-менеджеры получают около 510 долларов, что является наихудшим соотношением заработной платы где-либо в мире. Членство в профессиональных союзах в частном секторе составляет менее 8% рабочей силы — самый низкий процент, когда-либо регистрировавшийся в США. Официальный уровень безработицы остается на уровне 10%, хотя он, безусловно, выше, поскольку безработные не учитываются, когда им перестают платить пособия.

Рабочие нагрузки растут, заработная плата сокращается, безработица ползёт вверх — такова реальность современных США[18].

Как пишет Роберт Бридж, «без какого-либо законного демократического представительства на корпоративном поле Америки, каковым являются профсоюзы, ограничения в области трудового права будут только нарастать. Хотя профсоюзы также далеко не всегда являются совершенными, оставить работника полностью во власти корпораций — это обречь его дальнейшие злоупотребления со стороны «денежных мешков»[19]. Таких, как Walmart — крупнейший частный работодатель Америки[20].

Однако какое отношение к современной американской экономике имеет В. И. Ленин?

В своей статье «Критические исследования глобализации: эмпирический и теоретический анализ нового империализма», опубликованной выходящим с 1936 года авторитетным нью-йоркским изданием «Наука и общество. Журнал марксистской мысли и анализа, австрийский исследователь Кристиан Фукс пишет, что было бы ошибкой игнорировать Ленина как простого «памфлетиста», как это делают некоторые американские исследователи. Фукс напоминает, что при написании своей фундаментальной работы 1916 года «Империализм как высшая стадия развития капитализма»[21] будущий лидер Октябрьской революции провёл «огромную подготовительную работу… которая зафиксирована в его 21 тетради по империализму,.. где содержатся заметки о 150 книгах и 240 статьях».

Ссылаясь на данные статистической службы ЕС (Eurostat), Фукс пишет: «Крупные компании (т. е. те, в которых занято более 250 сотрудников) в 27 странах Европейского союза составляют лишь 0,2% от общего числа предприятий, однако в них сконцентрировано 32,9% всех работников, 42,5% общего оборота и 42,4% от общей добавленной стоимости». Слияния и поглощения обуславливают беспрецедентный уровень концентрации капитала. «Производство стало более концентрированным благодаря слияниям и поглощениям», — пишет Фукс. Общая стоимость ежегодных сделок по слияниям и поглощениям в мире резко возросла: с 74,5 млрд долл. США в 1987 году до 880,5 млрд долл. США в 2006 году». Это означает увеличение с 863 ежегодных слияний и поглощений, как это было в 1987 году, до 6974 в 2006-м.

Фукс напоминает, что Ленин отмечал особую роль банковского сектора при империализме, что даёт банкам огромные экономические возможности для управления капиталистической экономикой. Исследователь проанализировал список «Forbes 2000» 2008 года, куда вошли 2000 крупнейших компаний мира из разных секторов экономики, и представил следующие результаты, которые в значительной степени объясняют, почему в ходе экономического кризиса

17 Подробнее см.: Michael Snyder. 50 Economic Numbers From 2011 That Are Almost Too Crazy To Believe. — The Economic Collapse, 16.12.2011.

18 Robert Bridge, «Lessons that Lenin will (probably) never teach America», RT, 22.04.2010. *URL: https://www.rt.com/usa/lessons-lenin-teach-america/*

19 Там же.

20 Подробнее см., например: The biggest non-government employer in each U. S. state. *URL: http://www.vividmaps.com/2017/04/the-biggest-employer-in-each-us-state.html?spref=fb*

21 Ленин В.И. Империализм как высшая стадия развития капитализма. ПСС, 5-е изд., т. 27. с. 299–426. *URL: http://uaio.ru/vil/27.htm*

2008 года правительство США в первую очередь стремилось выручить банковский сектор. «Финансовые компании и корпорации финансовых услуг вместе составили главную долю основных фондов — 75,96%. Вторым по величине сектором были нефть, газ и коммунальные услуги — 5,82%. Третьим — информационный сектор, в том числе включающий в себя телекоммуникации, технологическое оборудование, медиаконтент, программное обеспечение — 4,63%».

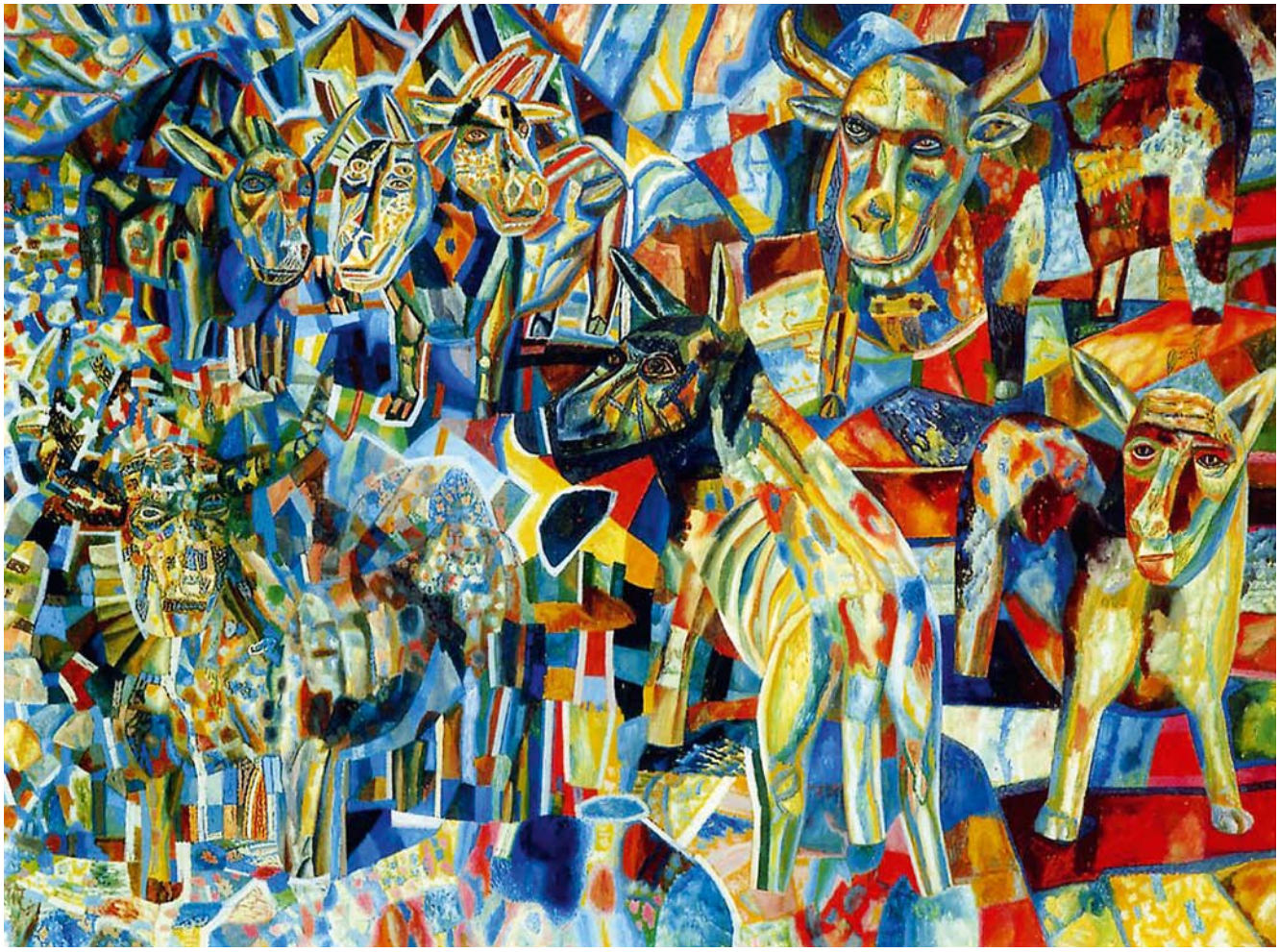
Вывод Фукса очевиден: «Эти данные свидетельствуют об экономическом доминировании финансов»[22], — как и писал В.И. Ленин ещё в 1916 году[23].

Как это проявляется в политической жизни страны?

Накануне последних президентских выборов в США возник запрос на национального лидера. Именно национального, патриотичного, а не ставленника «либерального интернационала». К значительной части населения страны и национального бизнеса в реальном секторе экономики пришло осознание того, что их страна находится под оккупацией международных финансовых спекулянтов, что Америка принадлежит не себе, а мировой финансовой закулисе, ставленниками которой являются Барак Обама и его предполагаемая сменщица Хиллари Клинтон.

Таким образом, выбор американского народа — того самого «демоса», от которого происходит понятие «демократия» — в пользу Дональда Трампа 8 ноября 2016 года был абсолютно логичен и прогнозируем. А то, что он был сделан в первый день сотой годовщины Великого Октября, можно считать иронией истории.

Круг замыкается!



[22] См. неполную версию статьи: Christian Fuchs, «Critical Globalization Studies: An Empirical and Theoretical Analysis of the New Imperialism», Science & Society: A Journal of Marxist Thought and Analysis. Vol. 74, April 2010, No. 2, pp. 215–247. URL: http://guilfordjournals.com/doi/abs/10.1521/siso.2010.74.2.215? journalCode=siso; https://philpapers.org/rec/FUCCGS

[23] Также см.: Глазьев С.Ю.. Глобальный системный кризис и феномен Трампа // Изборский клуб, 2017, № 2 (48), с. 6–13.

/ Алексей АНПИЛОГОВ /

Страницы Революции. Ленин и Ататюрк

События двух русских революций 1917 года, 100-летие которых мы отмечаем в этом году, породили целое «эхо» событий, оказавших значительное влияние на мировые процессы. Причём речь тут идёт отнюдь не о «высоком ампире» сталинского СССР, когда Советский Союз встал у руля мировых процессов после победы во Второй мировой войне, но о событиях 1917–1923 годов, когда от находящейся в «огненном кольце фронтов», а потом — и в тотальной международной изоляции Советской России, казалось бы, трудно было ожидать каких-либо активных и прорывных действий на международной арене.

В то время Советская Россия, унаследовав от русского царизма и особенно от Временного правительства совершенно разгромную ситуацию во внешней политике, да ещё и пребывая де-факто в состоянии войны практически со всеми мировыми державами, смогла предложить миру совершенно иную политику. Основой этого ленинского подхода к построению взаимоотношений с другими странами и нациями была опора отнюдь не на обломки старого мира, но на те силы, которые, как и сами большевики, были организаторами и лидерами таких же тектонических изменений в других странах, как и те, что проводили большевики в России. При этом, в силу неизбежной пестроты и разнообразия такого рода союзников, платформой взаимодействия с ними был отнюдь не банальный «экспорт революций», как это пытались представить впоследствии, но достижение справедливого государственного и общественного устройства — с опорой на внутренние движущие силы и в логике самих союзников Советской России. Внешнеполитической же платой такого рода союзников за помощь являлось построение равноправных взаимоотношений с РСФСР и уважение её собственного права на построение нового мирового проекта.

Поэтому понять всю красоту комбинации, реализованной Совнаркомом РСФСР и лично Владимиром Ильичём Лениным в 1917–1923 годах на турецком направлении, не рассмотрев картину во всём богатстве палитры, невозможно. В этом анализе прежде всего следует учесть, что поражение Османской империи, вступившей в войну на стороне Второго рейха, было страшным. «Больной человек Европы», не разделённый в начале XX века только потому, что Великие Силы опасались сложностей при дележе, агонизировал, и в октябре 1918 года, после капитуляции Берлина и Вены, Высокая Порта безоговорочно приняла продиктованные англичанами в Мудросе условия перемирия — без права вносить в него любые поправки. Происходило это в условиях тяжелейшего военно-политического поражения Османской империи: к моменту Мудросского перемирия Сирия и Ливан уже перешли под контроль Франции, а Палестина, Иордания и Ирак были захвачены Великобританией. Одновременно с этим на западе Аравийского полуострова при поддержке англичан образовались независимые арабские государства: Хиджаз, Неджд, Асир и Йемен. Фактически Порта по итогам Первой мировой войны вернулась к своим границам 1453 года, да ещё и потеряв кроме территорий в Азии и всё своё влияние в турецкой Европе.

Но даже кабальных условий Мудроса оказалось недостаточно для Антанты: спустя два месяца победители — Лондон, Париж и Вашингтон — сели за стол переговоров в столице Франции, чтобы решить, каким будет послевоенный мир и в каком объёме придёт горе к побеждённым. Относительно турок условия капитуляции согласовали в 1920 году, в Севре, и пощады османы не дождались. Порте приказали отдать союзникам Сирию, Ирак, все остальные земли, населённые арабами, все османские владения в Европе — в целом более 10 миллионов километров в квадрате. Средиземноморские турецкие острова отходили

к Италии, но что ещё страшнее — союзники расчленяли и саму Турцию, передавая весь запад Анатолии, населённый армянами, Араратской Республике (со столицей в Ереване), либо же «второй Армении» (она же «вильсоновская Армения»), уходящей под мандат США. Впервые возникал на карте и независимый Курдистан, чьё существование мыслилось как противовес анатолийским туркам, которые оставались запертыми на тесном плоскогорье Центральной Анатолии, теряя практически все крупные приморские города, включая и столицу Порты — Стамбул. Фактически послевоенная Турция прошла весь тот путь, который союзники из Антанты мыслили начертать и для мятежной Советской России, — и только чудо спасло современную Турцию от исторического забвения. И имя этого чуда — Кемаль Ататюрк, а также помощь Турции со стороны Советской России.

Севрский договор, чин чином подписанный султаном, вступил в законную силу — вот только оказалось, что далеко не все согласны с ним. В частности, с позорным миром не согласились влиятельные армейские лидеры во главе с генералом Мустафой Кемалем, создавшие в анатолийской глубинке некий «орган власти», пышно названный «Великим национальным собранием Турции».

Естественно, Мустафа и его сторонники, стремившиеся не потерять хотя бы хоумленд и построить национальное турецкое государство, — пусть без великих амбиций, но своё, демократическое и процветающее, — никем не признанные, стремились хоть как-то прорваться во внешний мир, найти хоть какую-то опору, хоть какой-то источник ресурсов. Было ясно, что на Антанту опираться было бесполезно — для победителей в Первой мировой турки были лишь «непокорной едой», усмирить которую, приготовить и подать к столу, отрезав себе немалый кусок за работу, было указано грекам, воодушевлённым редкостным шансом создать «Великую Элладу», а если повезет, то даже восстановить Византийскую империю. Противопоставить греческому наступлению в Турции, прекрасно подготовленному за счёт Франции и Великобритании, самопровозглашённому «правительству» в Анкаре было решительно нечего — храбрость и патриотизм без боеприпасов были не в счёт. Поэтому неудивительно, что уже в апреле 1920 года Кемаль написал письмо в Москву, справедливо рассудив, что проблемы у кемалистов и у большевиков одинаковые, а значит, «непризнанным» лучше держаться вместе. Мустафа не прогадал: спустя полгода, только-только решив вопрос с Польшей и Врангелем, РСФСР, невзирая на тяжелейшее положение с финансами, направила Анкаре большое количество вооружений — 6 тысяч винтовок, свыше 5 млн винтовочных патронов, 17 600 снарядов, а также «хлеб войны» — 200,6 кг золота в слитках, без чего, как признавал впоследствии сам Кемаль, дело «новой Турции» было бы обречено.

Решение это, — а инициатором его, поскольку споры были долгие и трудные, стал лично Владимир Ильич, — многим казалось не вполне обоснованным, а уж в постперестроечные годы нашлось немало желающих оттоптаться на нём как на «категорически ошибочном». Дескать, огромные деньги потратили на поддержку идеологического, да и геополитического противника. Однако это категорически не соответствует истине. Тогдашняя политическая обстановка не предполагала долгосрочных планов, но, напротив, предлагала веер тактических задач, решать которые необходимо было по мере поступления, — и в этом смысле проигрыш Кемаля означал бы моментальное усиление позиций Антанты как в самой Турции, так и в Закавказье, новоиспечённые страны которой — Азербайджан, Грузия и Армения на нее рабски ориентировались. Фактически отказав Кемалю, Советская Россия теряла бы в очень короткой перспективе и Кавказ, и Кубань, да и весь Черноморский регион в придачу.

Иными словами, решение Москвы было ходом на упреждение. Отказавшись признать империалистический Севрский договор, Советская Россия дала туркам возможность не просто продолжать борьбу, но и вести её на два фронта: на западе — против греков, сателлитов Лондона, и на востоке — против Араратской республики, дашнаки которой ориентировались на Париж и частично на Лондон. Советская Россия продолжала всеми силами поддерживать молодое турецкое государство, и отнюдь не даром. Влияние кемалистов в Закавказье было достаточно велико, и в обмен на неоценимую помощь правительство Кемаля уступило Москве традиционные сферы российского влияния, по Брестскому миру отданные Порте. С их согласия Красная армия вошла в районы, считавшиеся «спорными» (за которые боролись Ереван и Баку): в Нахичевань, Зангезур и Карабах. А когда в декабре 1920 года турки разгромили армию Араратской Республики, она уцелела только ценой «советизации» и ухода под «крышу» РСФСР. Таким образом, в 1921 году было зафиксировано согласие на максимально

благоприятных для РСФСР условиях: Анкара приняла статус-кво по состоянию на 1877 год, то есть Карс и Ардаган всё же оставила себе, но Азербайджан, Армения и Грузия (что очень важно, вместе с портом Батуми!) стали советскими республиками. Уже одно это, не говоря обо всём прочем, с лихвой окупило и 6 тысяч винтовок, и два центнера золота.

Впрочем, и золото, и винтовки, и не только винтовки, и военные советники продолжали прибывать в Анкару с севера и в дальнейшем.

Турки дрались с греками, но получалось не очень хорошо. Кемалисты отступали, и проигрыш означал бы как минимум полный уход из Европы, — и только благодаря помощи Советской России этого проигрыша не случилось. В январе–марте 1921 года в тяжелейших боях на реке Инёню кемалистам, наконец, удалось затормозить победное наступление греков, а затем, когда интервенты, получив помощь Антанты, двинулись на Анкару, войскам Кемаля удалось остановить и обескровить их в не менее тяжёлом, тоже затянувшемся на два месяца сражении у реки Сакарья. Столица «новой Турции» и власть кемалистов были спасены, а греческая армия начала отход, быстро превратившийся в бегство. Видя, что перелома достичь не удастся, в октябре 1921 года Франция заключила с Кемалем сепаратный мир и вывела свои войска из Киликии. С этого момента победа турок была предрешена: они шли на запад, попутно «окончательно решая» армянский вопрос на востоке.

А теперь, думается, самое время вернуться к вопросу вопросов: а была ли столь обширная помощь Советской России кемалистам целесообразной? В принципе, частично ответ уже дан: поскольку в рамках ответной любезности турки закрыли глаза на советизацию Закавказья, — безусловно, была. Но даже в плане идеологии эту помощь вряд ли можно назвать ошибочной, ибо внешняя политика Ленина и его команды в отношении колониального и полуколониального Востока строилась на признании позитивного характера народно-освободительных движений, пусть и национально-буржуазных, но ослабляющих мировой империализм и, следовательно, снижающих давление ведущих мировых держав на молодое социалистическое государство. С точки зрения Ленина, социальные революции, подобные «революции Кемаля», подрывали экономические основы западного империализма, сокращали используемый им ресурс полезных ископаемых и дешевой рабочей силы. Этот подход только укрепился после очевидной неудачи с экспортом социалистической революции в развитую Западную Европу, когда стало понятно, что РСФСР, а затем и СССР предстоит вставать на ноги во враждебном окружении. В такой ситуации более чем актуальным стал поиск тактических союзников в глобальной борьбе с западным капиталом, и если на роль такого союзника сгодился даже феодальный, монархический, но настроенный антибритански Афганистан, то уж этатизированная и светская Турция подходила для этого в гораздо большей степени.

Именно исходя из этих не столько идеологических, сколько сугубо практических соображений Совнарком РСФСР и одобрил

подписание Договора о дружбе и братстве между правительством Анкары и Советской Россией, состоявшееся 16 марта 1921 года в Москве, в самый разгар турецкой войны за независимость. После чего, уже в соответствии с приложениями и официально, в Анкару были направлены хлеб (много хлеба!), более 33 тысяч винтовок, около 58 миллионов патронов, 327 пулемётов, 54 артиллерийских орудия, более 129 тысяч снарядов и много другой военной техники. Вдобавок к этому в Турцию попали 10 миллионов рублей золотом плюс «золотая голова» Михаила Васильевича Фрунзе, лучшего советского полководца.

Результаты не заставили себя ждать. В августе 1922 года турки наголову разгромили греков у Думлупынара, 9 сентября вошли в Измир, а в октябре заняли Стамбул, определённый Антантой как «международная зона» и используемый как город размещения марионеточного правительства «старой Порты». С двоевластием было покончено. Султан Мехмед VI бежал и закончил свою жизнь в эмиграции, греческая армия покинула Анатолию, увозя с собой остатки греческого населения, — и вскоре было подписано Муданайское перемирие, а затем и Лозаннский мирный договор 1923 года.

Так, благодаря Советской России и лично гению Ленина, родилась современная Турция не просто выстоявшая, но и сумевшая добиться пересмотра многих статей убийственного для турецкого народа и турецкой государственности Севрского договора. Новые турецкие границы были уже границами не произвольными, но национальными, — и сегодня на карте мира отражены именно они. Турция, удержав Восточную Фракию, вернулась в Европу, а вернув Стамбул, сохранила и геостратегическое значение. То же касается и прибрежных городов Эгеиды — без них современной Турции просто бы не существовало. Правда, кемалистам пришлось признать потерю Аравии, Месопотамии, Палестины, Трансиордании, Ливана и Сирии. Но это как раз Кемаля (уже Ататюрка) вполне устраивало, ибо он мечтал о создании национального государства европейского типа, и арабы в таком государстве только мешали — вполне хватало и проблемы курдов, которых предстояло ещё безуспешно убеждать весь XX век в том, что они турки.

Кроме того, Лозаннский договор, перечеркнув старые соглашения, так как Ататюрк не взял на себя «преемственность» от османов, отменил и международный финансовый контроль над Турцией, а также режим капитуляций, по которому иностранцы получали систему экономических и политических льгот в Турции. Турции достойно давалось 20 лет на частичное погашение внешних долгов бывшей Османской империи — и всё. Это тоже стало значительной политической победой молодого турецкого государства, получившего возможность аккумулировать средства для перестройки экономики на новый уровень, — и, безусловно, всего этого не могло бы случиться, не оказывай Анкаре помощь дружественная РСФСР. «Победа новой Турции, — писал позже сам президент Ататюрк, — разумеется, была бы невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально. И было бы преступлением, если бы наша нация забыла об этой помощи».

Впрочем, как уже говорилось, советско-турецкий договор 1921 года был также выгоден и Москве, ибо предусматривал невмешательство Турции в дела Северного Кавказа и Закавказья, что полностью развязало Москве руки в отношении очень мешавшей советизации Кавказа меньшевистской Грузии. Следовательно, все поставки оружия, ресурсов, золота, сделанные, несмотря на голод и разруху в самой Советской России, политически себя оправдали — Россия получила контроль за критически важным Закавказьем и Кавказом, что потом во многом обеспечило успех обороны страны в страшные дни 1942 года, сохранило доступ к критически важной нефти Баку и молибдену Грузии.

Даже притом, что с точки зрения идеологии итоги событий 1917–1923 годов противоречили взглядам «пуритан от марксизма», их влияние на будущее СССР невозможно недооценить. Действительно, сам Мустафа Кемаль был идеологическим противником идей коммунизма. Даже открытым врагом, считавшим марксизм «вредной идеей» и ставившим своей целью не коренное переустройство общества или социалистическую модернизацию по типу Советской России, но перестройку страны по модели западно-капиталистического светского общества. В чем, к слову, его можно понять: он был человеком своего круга и своего времени — да и сам сильный и процветающий Запад выглядел тогда куда лучшим образцом для подражания, нежели слабая в те времена «красная Россия». Поэтому — буржуазный турецкий национализм, с опорой на светские ценности. И поэтому же — жестокие репрессии против турецких коминтерновцев, закончившиеся поголовным истреблением «первых ласточек» турецкого коммунистического движения с же-

стоким утоплением их в Чёрном море. Всё это было, и сам Владимир Ильич, как известно, это понимал, однажды печально отметив: «Нам будет не хватать товарища Субхи». Но!

Но идеология идеологией, а политика политикой. Уникальная геополитическая ситуация, сложившаяся после окончания Первой мировой войны, создала условия для временного сближения двух идеологически несовместимых государств: интернационально-коммунистической России и буржуазно-националистической Турции, и хотя Владимир Ильич в смысле идеологии всегда был бескомпромиссен, но его гениальность как практического политика диктовала ему отойти от догмы и прийти к необходимости сотрудничества, критически важного для обеих геополитических «изгоев». И пусть даже долговременным союзником новой России «новая Турция» не стала, — да и не могла стать, — при всём том, что тактический союз мог перерасти в союз стратегический в силу столкновения геополитических интересов, факт остаётся фактом: из конкретной ситуации ленинский Совнарком и Ленин, пожертвовав определённым количеством ресурсов, сумели извлечь максимальную политическую выгоду. А это уже совсем немало, а по нынешним «имплицитно-эвентуальным» временам — так, пожалуй, фантастически, неизмеримо много. Такое в истории мало кому удаётся — но ведь и Ленины рождаются отнюдь не каждый век.

Русский реактор: новый запуск —
М.: Книжный мир, 2017. — 288 с.
(Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Основой для этого издания послужили материалы тематического выпуска журнала «Изборский клуб» (2017, № 3 (49), посвящённого «вечным кодам», по которым живёт Россия, и неиссякаемым энергиям её бытия в этом мире. Александр Проханов и епископ Августин, Сергей Батчиков и Михаил Делягин, Виталий Аверьянов и Александр Нагорный, Леонид Ивашов и Олег Розанов, Константин Сёмин и Сергей Черняховский, Иван Охлобыстин и Александр Нотин с разных позиций исследуют программы и технологии этого «русского реактора», который уже начал свою работу в новом историческом цикле.

В ноябре 2016 года российский президент, награждая юного лауреата премии Русского географического общества Мирослава Оскирко, задал этому 9-летнему вундеркинду вопрос о том, где заканчиваются границы России, и, получив ответ, в котором фигурировал Берингов пролив, сказал: «Неправильно. Границы России нигде не заканчиваются», — а затем пояснил, что это шутка. Но шутку самого влиятельного политика современности весь мир принял всерьёз. Потому что это — правда. Не в смысле каких-то территориальных притязаний нашей страны, а в смысле того, что для её энергий, для её влияния в мире XXI века действительно нет никаких границ. Что и утверждает Александр Проханов: «Где заканчиваются границы России? Там, где заканчиваются границы России, сразу начинается Царствие Небесное. А где заканчивается Царствие Небесное, начинается Россия».

Александр АГЕЕВ. Преображение: ветхозаветные предвосхищения и новозаветные смыслы. —
М.: ИНЭС, Рубин, 2017. — 324 с.

Монография постоянного члена Изборского клуба, доктора экономических наук, генерального директора Института экономических стратегий отделения общественных наук РАН посвящена, казалось бы, не слишком близкой к экономике теме: Преображению Господню. «Паламитский» спор XIV века о Фаворском Свете, связанный с этим событием, описанным во всех канонических Евангелиях, был последним по времени фундаментальным богословским спором в православном христианстве, определившим не только возможность участия тварного человека в Божественной энергии, нераздельной и неслиянной с сущностью Бога, но и победу на Куликовом поле. Преображение России, в том числе — социально-экономическое, невозможно без его соотнесения с Преображением Иисуса Христа, феномен которого с точки зрения на вопрос «как жить?» глубоко и всесторонне рассматривает автор.

Николай СТАРИКОВ. Война чужими руками —
М.: Эксмо, 2017. — 352 с.
(Серия «Николай СТАРИКОВ. Больше, чем публицистика»)

«Когда не стреляют пушки, огонь ведут террористы. Пока молчат генералы, разговаривают экономисты и сотрудники спецслужб, — чтобы получить для политиков своего государства инструмент, чтобы создать «чужие руки» для решения своих задач», — утверждает автор этой книги, известный российский общественный и политический деятель. Война «чужими руками», или, как часто называют её сегодня, «прокси-война» является неотъемлемой частью военного искусства, хорошо известной с глубокой древности, и ведётся она, как правило, на поле ценностей и смыслов, то есть представляет собой разновидность высшего уровня системной конфликтологии — трансформационного. Новая работа Николая Старикова посвящена тому, как «войну чужими руками» использовал и использует против остального мира «коллективный Запад» во главе с США.

Хронология мероприятий клуба

Фоторабота выставки «Афганистан: годы, пули, судьба», «Перевал Саланг. Майор Валентин Глушко».

6 мая 2017 года

Члены Брянского регионального отделения Изборского клуба: Сергей Ушкалов, председатель Брянского отделения Изборского клуба, депутат Брянской областной думы, Виктор Гринкевич, доцент БГТУ Людмила Захарова; председатель регионального отделения «Союза православных граждан России» Александр Салов; общественный и политический деятель Ольга Бондарева; доцент БГУ им. акад. И.Г. Петровского Людмила Садовая; руководитель «Межтопэнергобанка» в Брянске Константин Головатский; доцент БГТУ Александр Швырков; исполнительный секретарь клуба Екатерина Уржунцева и другие, — совместно с поисковым объединением «Отечество» приняли участие в благоустройстве партизанских мемориалов в Трубчевском лесу.

16 мая 2017 года

В Брянском областном художественном музейно-выставочном центре состоялось открытие выставки «Афганистан: годы, пули, судьба», которая объединила более 100 фоторабот Александра и Василия Прохановых 1970–2010-х годов, посвящённых этой стране.

20 мая 2017 года

На Антикризисном форуме, проходившем в стенах Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, выступил директор Института экономических стратегий РАН, доктор экономических наук, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами МИФИ, член Изборского клуба Александр Агеев.

21 мая 2017 года

На Новой сцене Александринского театра Санкт-Петербурга в рамках проекта «Майские диалоги» прошли дискуссии председателя Изборского клуба Александра Проханова с главным редактором медиахолдинга «Эхо Москвы» Алексеем Венедиктовым (тема — «Скрытая угроза») и постоянного члена Изборского клуба, публициста Максима Шевченко с журналистом Николаем Сванидзе (тема — «Опасные связи»). В ходе дискуссии Проханова и Венедиктова активисты запрещенной национал-большевистской партии напали на последнего, облив его «разбавленным виски».

26 мая 2017 года

В конференц-зале Российской государственной библиотеки открылся юбилейный Всеславянский съезд, приуроченный к 150-летию Московского славянского съезда 1867 года, в организации которого принимал активное участие Изборский клуб. С основным докладом перед участниками съезда выступил председатель Всеславянского союза, руководитель Института русской цивилизации, главный редактор газеты «Русский вестник», постоянный член Изборского клуба Олег Платонов.

30 мая 2017 года

Нижегородское отделение Изборского клуба провело под председательством главы НО ИК Вячеслава Гуськова круглый стол на тему «Актуальные проблемы международной безопасности: угрозы и вызовы стабильности государственных систем».

Да здравствует Революция!

19-летний Пушкин, 16-летний Лермонтов, 22-летний Маяковский… «Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца…» — гласит расхожая мудрость. Величайшие русские поэты свои стихи всегда писали сердцем, писали кровью… И до старости, когда, по той же расхожей мудрости, они должны были стать консерваторами, просто не доживали: Пушкин погиб на 38-м году своей жизни, Маяковский — на 37-м, Лермонтову — не исполнилось и 27. Все они, каждый по-своему, предчувствовали и пророчили революцию в России: Пушкин — в стремлении «истину царям с улыбкой говорить», Лермонтов — в поисках «свободы и покоя», Маяковский, уже на пороге 1917 года, чувствовал себя «поэтом Революции».

А когда эта революция стала реальностью, её начали воспевать и проклинать, восхищаться ею и насмехаться над ней все мастера, подмастерья и ученики великой русской культуры, поэтической — в том числе. «Не замечать» эту революцию было так же невозможно, как ветхозаветный всемирный потоп, — её стихия коснулась всех и каждого. Необъятная поэтическая летопись революции в русской поэзии началась задолго до 1917 года и не закончилась с уничтожением Советского Союза. В нашей публикации вниманию читателей предлагается только малая часть этой летописи.

Георгий СУДОВЦЕВ

Александр ПУШКИН

К ЧААДАЕВУ

…Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

Михаил ЛЕРМОНТОВ

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь…

1830

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ОБЛАКО В ШТАНАХ

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядёт шестнадцатый год.

1914–1915

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте

спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

1924

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

...Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боёв
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетётся слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мёрли наши!

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтёмся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

1929–1930

Александр БЛОК

ВОЗМЕЗДИЕ

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлёт аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

1910–1921

ДВЕНАДЦАТЬ

«Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!..

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!..

Стоит буржуй на перекрёстке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмётся шерстью жёсткой
Поджавший хвост паршивый пёс.

Стоит буржуй, как пёс голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пёс безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост…

…Так идут державным шагом —
Позади — голодный пёс.
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

1918

Сергей ЕСЕНИН

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листья звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвётся
К новому берегу мир.

1918

ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

1918

Максимилиан ВОЛОШИН

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословенье моё, как гром!
Любовь безжалостна и жжёт огнём.
Я в милосердии неумолим:
Молитвы человеческие — дым.

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся низменность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздёрнутой на виску, то в петле, —
Тебя живьём свежуют палачи —
Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтён.
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнёшься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожжённый Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

1923

Николай АСЕЕВ

КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот,
и красный,
на площади Красной,
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь…
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд,
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнею спесью
наш разум строг,
но новые песни
все с красных строк.

Гляди ж, дозирая,
веков Калита:
вся площадь до края
огнём налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот!

Красуйся над миром,
мой красный народ!

1918

Нестор МАХНО

* * *

Кинулась тачанка полем на Воронеж,
Падали под пулями, как спелая рожь.
Сзади у тачанки —
надпись «Хрен догонишь!»
Спереди тачанки — надпись «Хрен уйдёшь!»

1920

ПРОКЛИНАЙТЕ МЕНЯ, ПРОКЛИНАЙТЕ!

Проклинайте меня, проклинайте,
Если я вам хоть слово солгал,
Вспоминайте меня, вспоминайте,
Я за правду, за вас воевал.

За тебя, угнетённое братство,
За обманутый властью народ.
Ненавидел я чванство и барство,
Был со мной заодно пулемёт.

И тачанка, летящая пулей,
Сабли блеск ошалелый подвысь.
Почему ж от меня отвернулись
Вы, кому я отдал свою жизнь?

В этой песне — ни слова упрёка,
Я не смею народ упрекать.
От чего же мне так одиноко,
Не могу рассказать и понять.

Вы простите меня, кто в атаку
Шёл со мною и пулей сражён,
Мне б о вас полагалось заплакать,
Но я вижу глаза ваших жён.

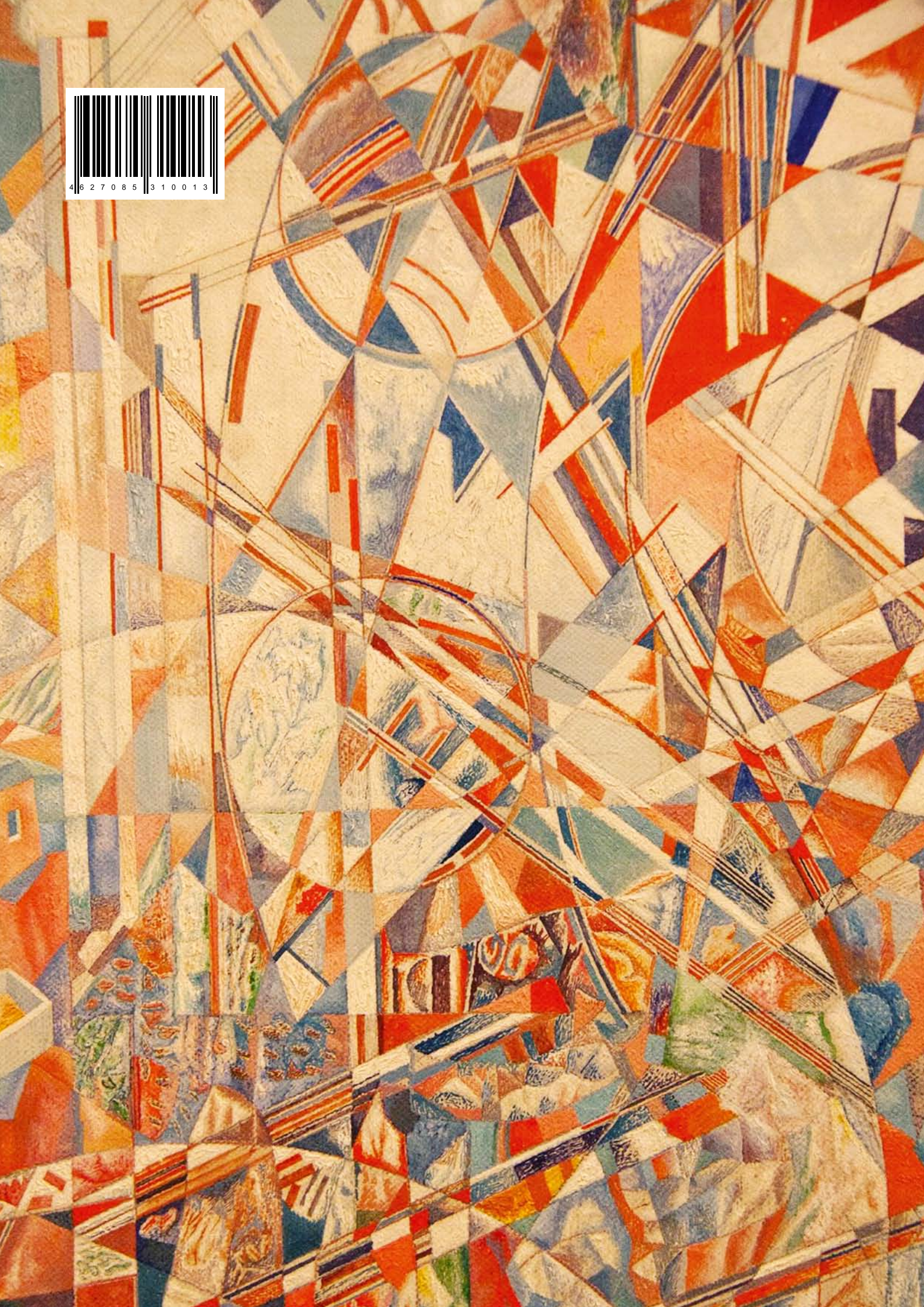
Вот они вас отвоют, отплачут
И лампады не станут гасить…
Ну, а батько — не может иначе,
Он умеет не плакать, а мстить.

Вспоминайте меня, вспоминайте,
Я за правду, за вас воевал…

1921

Велимир ХЛЕБНИКОВ

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики!
Ветерок в голове!
В пугачёвском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешёвке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном- Волгою!
Я пошлю вперёд
Вечеровые струги,
Кто со мною — в полёт?
А со мной — мои други!

1922